Охотники на мамонтов

Сергей Покровский

Посёлок на озере

#эксмодетство

Охотники на мамонтов. Посёлок на озере

Сергей Викторович Покровский

Аннотация
Сергей Викторович Покровский. Охотники на мамонтов. Посёлок на озере
Охотники на мамонтов
- Следы лесных великанов
- Преследование
- Чего боялись хуммы
- Куда пошли хуммы
- Куолу
- Неожиданная встреча
- Утро в посёлке Чернобурых
- В землянке Уаммы
- Художник Фао
- Колдовская пляска
- Загон оленей
- Пир
- Приглашение на праздник
- Опять Куолу
- Вурр
- Игры победителей
- Что снилось Ао

Лесные свадьбы
Испытание Уа
Месть Куолу
В мастерской Тупу-Тупу
На чём порешили в мастерской Тупу-Тупу
Тот, кто убивает носом
С оборотнем надо покончить
Тундра и криволесье
Трещина
Сердце хуммы
Аммуны
Обратный путь
Тревога
Неожиданные гости
Что случилось за это время в посёлке
Встреча гостей
Гнездо колдуна
Облава
История ловушки
Конец Уллы
Пир победителей
Переселение
Посёлок на озере
Часть первая
Уоми
Уоми и Дабу

Душа Священного Дуба
О чём думал Уоми?
Двадцать два года назад
Близнецы
Детство Уоми
Тропою зубров
Встреча
Что было с Уоми в чужой земле
В хижине Мандру
Пир
Сон
Пробуждение
Утро в хижине Гунды
Челнок
Пижму и Мандру
Кто был убийцей Мандру
Похороны
Тризна
Вместе с матерью
Заговорённый посох
Лосиха
Пижму или Уоми?
Часть вторая
Совет стариков
Молодые и старые
Сборы в поход

Пижму
Замысел Пижму
Урхату
Рефа
Новый посёлок
Зима
За когтями медведя
Надо спасать Уоми
У берлоги
Оба живы
Кто защитит?
Выгнал из дому
Суаминты
Лесная война
По следам суаминтов
Возвращение
Хонда
Куррумба
Отъезд
Часть третья
Вестник
Чужие
Знакомство
Заключение дружбы
Смотрины
Ехать на Мыс Идолов

Уоми!
Почему боялись Ойху?
На Мыс Идолов
Свадьба медведя
Сердце медведя
У идолов
Ворожба
Кунья
Заключение

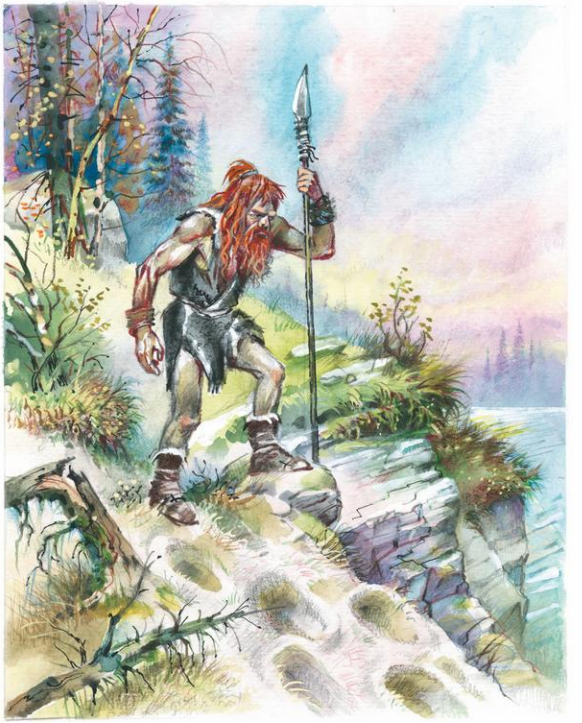
Аннотация

В книгу вошли две знаменитые повести известного биолога и писателя-натуралиста Сергея Викторовича Покровского, «Охотники на мамонтов» и «Посёлок на озере». Увлекательные приключения, охота на диковинных животных, козни коварных колдунов, мистические обряды, дружба и любовь – все подробности удивительных событий воссозданы по результатам археологических раскопок.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Сергей Викторович Покровский
Охотники на мамонтов. Посёлок на озере

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Охотники на мамонтов

Следы лесных великанов

Шевельнулись ветки кустов. Лохматая голова показалась, спряталась и опять показалась в просвете. Человек это или зверь?

Об этом не сразу можно было догадаться.

Рыжая львиная грива спускалась с этой головы и падала по плечам. На груди она сливалась с огромной бородой и совершенно скрывала шею. Из-под низкого лба остро глядели узкие щели-глаза. А над ними мохнатой щёткой нависали брови. И всё-таки это был человек.

Когда он раздвинул гущу ветвей на краю берегового обрыва, можно было разглядеть его сутулую, коренастую фигуру. На нём было надето что-то вроде короткого мехового мешка, подпоясанного лыком. В прорезы высовывались жилистые руки, обмотанные широкими меховыми браслетами. Левая рука сжимала копьё с каменным наконечником. Человек втягивал носом воздух, подставляя под ветер широкие ноздри.

Потом он вылез из кустов, сделал несколько шагов вдоль края обрыва и нагнулся.

Здесь трава и кусты орешника были поломаны и помяты.

Рыжий стал на колени, опёрся ладонями о землю, пригнул лицо к притоптанной траве и принялся нюхать её.

Он нашёл след какой-то огромной ступни:

— Хумма, хумма, хумма!

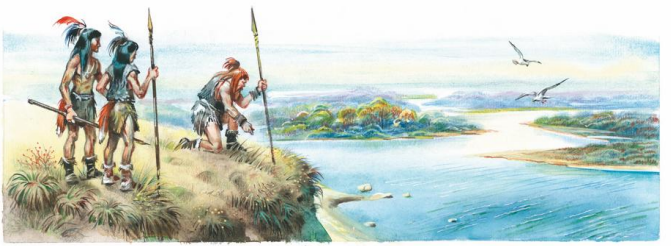
Он трижды прошептал это странное слово, поднялся и поманил кого-то к себе волосатой рукой. Потом приложил к носу указательный палец и сделал рукой плавный жест, как будто закручивал в воздухе невидимую спираль. Затем высоко поднял ладонь и два раза помахал ею.

Кому делал он эти знаки?

Не прошло и четверти минуты, как из чащи показались ещё два человека.

По наружности они резко отличались от первого. Оба были много выше. Они были молоды и стройны.

На их лицах не было ни усов, ни бороды. Прямые чёрные волосы, перевязанные на макушке, торчали пучком. В середину такого пучка было воткнуто перо, а у пояса назади болталось по лисьему хвосту. Горбатые тонкие носы, широко раскрытые глаза и соболиные брови придавали им смелый и воинственный вид.

Рыжий ещё раз прошептал: «Хумма!» — и показал рукой на север. Молодые ответили ему выразительными движениями: они радостно подпрыгнули на месте и взмахнули копьями.

Все трое выбрались на край речного обрыва. Внизу перед ними расстилалась долина Большой реки. На другой стороне зеленела мокрая пойма. На заливных лугах блестели узенькие озерки и лужи: их оставило здесь половодье. Люди осмот-

релись и стали спускаться вниз, цепляясь руками за длинные корни деревьев. Ниже обрыва начиналась пологая и мягкая осыпь; по ней тянулись звериные тропы. Одна, самая нижняя, была и самой широкой. На ней среди давних оленьих следов виднелись огромные свежие следы какого-то гигантского зверя.

— Хумма! Хумма! — радостно шептали охотники.

— Хо, хо! Волчья Ноздря! — выкрикивал, смеясь, самый младший из них — Ао.

Это был горячий восторг перед необыкновенным чутьём охотника.

Волчья Ноздря опустился на колени и стал обнюхивать след огромной ступни:

— Хумма прошёл, когда солнце проснулось и роса высохла.

Рыжий разбирал следы, как грамотей читает книгу. Он внимательно вгляделся в них и прибавил:

— Прошла молодая самка, а тут старая. Здесь детёныш и ещё детёныш.

Ао так же пристально изучал следы на краю берега и вдруг хлопнул себя ладонью по коленке:

— По воде шли! Много… много…

Волчья Ноздря засмеялся. Глаза его совсем

спрятались в морщинках. Рот растянулся почти до ушей.

Третий охотник, Улла, стал искать что-то в глубине мешочка, сшитого из беличьих шкурок. Он вытащил оттуда белый предмет длиною в ладонь. Это была женская статуэтка, вырезанная из мамонтовой кости. Статуэтка была сделана очень искусно. Она изображала пожилую женщину с тонкими, прижатыми к груди руками. Голова её была опущена. На голове можно было различить что-то вроде шапочки, покрывающей причёску. Или, быть может, это были изображены завёрнутые венцом косы.

Лица охотников стали сразу же серьёзными. Волчья Ноздря посмотрел кругом и выбрал место, где отвесная стена обрыва ближе всего подступала к реке. Со статуэткой в руках он направился туда.

Снизу белели известковые пласты, почти закрытые рыхлой осыпью. Над ними лежала толща плотной глины.

Взобравшись на мягкую площадку осыпи, Волчья Ноздря прежде всего наскрёб руками кучку земли и воткнул в неё до колен белую статуэтку.

Ао подошёл к обрыву и уверенными взмахами копья начертил на гладком отвесе очертания

зверя. Это был горбатый слон на толстых ногах. Он был покрыт прядями длинных волос и высоко поднимал концы могучих клыков. Фигура слона была сделана немногими скупыми линиями, но так искусно, что с первого взгляда можно было узнать, кого изображает рисунок.

Это искусство настоящего художника, у которого был глаз охотника, привыкшего подмечать все особенности и повадки зверя.

Едва только Ао закончил рисунок, как все трое быстро отпрянули прочь. Глаза их были широко открыты; челюсти плотно стиснуты; пальцы судорожно, с силой сжимали короткие копья; мускулы ног и всего тела натянуты, как струны.

Они медленно пятились назад, чтобы быть по-

дальше от обрыва: там перед ними стоял хумма — живой, мохнатый, страшный.

Охотники опустились на колени: Ао и Улла — по бокам, Волчья Ноздря — посередине, позади статуэтки. Здесь они были в полной безопасности: их охраняла колдовская власть Матери матерей, покровительницы их посёлка, могучей заклинательницы вражеских сил и невидимой спутницы во всех их опасных охотах.

Все трое воткнули в землю остриём вверх свои копья и ничком припали к земле; потом вскочили на ноги и затянули протяжную песню. Под монотонный мотив начался охотничий танец. Они ходили вокруг копий друг за другом, сгибая через каждые три шага то одно, то другое колено.

И песня, и танец не были для них развлечением. Это было заклинание. Заклинание должно было принести им, как они думали, охотничье счастье. Слов в песне было немного. Говорились они как бы от имени статуэтки, от имени самой Ло — Матери матерей рода Красных Лисиц:

Я ЛО, МАТЬ МАТЕРЕЙ РОДА КРАСНЫХ ЛИСИЦ!
Я ЗАКЛИНАЮ ГОРБАТОГО ХУММУ.
ЗАКЛИНАЮ ЕГО БИВНИ, И УШИ, И ВСЕ

ЧЕТЫРЕ НОГИ:
ХУММА, ХУММА, ПЕЙ ВОДУ!
ХУММА, ХУММА, ИДИ В ГОРУ!
ХУММА, ХУММА, ПАДАЙ В ЯМУ!
ХУММА, ОТДАЙ НАМ ТВОЁ МЯСО!
ОТДАЙ НАМ ТВОИ БИВНИ И ТВОИ КОСТИ!
ЗАКЛИНАЕТ ТЕБЯ ЛО, МАТЬ МАТЕРЕЙ КРАСНЫХ ЛИСИЦ.

Охотники хлопнули в ладоши и схватились за копья. Хумма стоял перед ними живой, косматый и поднимал к небу свой ужасный хобот. Но теперь он был уже им не страшен. Мать матерей укротила его. Она околдовала его своими чарами. Она связала его силу. Теперь он не мог сделать ни шагу от той стены, на которой был нарисован. Охотники набрали горсти песка и стали с силой бросать в чудовище. Они метили в то место, где Ао изобразил глаза — оба на одной стороне.

Зачем они делали это?

Нужно было ослепить хумму, чтобы он не мог видеть охотников.

После этого Ао подкрался к хумме и быстро обвёл тупым концом копья черту вокруг ослеплённого зверя. Круговая черта означала ловушку

или, может быть, колдовскую силу, которая смыкается вокруг зверя. Как только круг замкнулся, охотники опять запели своё заклинание. Они долго-долго кружились, приседали и подпрыгивали.

Наконец заклинательный танец кончился. Охотники поочерёдно вонзали копья в побеждённого хумму. Одно из них пробило глаз, другое — сердце, третье — живот. Этим всё колдовство завершилось. Оно отдавало хумму в полную власть охотников. Они верили, что теперь хумме от них не уйти. Кто может отнять у них ту добычу, которую уже опутало их заклинание? Разве только какое-нибудь чужое, ещё более сильное слово станет на их пути и разрушит волшебную власть Матери матерей.

Преследование

Самое важное для успеха было сделано. Теперь можно было идти дальше. Но раньше охотники сели отдохнуть. Песни, пляски и заклинания их утомили. Пот градом катился по их лицам. Сердце билось, руки и ноги тряслись. Они только что пережили такие чувства, как будто и в самом деле выдержали борьбу с чудовищем и одолели его. Все трое тяжело дышали и отирали ладонями мокрые лбы. Потом они вынули из-за пазухи запасы пищи и стали есть. Это были большие куски мяса молодой сайги.

Каждый держал большой кусок мяса в левой руке, а в правой — тонкую кремнёвую пластинку с острым, режущим краем; они вцеплялись крепкими зубами в край мяса, а потом кремнёвым лезвием отрезали кусочек перед самыми зубами.

Иногда им удавалось сразу отгрызть кусок, чаще же они довольно долго перепиливали волокна мускулов и сухожилий своими осколками кремня. Ели много. Нужно было утолить голод, успокоиться и собраться с силами, чтобы продолжать путь в поисках добычи.

Тропа мамонтов привела их к самой реке. Вдруг Волчья Ноздря остановился. Против устья оврага

протянулась песчаная отмель. Вся она была покрыта свежими следами целого стада мамонтов. Здесь хуммы пили, купались, обливали друг друга водой, посыпали себе спины песком, а слонихи кормили тяжеловесных и неуклюжих слонят. Там и сям по отмели раскиданы были кучи помёта.

— Хуммы пили воду, — сказал Ао и хлопнул по плечу Волчью Ноздрю.

Ноздря засмеялся. Он вспомнил слова заклинания:

ХУММА, ХУММА, ПЕЙ ВОДУ!
ХУММА, ХУММА, ИДИ В ГОРУ!

Свежие следы вели к оврагу, и скоро тропа со следами животных пошла наискось вверх, на правый берег оврага. Ноздря опять засмеялся.

— Хумма, хумма, иди в гору! — бормотал он.

На высоком берегу оврага стеной стоял осиновый лес. Мамонты проложили тропу по самому краю обрыва. Тропа была вытоптана крепко. Видно, стадо было большое и звери уже не раз спускались здесь на водопой.

Охотники шли гуськом, друг за другом, пока чаща не стала светлеть. Перед ними открылась выжженная широкая поляна, покрытая низким кустарником. Кое-где на ней торчали чёрные

стволы горелого леса.

Несколько лет тому назад в жаркую погоду разыгралась гроза. Молния ударила в сухую ель. Дерево вспыхнуло, как свеча, от него загорелись кучи валежника. Ветер раздул лесной пожар. Выгорел большой участок. Среди чёрных пней выросли высокие травы и ягодные кустарники. Летом густыми чащами поднимались целые полчища алых кипреев и густо кустилась земляника.

Охотники успели сделать только несколько шагов, как из-за кустов показалось стадо мамонтов. Здесь были и старые, и молодые. Совсем маленькие — приплод этого лета — жались к волосатым животам матерей. Хуммы мирно паслись под охраной огромных самцов. Они угрюмо стояли по краям, как коричнево-бурые холмы, медленно шевеля мохнатыми ушами. Огромные хоботы их качались, как маятники гигантских часов.

Толстые самки держались в середине со своими слонятами-сосунками и заботливо подзывали их, когда те пробовали отойти в сторону. Матери попискивали при этом тоненькими, скрипучими голосами, похожими на слабый поросячий визг. И странно было слышать, что такие звуки исходили от этих колоссальных и неповоротливых

животных. На обильных летних кормах мамонты сильно жирели, спинные горбы их превращались в мешки, туго набитые салом. Теперь же горбы не были так высоки, как осенью.

Охотники жадно смотрели на мохнатых великанов. У Волчьей Ноздри глаза сверкали, как у голодного волка. Он облизывался и часто глотал набегавшую слюну.

Вдоволь насмотревшись, он толкнул тихонько локтем сначала одного, потом другого соседа и знаками показал, чтобы они шли за ним. Осторожно, низко пригибаясь, они почти доползли до края оврага и спустились вниз, к реке.

Охотники решили гнать мамонтов к селению Красных Лисиц, где для них давно приготовлена ловушка — ямы.

Погнать мамонтов! Три человека, одетые в меховые мешки, говорили об этом так просто, как будто это было стадо косуль.

Большерогие олени в ужасе шарахались в чащу, когда на лесной тропе показывалась гигантская фигура вожака мамонтов. Могучие зубры уступали им дорогу. Огромный серый пещерный и бурый лесной медведи не решались вступать в бой со взрослым мамонтом. Даже свирепый северный носорог, при всей злобности своего

характера, предпочитал не встречаться с чудовищными бивнями хуммов.

Откуда же эта непомерная дерзость? Неужели эти голые двуногие, которые выучились таскать с собой палки с каменными наконечниками, сильнее медведей, зубров и злобных шерстистых носорогов?

Охотники направились вверх по оврагу, чтобы оттуда пробраться в тыл мохнатому стаду. Но прежде чем начать действовать, нужно было призвать на помощь силу Матери матерей. Правда, заклинание покровительницы племени уже произнесено, но сейчас предстояло выполнить самую трудную задачу: надо было заставить мамонтов идти туда, куда нужно.

Белую статуэтку снова вытащили из беличьего мешка. Все три охотника тихо шептали ей в уши ласковые слова и деловито рассказывали все

обстоятельства охоты. Времени терять нельзя: нужно было только объяснить поскорее, куда должна быть направлена неодолимая сила заклинания. Пошептав, охотники вскочили на ноги. Ао взял в руки статуэтку, быстро поднялся по крутому склону и осторожно высунул голову из-за края оврага.

Хуммы по-прежнему мирно паслись среди кустов на том же месте. Ао поднял белую фигурку Матери матерей. Она должна была сама хорошенько осмотреть и стадо, и поляну, чтобы не вышло ошибки.

Через несколько мгновений Ао сбежал вниз. Надо было спешить. Дел впереди ещё много. Охотники быстро зашагали в обход спокойно пасущихся мамонтов.

Чего боялись хуммы

Солнце уже спускалось, тени от кустов и деревьев росли.

Мамонты всё ещё продолжали неторопливо набивать пищей свои необъятные желудки. Лесная поляна, богатая кормами, была для них настоящим раздольем. Густая трава, пестреющая весенними цветами, сочные лозы ивняка и жимолости, вяжущие язык, ветки молодых осинок и берёз — всё это было для них лакомым блюдом. Взрослые хуммы держались ближе к опушке, и можно было видеть, как они с треском ломали древесные сучья. Их чудовищные коренные зубы, тяжёлые, как жернова, растирали не только траву и листья, но и крепкую кору и древесину. Мамонты так были заняты едой, что, казалось, ни на что не обращали внимания. Вдруг один из вожаков тревожно насторожил уши. Как два огромных кожаных лоскута, они поднялись и оттопырились по сторонам головы. Хобот вытянулся вперёд, хумма шумно вдохнул в себя свежую струю холодеющего воздуха.

С запада тянул ветерок. Вместе с ним доносился ни с чем не сравнимый запах, который наводил

страх даже на сильнейшего из зверей. Это был едкий, горьковатый запах лесного дыма. К нему примешивался тот особенный дух двуногих существ, которого боятся и звери, и птицы.

Маленькие глаза хуммы беспокойно осматривали край поляны, и вот голубоватая струйка дыма зазмеилась с той стороны, откуда восходит солнце. Ветер доносил потрескивание сухих ветвей, душистый запах горящего можжевельника и еловой смолы.

Вожак поднял хобот и протрубил сигнал тревоги. Всё стадо разом зашевелилось. Головы гигантов повернулись к востоку, и слонихи беспокойным визгом начали подзывать рассыпавшихся по кустам детёнышей.

На несколько мгновений взрослые мамонты застыли в немом ожидании. В это самое время от опушки леса отделились три странные фигуры, не похожие ни на одного из жителей леса. Они были густо обвязаны сухими ветками ёлок. Каждая из них держала в руках по огромному пылающему, как факел, смолистому суку.

Странные существа размахивали огнём и медленно приближались к стаду.

Все горбатые самцы подняли свои огромные хоботы, и отрывистые звуки раздались на лесной

поляне. Слонихи первые начали отступление. Слонята рысью затрусили за ними. Сзади замыкали шествие, тяжело ступая, самцы, растопырив, как крылья, необъятные уши. Самый старый и самый крупный из них всё ещё стоял на месте и глядел на приближающуюся опасность. Хобот его был грозно поднят к небу, а белые бивни, как толстые кривые стволы, торчали вперёд. Они загибались в стороны и назад, как белые края гигантской лиры. Он стоял один и был похож на тёмное бронзовое изваяние. Казалось, он готовился встретить таинственных врагов и уничтожить их. Вид его был страшен. Но люди продолжали наступать. В другое время мохнатая фигура чудовища испугала бы их. Но сейчас они чувствовали за собой непобедимую силу, которая всё покоряет на своём пути. Мамонты боялись огня, но наивные люди думали, что силу им придало заклинание Матери матерей.

Ао шёл впереди. От его факела брызгами разлетались искры. И клубы едкого дыма доносились до ноздрей старого вожака хуммов.

В это время до ушей мамонта долетел призывный зов самок. Великан тяжело повернулся и стал догонять удаляющееся стадо. Он шёл не спеша, но огромные шаги его были так широки, что че-

ловеку пришлось бы бежать, чтобы не отставать.

Мамонты пересекали поляну. Кусты трещали под их тяжестью. Охотники почти бежали, однако на порядочном расстоянии — близко подходить было опасно.

Хуммы возвращались той же тропой, какой пришли сюда. Самцы иногда останавливались

и оглядывались на преследователей. Охотники продолжали размахивать дымящимися ветвями и двигались вслед за ними.

Мамонты дошли до берегового обрыва. Здесь слоновья тропа разделялась: одна шла вдоль обрыва на юг, другая — на север.

На минуту слонихи задержались. Они оглядывались на отставших слонов, как будто приглашая их поскорее следовать за собой.

Когда самцы стали подходить, огромная слониха, самая старая и большая во всём стаде, повернула на северную тропинку, и остальные послушно двинулись вслед за ней.

Охотники очень удивились, когда увидели, что стадо повернуло на север. Как же так: ведь они просили свою Ло, чтобы она помогла подогнать стадо к селению Красных Лисиц, а Красные Лисицы жили к югу, а не к северу от поляны хуммов. Неужели заклинаний было недостаточно?

Они поделились сомнениями с Волчьей Ноздрёй.

— Не бойтесь, — сказал Ноздря, — они ищут другого спуска. Этот слишком крутой. По нему хуммам трудно спускаться.

Охотники успокоились.

Между тем хуммы продолжали шагать всё

дальше и дальше. Эта тропа была и в самом деле более широкой, идти по ней было просторнее.

Слонихи шагали осторожно и, почти не переставая, взвизгивали, подзывая детёнышей, которые по-ребячьи легкомысленно отбивались то влево, то вправо. Им нравилось забираться в кусты и ломать свежие ветки. Иногда они принимались гоняться друг за другом, обгонять передовых, ломясь через кусты.

Шалунам нравилось также, разбежавшись, неожиданно ткнуть лбом идущего впереди прямо в хвост и заставить пуститься резвее вперёд, чтобы избежать повторного удара. Один из забияк проделал такую рискованную шалость даже у самого края обрыва.

Получивший удар метнулся в сторону, и вдруг земля поехала под его ногами, комки и камни запрыгали вниз, кружась в облаке пыли. Бедный слонёнок сорвался с кручи и покатился вместе с оползнем и глиной с головокружительной высоты прямо на прибрежные валуны.

Это случилось так быстро, что никто из взрослых хуммов не понял, что именно тут произошло, тем более что высокая заросль жимолости не давала возможности ясно видеть обоих шалунов в густой зелени кустарников.

Стадо продолжало шагать дальше. Шаги хуммов как будто ускорились. Казалось, они решили отделаться во что бы то ни стало от своих надоедливых преследователей, продолжавших пугать их огнём и дымом.

Наконец они подошли к тому месту, где начинались большой береговой оползень и осыпь, которые образовались здесь, как видно, очень давно, судя по тому, что обваленные части берега заросли не только густой травой, но и молодыми осинками и кустарниками. Тропа мамонтов спускалась здесь наискось и более полого.

Один за другим животные шли к спуску, притаптывая подросшую траву и обламывая по пути зелёные ветки осинок. Охотники внимательно следили за ними сверху, спрятавшись в зелёной чаще, нависшей над береговым обрывом.

Мамонтов было много. Их длинная вереница отлично была видна с высокого берега. Всех хуммов было бы легко сосчитать. Беда только в том, что охотники считали очень плохо и могли только сказать, что пальцев на руках и на ногах далеко не хватает, чтобы пересчитать всех слоних, слонят и самцов.

С радостью заметили они, что, как только стадо спустилось на верхнюю береговую террасу,

звериная тропа повернула на юг и хуммы по ней двинулись как раз в ту сторону, куда было нужно.

Вздох облегчения вырвался у всех троих, когда они убедились, что заклинание не обмануло их и длинное шествие хуммов направилось в сторону посёлка Красных Лисиц.

О добрая старая Ло, славная покровительница рода! Твоё колдовство не обмануло. Твоя волшебная фигурка из слоновой кости недаром была взята охотниками из рук самой родоначальницы. Ведь это самый верный залог их охотничьего успеха.

Куда пошли хуммы

Мамонты и люди жили в одной стране многие тысячи лет. Когда люди научились охотиться сообща, они стали побеждать самых крупных зверей. Волки, медведи, пещерные гиены с их страшными зубами отступали перед натиском людей с их каменными орудиями.

Мамонты долгое время были непобедимы, но и они в конце концов сделались предметом охоты. Люди научились добывать огонь. Они зажигали сухую траву в конце лета, устраивали лесные пожары, которые ужасали всех зверей и даже мамонтов. Люди научились подстерегать и отгонять от стада новорождённых слонят, чтобы потом захватывать их. Они выучились делать ловушки и загоны, куда попадали и взрослые хуммы.

Вот почему большое стадо мамонтов, несмотря на свою силу, не стало дожидаться нападения этих пахнущих дымом двуногих и предпочло уклониться от неприятной встречи. Пройдя несколько десятков шагов по верхней террасе, оно нашло пологий спуск и стало медленно спускаться вниз, к самой воде, на влажную полоску прибрежного сырого песка и отшлифованных

камешков.

Ао, Улла и Волчья Ноздря спустились по слоновьей тропе вслед за стадом к берегу Большой реки. Они торжествовали. Волшебная сила Матери матерей, казалось, продолжала действовать неодолимо. Они твёрдо верили, что им удастся загнать мамонтов в окрестности селения Красных Лисиц.

А тогда…

Вдруг Улла громко ахнул и протянул руки вперёд. Отсюда можно было хорошо видеть, как передовая слониха повернула не к югу, а к северу. Хуммы собирались идти не к посёлку Красных Лисиц, а совсем в другую сторону.

Что же это значит? Где же помощь Матери матерей? Где её могущество? Как остановить их? Как заставить повернуть обратно?

Ао торопливо выхватил из мешка и поднял над головой волшебную статуэтку. Волчья Ноздря зашептал заклинательные слова. Все трое начали кружиться вокруг Матери матерей.

Но ничто не помогало. Хуммы упрямо шли своей дорогой. Ни один из них не послушался заклинаний.

Охотники с недоумением смотрели друг на друга и на костяную фигурку. Куда же девалась

её сила?

Вдруг Улла схватил Волчью Ноздрю за плечо.

— Гляди! — зашептал он со страхом и показал на лесные верхушки деревьев.

Осины качались и трепетали листьями. Слабый ветерок, который так недавно гнал дым от костра на мамонтов, теперь сменился другим. Вместо него по лесу шумел северяк, от которого шатались древесные стволы.

— Пущено по ветру, — многозначительно шепнул Улла и тревожно огляделся вокруг.

Волчья Ноздря переменился в лице, а всегда смелый Ао побледнел; руки у него дрожали.

— Пущено по ветру! — повторил он, как эхо.

— По ветру! По ветру! — зашептал и Волчья Ноздря, и было видно, как волосы на его голове стали топорщиться. Так встаёт шерсть на загривке у волка, когда он чует опасность.

Все трое стали пристально вглядываться в кусты. Ветки их подозрительно качались. Не понимая причин перемены ветра, они решили, что кто-то более сильный в этих местах стал у них на дороге. Это он уничтожил силу заклятия, которое помогало им до сих пор. Чья-то чужая колдовская власть вмешалась в их охоту и повернула всё по-своему. Хотя бы один из хуммов пошёл к посёлку

Красных Лисиц!

— Это Куолу! — сказал Волчья Ноздря.

В тревоге охотники спустились к самой воде. Здесь против устья оврага находилась та самая длинная отмель, которую топтали мамонты. Долина реки уходила прямо на север. Там, где-то далеко, по рассказам стариков, скрывалось озеро. Из него рождалось начало Большой реки, а ещё дальше лежал Великий лёд. Оттуда неслись холодные ветры и приползали туманы.

Охотникам было видно, как вереница тёмно-коричневых мамонтов тянулась гуськом у самой воды по мягкой песчаной береговой полосе. Над береговой террасой поднимались почти отвесные обрывы высокого правого берега, поросшего лиственным лесом. Люди стояли в растерянности. Теперь они не старались догонять зверей, но и упускать их из виду им тоже не хотелось.

Расстояние между ними увеличивалось, хотя стадо было ещё хорошо видно.

Ао оглянулся и зашептал:

— Смотрите, смотрите!..

Он указывал пальцем на береговую кручу, под которой они стояли. Там в густом буреломе свалившихся с вершины берегового карниза сухих деревьев шевелилось что-то тёмное. Скоро

острые глаза охотников рассмотрели фигуру молоденького хуммы, застрявшего головой среди толстых стволов. Он угодил туда, когда упал вниз с высокого берега. Это был тот самый слонёнок, который так неосторожно расшалился, когда стадо хуммов проходило по краю обрыва.

Слонёнок упал головой в груду бурелома и переломил себе спинной хребет. Он ещё двигал ушами и хоботом, но это были уже последние, предсмертные движения.

Быстрыми прыжками охотники добрались до слонёнка, перелезая со ствола на ствол и расчищая себе дорогу среди чащи засохших, изуродованных ветвей.

Один бок маленького хуммы был сильно ободран, и обломок сучка глубоко вонзился ему между рёбрами.

Оглушив слонёнка крепкими ударами по голове камнем с острыми краями, Ноздря принялся остриём своего копья расширять его рану.

Из раны тонкой струйкой побежала тёмная кровь. Ноздря подставил сделанную из берёсты черпалку и набрал тёплой мамонтовой крови. Выпил до дна, не отрываясь, и передал черпалку Улле. Молодые охотники последовали примеру Ноздри.

По поверью, жизнь молодого хуммы вошла в них вместе с кровью. Теперь они все трое вооружились кремнёвыми ножами и собирались уже вырезать себе по куску ещё тёплого мяса, как вдруг чей-то сердитый окрик заставил их содрогнуться.

Высоко над собой, на самом краю обрыва, они увидели дородную фигуру полуголого человека. Одна только волчья шкура охватывала его стан. Длинные волосы прядями рассыпались по

плечам.

Волосатый человек махал сучковатой дубиной.

— Наши хуммы! — кричал он, размахивая руками. — Наши хуммы! Чужое мясо! Плохо гоняться за чужой едой!

Волосатый орал и визжал изо всех сил и яростно грозил дубиной.

— Это Куолу. Это он пустил ветер на хуммов, — зашептал испуганно Волчья Ноздря.

Охотники отпрянули прочь и быстро сбежали вниз, на песчаную террасу. Зубы их стучали от страха. Куолу нагнулся, поднял с земли камень и швырнул с высоты в охотников. Волчья Ноздря бросился ничком на песок и обеими ладонями закрыл голову. Ао и Улла сделали то же. Так лежали они неподвижно, откинув в сторону оружие и уткнувшись лицом в землю.

Куолу ещё продолжал кричать. Он швырял камнями, грозил, что не даст им изловить ни одного зверя, что испортит им всякую охоту.

Охотники отошли в сторону и знаками показывали рассерженному Куолу, что отказываются от своей неожиданной добычи.

— Смотрите, смотрите! Не видать вам больше хуммов, ни старых, ни молодых…

Он выразительно махал руками в ту сторону,

куда уходили хуммы, и злорадно смеялся, показывая на север. Охотники оглянулись, и теперь им стало ясно, чему смеялся Куолу. Мамонты уже вошли в воду и начали переходить реку. На той стороне развернулась обширная пойма. Река в этом месте была широка, но мелка. Вода слонятам доходила только до брюха. Они смело шагали за матерями, и всё стадо спокойно переходило вброд. По временам хуммы останавливались, чтобы попить в своё удовольствие и побрызгать из хоботов на спины себе или другим. Напившись и пополоскавшись, стадо начало вылезать на противоположный берег. Охотники следили, как хуммы ленивой походкой удалялись в глубь заливных лугов. Они осторожно пробирались между озёрами и топкими болотцами, покрытыми зелёной осокой.

За широким простором лугов, далеко на севере, виднелась узкая полоска синего леса. Хуммы тянулись туда. С каждым шагом их тёмные туши становились всё меньше и меньше, пока из огромных животных они не превратились в вереницу ползущих букашек.

Куолу надоело смотреть на удаляющееся стадо. Он перестал смеяться, нагнулся и опять швырнул камень.

— Сердитый, — сказал Улла и робко поглядел на Куолу.

— Лучше пойдём домой, — сказал Ао. — Ничего нет.

— Матерям есть надо. Старикам, детям кто принесёт еду?

— Матери матерей надо еду, — прибавил Ноздря.

Надо было сговориться с Куолу, чтобы ещё больше не рассердить его. Если они пойдут запрещённой дорогой, он может испортить всякую другую охоту. Нельзя было и думать о доме, пока не будет поймана какая-нибудь крупная добыча. Охотники решили идти вперёд по новым местам, и притом против ветра. Звери чутки, и, если до них доносится запах человека, они прячутся и убегают.

Чтобы задобрить страшного Куолу, Улла приложил к губам рупором руки и закричал:

— Куолу! Куолу! Хуммы ушли, не надо нам хуммов. Бери себе слонёнка. Возьми добычу. Мы пойдём. Будет счастье — принесём жирный кусок и Куолу.

Куолу улыбнулся, молча махнул рукой, и охотники двинулись дальше.

Куолу

Почему же так страшен охотникам был Куолу? Откуда этот страх, это трусливое желание его задобрить?

Куолу стали бояться с тех пор, как он здесь поселился. Он был из рода Вурров, то есть медведей. Становище находилось на расстоянии нескольких дней пути, на берегу притока Большой реки. Вурры жили в курных землянках, похожих на глубокие норы, на склонах речных берегов. В каждом становище ютился отдельный род. Основой рода были женщины-матери. Они были хозяйки землянок. Все они занимались колдовством. Они знали множество заговоров и заклинаний: от зубной боли, от разных болезней, от нападения зверей.

Во главе каждого рода стояла самая старшая, искусная и почтенная из колдуний. Она считалась самой могущественной из всех. Все другие получали колдовскую силу только от неё. Она считалась прабабушкой всего детского и юного населения.

Женщины со своими детьми, подростками и девушками составляли полуоседлое население

становища. Мужчины-охотники вели полубродячую жизнь. Они то появлялись, то вновь исчезали. По целым дням, иногда по неделям бродили они за добычей и при удаче приносили её для всех. Все матери считались сёстрами. Их дети, то есть все девушки и юноши, также считались братьями и сёстрами. Юноши уходили в соседние родственные становища и там искали себе невест. Они оставались надолго жить в посёлке своих жён, проводя там тёплое время года.

С наступлением холодов, а то и раньше возвращались они в становище матерей, чтобы охотиться и добывать пищу для родного посёлка. Жили они отдельно от незамужних сестёр и младших братьев, в особой большой землянке, куда имели доступ только охотники и старики.

Сурова была зима в долине Большой реки. Она была очень длинная и снежная. Метели и вьюги бушевали тут по целым месяцам. Глубокие сугробы нередко совсем погребали под собой землянки людей. Особенно много снега наносили западные ветры.

Иной раз после сильных буранов жители с трудом прокладывали себе выход из своих засыпанных нор.

Но как ни долга была зимняя пора, весна, хоть

и поздно, брала своё. Она разрушала белые бастионы зимы. На освобождённой от снега земле зацветали весенние цветы. Посёлки Большой реки встречали победу солнца песнями, плясками и хороводами. Бывало, правда, что жёны уходили с мужьями в посёлок их матерей и оставались в нём навсегда.

Случилось, что молодой Куолу стал мужем своей ровесницы Изы, девушки того же рода Вурров.

Они были детьми разных матерей, но как члены одного рода они, по понятиям Вурров, должны были называться братом и сестрой.

Их брак был нарушением обычаев и привычных понятий племени. В глазах родичей они совершили преступление, и притом непростительное.

Проступок этот сделал их отщепенцами в своём собственном посёлке. Никто не хотел жить с ними под одной крышей.

Охотники изгнали Куолу из мужского дома. Женщины не пускали Изу к себе. Куолу и Изе пришлось наскоро вырыть маленькую землянку на краю посёлка и отдельно добывать себе пищу.

Вскоре произошло событие, которое окончательно сделало невозможным совместную жизнь

их со своими родичами.

В их посёлке особенно строго соблюдалось почитание Родового огня. Неуважение к нему каралось как величайшее из преступлений.

Родовой огонь горел в особой пещере, выкопанной в известковом обрыве. В пещеру имели право входить только Мать матерей племени да ещё четыре старухи, на которых лежала обязанность поддерживать пламя, подкладывать сучья и валежник.

Каждый вечер всё население посёлка приносило к пещере свежие вороха валежника и сухих сучьев. Четыре старухи перетаскивали их в пещеру. Мать матерей подкидывала сучья в костёр, а толпа молча сидела перед входом, зачарованная блеском огня. Если в посёлке гасли все домашние очаги, можно было взять от Родового огня горящую головню. Но сделать это могла лишь сама Мать матерей после усиленных просьб своих детей и внуков. С особыми церемониями и ворожбой выносила она горящую ветку и отдавала одной из старух, а та, в свою очередь, передавала её тем, кто почтительно дожидался у входа.

И вот один раз в летнем шалаше молодого Куолу погас костёр. Иза побежала за огнём к соседям. Но никто не давал ей огня, потому что она

считалась теперь как бы чужой. Тогда она вошла потихоньку в пещеру Родового огня, в которой, как ей показалось, не было никого, и похитила горящее полено.

Но уже к вечеру об этом узнало всё становище. Все стали говорить о том, что Иза и Куолу похитили огонь из священной пещеры. Куолу и Иза упорно отрицали своё преступление. Но следопыты рода доказывали, что след маленьких женских ног ведёт от пещеры к летнему шалашу Изы и Куолу.

Мать матерей назначила на следующее утро суд над виновниками страшной, кощунственной кражи. Суд должен был начаться гаданьем, которое откроет преступников. Виновных ожидало испытание огнём, и в случае их осуждения им грозила немедленная и мучительная смерть.

Своевольная пара знала, что её ожидает. Куолу и Иза в ту же ночь бежали из своей землянки, захватив с собой оружие и два мешка, набитых звериными шкурками. Они вырыли себе землянку на полпути между стойбищами одноплеменных с Медведями родов Красных и Чернобурых Лисиц. Долго и искусно они скрывались, потому что боялись жестокой расправы. Но родные выследили их. Лучшие охотники по-

сёлка Медведей отправились, чтобы захватить их. Однако облава потерпела полную неудачу: найденная землянка оказалась пустой.

На другой день преследователи рассыпались широкой цепью и стали обыскивать соседний лес. Они уже напали на след беглецов. Гибель их казалась неизбежной, как вдруг огромный носорог неожиданно бросился на преследователей. Двух из них он убил своим рогом, одного затоптал насмерть ногами. Остальные разбежались и вернулись домой, поражённые ужасом.

Охотники Вурры решили, что это Куолу превратился в носорога. Его стали бояться, как огня. Его считали могущественным колдуном, который может сделать какое угодно зло. Всякую беду, всякую болезнь, смерть или неудачу приписывали колдовским чарам Куолу.

Если охота была неудачной и жители посёлка начинали голодать, снаряжалось посольство на поклон Куолу. Его задабривали подарками или обещаниями, просили не мешать охоте и после удачи лучший кусок относили к землянке колдуна. Куолу выгодно было поддерживать свою славу оборотня и колдуна. При случае он рассказывал о себе страшные небылицы. При этом сам он начинал верить в свои россказни и в свои

колдовские способности.

И всякий раз, когда людям приходилось держать путь мимо землянки Куолу, они старались сделать это как-нибудь незаметно: обойти её стороной, проскользнуть ночью или на утренней заре.

Вот почему угрозы Куолу так напугали наших охотников. Какое облегчение почувствовали они, когда толстая фигура Куолу скрылась за выступом берега! Как хорошо, что его уже больше не видно и он не может послать им вслед враждебное заклинание!

Неожиданная встреча

Охотники под кручами лесных берегов осторожно пробирались на север. Солнце уже начинало садиться. Тень от высокого берега перекинулась через реку. Надо было подумать о ночлеге. Все трое стали взбираться на высокий берег в том месте, где он был не так крут. Но только что они вступили в лес, как из кустов показалось с десяток вооружённых людей. Охотники приготовились защищаться, но услышали смех и весёлые голоса:

— Чернобурые Лисы не грызут Красных Лисиц!

Это была встреча соплеменников, друзей из стойбищ двух родов.

— Что видели хорошего?

— Всё хорошо!

— Что видели злого?

— Ничего не видели!

Охотники из рода Чернобурых Лисиц повели соседей к своему лагерю. Неподалёку от берега горел костёр. Около него тоже сидели люди. Двое из них поджаривали на вертеле бедро убитой косули. Более голодные лакомились сырой печёнкой и кусками парного мяса. Старшие разбивали

камнями очищенные от сухожилий трубчатые кости, чтобы добраться до костного мозга.

Чернобурые стали угощать гостей. За едой обменивались новостями. Встреча с мамонтами всех заинтересовала. Сговаривались проследить их для совместной охоты.

— Нет! — сказал самый старший из Чернобурых. — Хуммы уйдут далеко. Пойдут к Великому льду. Хуммы знают: прилетит мошка Зиа-Зиа и будет забиваться в ноздри. Мошек боятся и хуммы. Теперь они худые, осенью будут жирные. Пожелтеют берёзы, упадут листья, умрёт мошка, подует холодный ветер, приползут туманы с Великого льда. Тогда вернутся хуммы, и горбы их будут ещё выше, чем теперь. Чернобурые будут тогда их сторожить. Они расскажут обо всём Красным Лисицам и станут вместе ловить горбатых хуммов.

Чернобурые рассказали, как они выследили стадо оленей. Они ходят за ними уже много дней. Когда удастся погнать их к загону, Красные Лисицы помогут им окружить рогатых зверей.

За едой и разговорами незаметно спустился сумрак. Вверху зажигались звёзды. Лагерь начал готовиться к ночлегу. На всякий случай зажгли костры. Люди расположились на земле, и огонь

охранял их сон от зверей и от злых взглядов, которые приносит ветер.

Усталые люди крепко уснули, подложив под голову по охапке мягкой травы. Только двое

сторожевых остались сидеть у костра. Чтобы не уснуть, они тихонько переговаривались между собой. По временам они подкидывали в огонь заготовленные пучки валежника. Долго не спал также Ао. Он сидел, охватив руками колени и откинув назад свою красивую голову. Ао прислушивался к затаённым шорохам ночи.

После всех приключений и испытаний этого дня ему не спалось, и он думал о том, что такое эти небесные огоньки. Ао привык слепо верить тому, что ему рассказывали старшие родичи. Но про небесные огоньки говорили по-разному.

Мать объясняла ему, что там, на небе, живут такие же светляки, как и те, что сияют тёплой летней ночью под кустами в густой траве на опушке леса.

А вот Тупу-Тупу говорит по-иному. По его рассказам, это далёкие костры небесных охотников. Они зажигают их на ночь, когда садятся отдыхать после долгой охоты в широких лугах высокого неба.

И Ао не знал, чему же надо верить.

Утро в посёлке Чернобурых

Летняя ночь накрыла тёмным пологом и посёлок Чернобурых, и соседний лес, и всю долину Каменного оврага, где мирно спали люди в своих землянках. Землянки были вырыты недалеко от края оврага и глядели в него тёмными дырами входов. Ниже выступали каменные глыбы известняков.

Ещё темнее было в лесу, который поднимался за поляной.

Но коротка летняя ночь. Не успели люди отдохнуть, как с востока показались слабые отсветы новой зари. Свет перекинулся и на правый высокий берег, где у воды по осыпи тянулись низкие кусты ивняка.

Две серые тени выползли из-под кустов и замерли на месте. Пока они были неподвижны, их трудно было заметить. Вдруг они двинулись вперёд и тёмными комочками скользнули к самой реке.

Теперь их можно было разглядеть более ясно. Это были два пушистых зверька ростом с небольшую собачку. Дымчатая шёрстка летних шкурок как нельзя лучше скрывала их в сумерках ночи.

Осмотревшись хорошенько, они припали к воде и начали жадно лакать горячими узенькими язычками.

Это были песцы, или полярные лисицы. Они водились тогда там, где теперь расстилаются чернозёмные степи. А северные олени попадались у склонов Крымских и Кавказских гор.

Лисички напились, подняли мордочки, навострили ушки и потянули ноздрями воздух.

Ветер качнул тонкие лозинки и донёс им отдалённый, но терпкий запах человеческих нор. Пахло дымом костров, жжёной костью.

Песцы жадно проглотили набежавшую слюну и, осмотревшись ещё раз, помчались туда, куда призывал их заманчивый запах. Они неслись по берегу плавными скачками, словно пара серых ночных птиц, скользящих бесшумно над самой землёй. Возле устья Каменного оврага песцы остановились и прислушались к журчанью холодного ручейка под сводами ещё не растаявших в овраге снежных сугробов.

Наконец они очутились у пологого спуска и стали взбираться на высокий берег, прямо к землянкам Чернобурых.

Песцы осторожно подкрадывались к посёлку. Люди ещё спали. Но тем сильнее манили к себе

песцов вкусные запахи.

На ровной площадке перед входом землянок было разбросано немало отличной еды.

Везде валялись кости. Мясо на них было обглодано, но на многих можно ещё было найти присохшие сухожилия и свежие хрящи. Губчатые части костей, пропитанные костным жиром, были вполне съедобны. Попадались и куски мяса, брошенные в дни изобилия. Возле одной из землянок валялись рыбьи внутренности, головы щук и налимов.

Зверьки с удовольствием доедали отбросы человеческой кухни. В предутренней тишине отчётливо слышались чавканье и хруст костей.

Заря разгоралась.

В кустах уже заливались птицы. Над болотом потянулись туманные полосы. Близилось утро, и прохладный воздух становился почти морозным.

Вдруг затрещала и отодвинулась заслонка у входа одной из землянок.

Из тёмного отверстия душного жилья высунулась кудрявая голова. За ней показалась тонкая фигура полуголого юноши, почти мальчика, с широким меховым поясом.

Это был Уа, старший сын рыжей Уаммы и

самый бойкий из её детей. Уа выполз на четвереньках из чёрной дыры и осмотрелся.

— Фью! — свистнул он на песцов.

Они отбежали на несколько шагов и с любопытством уставились на человека. Он свистнул ещё раз, но песцы остались на месте и продолжали его разглядывать. Тогда ему сделалось страшно.

«Может быть, это оборотни? Может быть, это колдуньи из враждебного племени Лесных Сов? Отчего они так пристально смотрят? Может быть, они хотят послать несчастье недобрым вражеским глазом?»

Уа глядел на них со страхом. Лицо его вытянулось. Он уже начал пятиться назад к землянке, как вдруг взгляд его упал на кучку белых камней, аккуратно уложенных направо от входа. Уа вспомнил, что это наговорные камни: над ними долго шептала сама седая Каху, Мать матерей Чернобурых. Каждый из них был помечен чёрным углём.

Теперь Уа знал, что надо делать. Если кинуть в оборотня наговорным камнем, от оборотня пойдёт дым.

Уа схватил один из волшебных камней и метко швырнул им в лисичек. Песцы взвизгнули и опрометью бросились в кусты.

В землянке Уаммы

Уа был высок и строен.

Если бы его спросили, сколько ему лет, он даже не понял бы вопроса. Во-первых, он почти не умел считать. Если он хотел рассказать, что видел четырёх зайцев, он загибал на руке четыре пальца. Всякое число больше пяти называл просто «хао», то есть много. Да и во всём посёлке Чернобурых никому и в голову не приходило считать года. Важнее было вот что: на верхней губе у него уже показался рыжий пушок, а голос начал грубеть и ломаться. В последний год он сильно вырос.

Отрочество Уа подходило к концу. Уже давно с нетерпением дожидался он того дня, когда взрослые дадут ему в руки боевое копьё, примут в число охотников. Его станут брать с собой на поиски оленей, на охоту за зубрами, носорогами, а может быть, и за дикими лошадьми. Правда, ему придётся немного пострадать. Он ещё должен выдержать трудное испытание. Но этого он не боялся. Он сам готовился к этому «экзамену зрелости». И не раз он, уйдя в лес, хлестал себя гибкой лозой по голой спине, чтобы уметь, не моргнув, переносить самую острую боль.

Он готов хоть сейчас на какие угодно муки, только бы получить право называться настоящим взрослым охотником.

А пока он ещё мальчик. Он должен жить с сёстрами и младшими братьями в материнской землянке. Там было и душно, и жарко. Хижина битком набита женщинами и детьми. Здесь ютятся четыре семьи: семья его матери и трёх её сестёр.

Возле матерей копошится целая куча больших и малых ребят, от длинных подростков до грудных младенцев. Только у самой молоденькой тётки один ребёнок.

Под утро воздух в землянке настолько спёртый, что трудно дышать.

Люди начинают один за другим выползать наружу, чтобы глотнуть свежего воздуха, освежиться холодной водой.

...Уа вприпрыжку сбежал в овраг и горстью стал черпать ледяную воду, которая журча выбегала из-под снега. Несмотря на июньские дни, было почти морозно. С севера тянуло сырым и холодным ветром.

«Старики говорят, — вспомнил он, — в той стороне Великий лёд. Летом из-под него течёт вода. Там родится много ручьёв и потоков. И Большая

река вытекает из ледяных ворот. Только это далеко, очень далеко. Ноги заболят, пока дойдёшь до Великого льда».

Уа остановился возле ручья и задумчиво стал глядеть в ту сторону, откуда мчался сырой и холодный ветер.

— Бррр!..

Уа озяб и, дрожа от холода, прыжками понёсся в гору. Он проворно нырнул в дыру землянки. Воздух проникал в жильё не только через вход, но и через небольшое оконце над дверью. На ночь его обыкновенно затыкали заячьей шкуркой, но утром торопились открыть, чтобы избавиться от духоты.

В землянке царил утренний полумрак. Даже привычный глаз с трудом различал в нём фигуры людей и звериные шкуры, развешанные по стенам. На полу лежали толстые оленьи меха, они служили постелями. Жилище внутри походило на внутренность большого шалаша или чума. Коническая крыша посередине была подпёрта крепким столбом. К земляным стенам жилища прислонён изнутри частокол из еловых жердей. Для прочности их связывали лыками или гибкими прутьями ив.

Все уже проснулись. Матери кормили грудью

ребят. Кормили не только рождённых в этом году, но часто двух- и трёхгодовалых. Кормилицам приходилось сейчас очень трудно: уже два дня все люди посёлка жили впроголодь. Запасов пищи не было, дети хныкали и просили есть.

Матери удивлялись, куда пропали охотники-мужчины. Вот уже несколько дней, как они отправились за добычей, и никто ещё не возвращался. Верно, забыли, что их ждут, или охота была неудачной.

Начало лета было тяжёлым временем. Ягод, орехов и грибов ещё не было. Птичьих яиц стало гораздо меньше. Большая часть чикчоков — северных оленей — уже откочевала в тундру. Если охотникам не удавалось овладеть какой-нибудь дичью, приходилось питаться кое-как. Женщины собирали поблизости съедобные травы и корешки. Подростки и девушки в поисках пищи уходили далеко от селений. Ходили гурьбой, чтобы не было страшно.

Уамма только что кончила кормить своего младшего, пятого по счёту сына, Лаллу. Она завернула его в мех, сшитый из нескольких шкурок зайца-беляка, и всунула в меховой мешок. Только головка его торчала наружу. Розовый блинчик лица с пуговкой посередине и узкими щёлками

зажмуренных глаз казался матери краше всего на свете.

Уамма подвесила мешок на ремнях к потолку, у самой стены. Нехорошо, когда ребёнок на полу. На него недолго и наступить в тесном и тёмном жилье.

Лаллу не протестовал. Он привык к своему мешку. Он был сыт и потому закрыл веки и спокойно уснул в висячей люльке.

Уамма забросила руки за голову и стала закручивать пучком свои длинные золотистые волосы. На вид ей было около тридцати лет. Она была сильная, красивая и статная женщина.

Как и все матери, она в землянке ходила почти без одежды. Только длинная бахрома из лисьих, песцовых и волчьих хвостов, подвешенных к меховому поясу, составляла что-то вроде короткой юбки вокруг её стана. Другая такая же бахрома из хвостиков полёвок, водяных крыс и мышей охватывала её шею.

Грудь её прикрывал меховой нагрудник, сшитый из пушистых шкурок и беличьих волосатых хвостов.

Покончив с причёской, она подошла к старшему сыну. Уа лежал, закутавшись в меха, и отогревал озябшие руки и ноги.

— Вставай, Уа! — крикнула она. — Рыбы в реке! Птицы на яйцах!

Она шлёпнула его ладонью по спине и громко засмеялась. Мальчик вскочил на ноги, и по всему дому раскатился его громкий голос:

— Рыбы в реке! Птицы на яйцах! Хо, хо!

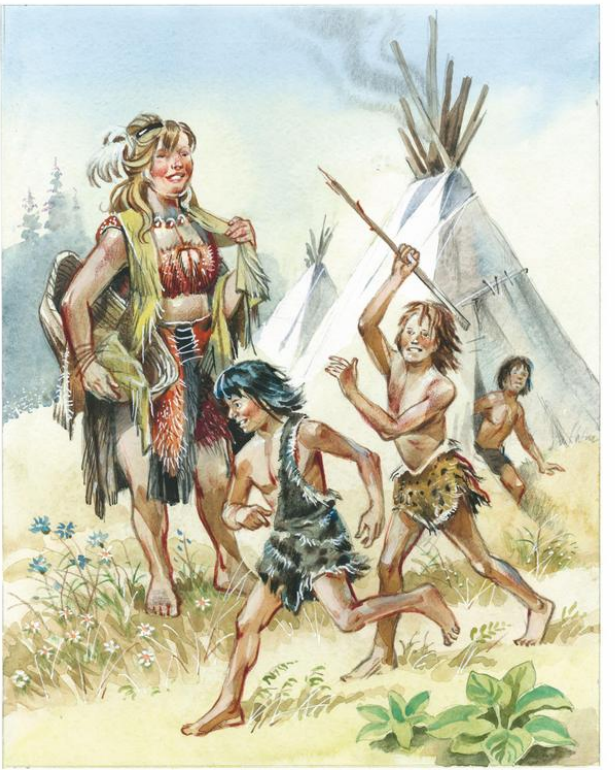
С десяток голосов откликнулось ему со всех концов. И скоро целая куча ребят, наскоро натянув на себя меховое платье, стала собираться на охоту. На поляне к ним присоединились дети из домов других матерей. Здесь детвора разделилась на две партии. Девочки-подростки отправились на опушку леса собирать съедобные травы, рыть корешки и искать в гнёздах птичьи яйца. Несколько мальчиков, завзятых любителей отыскивать яйца, отправились с ними. Другая ватага двинулась на берег реки. Это были самые старшие из подростков. Рыбная ловля требовала не только искусства, но и силы.

Рыбу добывали руками или рыболовным копьём. Остриё такого копья делали из кости. Копьём можно было ловить только крупную рыбу, добыть которую было не так-то просто.

Старая Каху, Мать матерей Чернобурых Лисиц, сама вышла, чтобы проводить рыболовов.

К полудню вернулись девочки. Они принесли

ворох корешков и съедобных лишайников. В особом мешке были сложены молоденькие птенцы, найденные в птичьих гнёздах. Яиц принесли мало, да и те были насиженные. Время кладки уже проходило. Всех запасов пищи было собрано немало, но накормить всё население посёлка ими было невозможно.

Найденные яйца отнесли прежде всего Каху и другим старухам, которые жили вместе с ней в землянке Родового огня.

Птенцами накормили маленьких детей.

К вечеру вернулись рыболовы. Они притащили довольно много крупной рыбы. Но беда была в том, что старики Чернобурых вовсе не ели рыбы. Это был пережиток седой старины: предки племени не знали рыболовства. Только недавно Чернобурые переняли приёмы рыбной ловли у жителей Нижнего посёлка и научились печь её на горячих углях.

Но и до сих пор старики, а особенно старухи не ели рыбьего мяса — оно внушало им отвращение. Только более молодые решались есть печёную рыбу, но и то лишь тогда, когда не было никакой другой пищи.

На широкой площадке был разведён костёр. Около огня собралось всё население посёлка. Матери кидали рыбу прямо в чешуе на уголья, которые они выгребали палками из костра. Там она, шипя, запекалась, пока кожа её не обугливалась от жара. Печёную рыбу раздавали желающим. Не давали её только маленьким детям: они могут подавиться костями.

Обычай требовал всякую пищу предлагать сперва старшим. Лучшие куски рыбы матери отнесли в землянку Родового огня. Там жила сама Каху, Мать матерей посёлка Чернобурых. Там жили старухи — хранительницы огня. Целыми днями сидели они вокруг костра, подкидывая туда еловые сучья. Старики по очереди ходили в лес за охапками валежника.

Когда женщины принесли рыбу, старухи отвернулись и сердито зашамкали беззубыми ртами. Некоторые плевались.

Фао, самый старый из дедов, сгорбленный, но высокий, поднялся во весь рост и свирепо замахал кулаками. Серые глаза грозно сверкнули из-под мохнатых бровей. Он вдруг рявкнул на всю землянку, словно большой медведь. Женщины с визгом выбрались наружу и начали торопливо жевать отвергнутую пищу.

Художник Фао

На другой день солнце встало золотое и яркое. Его лучи разогнали холодную дымку тумана над оврагом и кочковатым болотом. Но в землянках матерей долго не открывались входные заслонки. Вчерашняя еда только ненадолго утолила голод. В жилье стоял полумрак. Людям не хотелось подниматься со своих тёплых лож.

Потом начали плакать дети. Они были голодны. Матери сердились и шлёпали малышей. Лучше всего было грудным: они были сыты материнским молоком.

Всех голоднее были старики и старухи. Они по очереди выползали наружу и долго вглядывались в даль, прикрывая глаза костлявыми ладонями.

Сама Каху вышла на площадку и пристально глядела через овраг. Потом она вернулась к очагу и поманила рукой Фао.

Когда он присел возле неё на корточки, она тихонько прошептала ему на ухо несколько слов и показала рукой на землянку Уаммы.

* * *

В жилище Уаммы дети особенно раскричались. Вдруг кто-то сильно толкнул снаружи дверную заслонку, и она упала на пол. Через вход ворвались свет и холодный воздух. Дети замолкли. Все испуганно оглянулись.

В дверь просунулась белая голова, и вслед за ней в землянку на четвереньках прополз дед Фао. Он огляделся вокруг своими красными и слезящимися от едкого дыма глазами и подошёл к шкуре, на которой сидела рыжая Уамма. Фао похлопал её ладонью по плечу, молча ткнул пальцем назад, к выходу, и молча выполз обратно.

Уамма быстро набросила на себя меховое платье и вышла за ним следом.

В землянке Каху ярко горел огонь. Еловые сучья трещали и кидали вверх целые снопы искр. Это был не простой костёр. Это был неугасимый огонь, покровитель всего племени, податель тепла и света, защитник от тайных врагов и «дурного глаза». Серый дым струёй поднимался вверх и уходил через крышу в дымовую дыру. Она была открыта настежь. Дым клубился под стропилами потолка и висел над головами. Когда Уамма поднялась на ноги, едкая гарь начала

щипать её зеленоватые глаза. Она нагнулась и ползком приблизилась к очагу. Вокруг сидели старухи. Одни из них были очень толстые, другие — тонкие, костлявые и горбатые, все в морщинах и складках, с дряблой, обвислой кожей.

Мать матерей Каху сидела посередине, на краю разостланного меха бурого медведя. Она молча показала рукой на медвежью шкуру.

— Плясать будешь! Оленем! — сказала она.

Уамма засмеялась и сбросила с себя одежду. Она улеглась ничком на шкуру и положила голову на колени Каху.

Подошёл Фао. В руках он держал меховую сумку, из которой вытряхнул какие-то разноцветные комочки. Здесь была жёлтая и красная охра, белые осколочки мела и чёрные куски пережжённой коры. Всё это были краски первобытного художника-колдуна.

Фао взял уголёк и несколькими штрихами набросал на смуглой спине Уаммы фигуру важенки — самки северного оленя с вытянутыми в воздухе линиями ног. Готовый контур был подкрашен мелом и углём, и стало ясно, что художник изображает весеннюю окраску оленя, когда белая зимняя шерсть клочьями начинает выпадать и заменяется пятнами коротких и тёмных лет-

них волос. В передней части тела важенки Фао нарисовал продолговатое кольцо, закрашенное внутри красным. Это было сердце оленя, полное горячей крови. Копыта покрыты жёлтой краской, рога — бурой.

По знаку Каху Уамма поднялась. Старухи отвели её за костёр, так что рисунок был отчётливо виден всем, кто сидел в землянке.

— Тала! — сказала Каху.

— Тала, тала! — повторили за ней хором все остальные.

Этим словом обозначали жители посёлка важенку — оленью самку. Теперь Уамма была не Уамма, она стала духом самки оленя.

В зверя её превратили колдовское искусство Фао и заклинание Каху. Как маленькому ребёнку, Уамме можно было внушить всё. Она верила словам больше, чем глазам, и воображение, пылкая фантазия подчиняли её себе целиком.

С той минуты, как Уамма услышала слова Каху: «Ты тала! Ты самка оленя!» — она стала сама чувствовать себя оленьей важенкой. Она стала немой — ведь олени не говорят. Она больше не улыбалась — ведь олени не смеются. Она чувствовала, как на ногах у неё выросли твёрдые двойные копыта.

— Ложись! — сказала Каху. — Спи!

Уамма послушно улеглась ничком и зажмурилась. Два старика принесли оленью шкуру и накрыли её, а впереди положили голову молодой важенки с шерстью и короткими рогами. Через полминуты Уамма уже спала и видела себя во сне оленем.

Каху назвала ещё два имени: Балла и Огга.

Это были две другие матери, которые должны были плясать танец оленей.

Огга была маленькая и толстая женщина. Балла — стройная и худая. Огга была самая многодетная из матерей. Балла была молодая и весёлая. У неё был один только грудной ребёнок. Два года тому назад её привёл из рода Вурров охотник Калли, и она осталась жить с Чернобурыми.

Фао расписал обеих женщин. Они были раскрашены так же, как и Уамма, и так же укутаны в оленьи шкуры. Всем троим надели на шею по священному ожерелью из оленьих зубов, а на талию — тонкий ремешок, к которому сзади привязали по короткому оленьему хвосту.

Колдовская пляска

Главной заклинательницей племени была Каху. Три матери только исполняли её волю.

По знаку Матери матерей четыре старика вынесли на лужайку горящие сучья. На них извивались золотые змеи — дети Родового огня. Старики подожгли с четырёх концов большую кучу валежника, сложенного посреди поляны.

А кругом уже давно собралось всё население посёлка. Люди уселись двумя кругами. Внутри сидели дети, кругом — матери, девушки и подростки. Из землянки вышла сутулая Каху. Она опиралась на толстую клюку. Белые космы волос падали на плечи. Голова и руки тряслись. Крючковатый нос нависал над губами.

Старики постлали перед костром три мохнатые шкуры. Каху уселась на средней, опустила голову и тихо забормотала непонятные слова.

Толпа затаила дыхание.

Фао и другие старики вернулись в землянку. Скоро они вывели оттуда трёх матерей, окутанных оленьими мехами. Головы их украшали пустые черепа с маленькими рогами молодых важенок. Фао подвёл женщин к костру. Каху

бросила в огонь связку сухого можжевельника. Пахучий дымок вместе с тучей блестящих искр взлетел в воздух.

Каху и вслед за нею все остальные хлопнули в ладоши. Протяжный мотив заклинательной песни тихо поплыл над заворожённой толпой.

Три матери, взявшись за руки, ходили кругом костра. Через каждые три шага они сгибались,

опускали руки до земли и срывали зелёные травинки. Так изображали они, как олени пасутся.

Когда плясуньи оборачивались спиной, зрители видели нарисованные там фигуры. И все знали, что перед ними талы — рогатые важенки оленя.

Но вот Каху перестала бормотать. Фао помог ей подняться. Мать матерей провела по воздуху пальцем: это она окружила себя волшебным кругом. Все вскочили на ноги. Старики и старухи, матери и девушки, подростки и маленькие дети сцепились в один хоровод.

Вне хоровода остались только три талы и сама Каху. Губы старухи продолжали шевелиться. В то же время она внимательно искала кого-то глазами. Из взрослых мужчин в хороводе участвовал только один. Это был Тупу-Тупу, искусник в обработке кремня и лучший мастер-оружейник. Его копья были высшими образцами оружейного искусства. Но Тупу-Тупу был хромой. Искалеченная нога делала его негодным для охоты.

Вдруг Каху протянула свою клюку и дотронулась до проходившего мимо Уа. Он был самый рослый из подростков. Руки и ноги его были стройны, а стан гибок, как молодая берёзка. Глаза его сияли; на верхней губе слегка пробивался

рыжий пушок.

Все остановились. Уа, густо краснея, вышел из круга. Каху подала ему палку с обугленным концом — волшебное копьё в обряде заклинаний зверей. Теперь началась самая важная часть колдовства.

Хоровод снова задвигался. Женщины и девушки пели. Напев их был однообразен, дик. Они пели про то, как всходило солнце из-за синего леса, как вышли на болото три белые важенки — талы — пощипать зелёной травы и сладкой морошки. Выходил тут из леса молодой Уа-охотник. В руках у него острое копьё, во лбу меткий глаз, в сердце у молодца горячая кровь.

В это время Уа опустился на землю. Разрисованные матери ходили вокруг костра и рвали руками траву. А мальчик, сжимая в руке воображаемое копьё, подползал к ним всё ближе и ближе. Он изображал, как подкрадывается охотник, как высматривает добычу и рассчитывает своё нападение.

Вдруг он вскочил и с криком взмахнул обугленной палкой. Женщины, девушки и дети пронзительно завизжали, а татуированные матери бросились убегать. Лица их побелели от страха, глаза широко раскрылись. Они бегали

вокруг хоровода, сколько хватало сил.

Всего трудней было толстой Огге. Она задыхалась, ноги её подгибались от усталости. Уа быстро настиг её и ткнул обугленной палкой в спину. Новый пронзительный визг огласил воздух, и Огга, добежав до медвежьей шкуры, рухнула ничком в густую пушистую шерсть.

Фао подошёл к ней со своими красками. Он провёл угольком чёрную линию от красного кружочка кверху, а охрой — красную полоску вниз. Это означало, что копьё охотника пронзило сердце и из него побежала красная струйка крови.

Одна самка оленя была убита, но игра продолжалась. Теперь Уа гонялся за Уаммой. Это были не сын и мать: это был страстный охотник, который гнался за испуганной добычей. Уамма бегала лучше Огги, но и она недолго спасалась от своего быстроногого преследователя. Он ударил её, и довольно больно. Фао снова подошёл к упавшей на шкуру женщине и проделал над ней ту же церемонию, что и над Оггой.

Теперь настала очередь сразить молодую Баллу. Балла — высокая и стройная женщина. Когда она убегала от мальчика, ветер свистел в её ушах, и сама она была похожа на резвую девочку-подростка. Уже три круга пробежали они вокруг

хоровода, а расстояние между ними почти не уменьшалось.

Вдруг Балла споткнулась о кочку и шлёпнулась в траву. Ещё мгновение — и охотник был уже над ней. Уа, забывшись, так ткнул её палкой, что у неё на правой лопатке появилась большая ссадина.

Когда Фао докончил разрисовку поверженной жертвы, у неё на спине можно было заметить две красные полоски. Одна из них была сделана рукою художника, а другая — настоящая кровь, вытекавшая из царапины.

Каху велела всем трём женщинам подняться. Они стали рядом: Уамма — посередине, Огга, с рогом в левой руке, — налево, Балла — направо. Балла держала рог в правой руке и с улыбкой посматривала на Уа, который так больно её ударил. Но почему-то ей было смешно и вовсе не хотелось сердиться.

Охотник стоял неподвижно с поднятым копьём, как будто прицеливался в добычу. А девушки и женщины пели про оленьих важенок, про то, как они вышли на болото пощипать зелёной травы и как вонзил им в сердце копьё молодой Уа-охотник.

Загон оленей

Заклинательный танец кончился, но никто ещё не расходился. Только Уамма, Балла и Огга побежали проведать своих малышей. Балла мчалась впереди, подскакивая по-детски на одной ноге.

Рыжая Уамма старалась не отставать, но это ей плохо удавалось. Она завистливо любовалась лёгким бегом Баллы. Сзади трусила Огга. Она тяжело переставляла короткие ноги, пыхтела и задыхалась.

Кашляя и прихрамывая, поплелась в землянку к Родовому огню старая Каху. Она с трудом опиралась на корявую клюку. Губы её всё ещё шевелились, как будто она никак не могла кончить своё бормотанье.

И вдруг случилось то, что навсегда утвердило за ней славу великой заклинательницы. Из лесу выбежал высокий охотник.

Все обернулись. Дети закричали:

— Калли вернулся! Калли!

Калли показал копьём в сторону болота.

— Чикчоки! — кричал он. — Много оленей, как комаров! Много!

Все радостно засуетились:

— Где чикчоки?

— На болоте! Охотники гонят. Помогать надо! В загон загнать!

Олений загон был по ту сторону оврага. Там на кочковатом болоте были воткнуты два ряда высоких жердей. Между собой они соединялись также длинными жердями, привязанными пучками ивовых прутьев.

Это были две высокие изгороди. Через них не могли перепрыгнуть ни олень, ни дикая лошадь. Изгороди в сторону болота расходились широким раструбом. К береговому обрыву они суживались, как воронка. Здесь оставался проход шагов в семь шириной. Он вёл на небольшую площадку — род террасы, сплетённой из древесных ветвей и замаскированной елями. Террасу снизу поддерживали тонкие жерди. Сооружение было очень шатко. Даже человеку ступить на него было опасно.

Всё население посёлка, кроме старух и больных, приняло участие в облаве. Матери, девушки, подростки и дети лет от семи и старше перебрались на другой берег оврага. Там залегли они длинной цепью, спрятавшись среди низких кустов ивняка. Несколько дозорных во главе с охотником Калли проползли вперёд, чтобы лучше видеть

всё болото.

Ждать пришлось недолго. Скоро из-за низкорослой ивовой поросли показался живой кустарник. Он качался и двигался. Это были рога, одни рога — много десятков ветвистых рогов, ещё обросших бурой шерстью, хрящеватых, полных горячей крови.

Но вот показались и сами олени. Словно стадо больших овец, спускались они от леса к болоту. Впереди шли самки с оленями, сзади — крупные самцы с огромными рогами. Животные шли и оглядывались. Они почуяли беду. О ней говорило их тончайшее чутьё. По ветру они узнавали человека за много тысяч шагов. Но ветер относил запах посёлка в другую сторону. Зато с тыла он нёс им страшную весть: двуногие близко. Это пугало оленей, заставляло идти всё вперёд и вперёд.

Стадо приближалось. Уже слышался глухой храп маток. Явственно можно было различить и хрустящее щёлканье их широких копыт: то самое щёлканье, которое составляет особенность северного оленя. Оно происходит оттого, что во время ходьбы при нажиме на землю двойные копыта их сильно раздвигаются. Это облегчает ходьбу по болоту, по топким местам. При подъёме копыт раздаётся хрустящий звук, от которого и пошло

звукоподражательное название «чикчок».

Оленьи матки то и дело окликали своих сосунков, оглядывались на лес и мордой подталкивали их. Ведь останавливаться было нельзя. Надо было идти во что бы то ни стало, потому что сзади за ними крались неведомые, но страшные запахи. Последние ряды рогачей уже вышли из кустарников, и теперь стало видно всё стадо.

В передних рядах их нарастала смутная тревога. Откуда-то с самой земли, с протоптанных между кочками тропинок начинал врываться в их ноздри этот ненавистный и жуткий запах. Опасность была везде. Она надвигалась и от оврага, и от берега реки, и сзади, от опушки леса.

Олени остановились. Одни зорко смотрели кругом, другие поворачивали назад. Их голоса превратились в отрывистый рык, сливавшийся в глухой, басистый гул. И вдруг сзади прорезал воздух громкий охотничий крик, и человек двадцать загонщиков выскочили из-за кустов. Стадо разом рванулось вперёд и понеслось наискось к оврагу.

Волчья Ноздря галопом летел впереди всех. С ним рядом весело прыгал через кочки высокий и стройный Ао. Он пронзительно выкрикивал своё собственное имя:

— Ао! Ао!

Волчья Ноздря визжал и рявкал, как дикий зверь. Зрачки его горели.

В это время по знаку Тупу-Тупу женщины и дети выскочили из оврага и с визгом бросились наперерез. Матки шарахнулись в сторону, и всё стадо стало вливаться в широкую воронку загона. Охотники были уже близко и с криком замыкали кольцо облавы.

Олени помчались между двумя заборами. Путь

становился теснее. Оленята и матки смыкались в густую кучу. Самцы, как сумасшедшие, напирали сзади. Свирепый рёв мужчин, визг женщин и детей очень испугали оленей. В диком ужасе прыгали они друг на друга, давили маток и оленят. Передние ряды уже ринулись через узкий проход на плетёную площадку.

Площадка покачнулась и с треском рухнула вниз. Но стадо уже не могло остановиться. Задние продолжали напирать. Матки и оленята кучами валились с обрыва. На самом краю олени вскакивали на дыбы и пытались повернуть назад, но напиравшие сзади сбивали их вниз и сами валились за ними. Под обрывом лежали известковые глыбы. Олени падали на них, разбивались насмерть или калечили ноги. Самцы, остановленные давкой, вдруг повернули назад и в отчаянии ринулись обратно. Охотничьи копья не задержали их. Они опрокидывали людей, перепрыгивали через них и мчались дальше. Уцелевшие матки и оленята бросились за ними. В несколько мгновений загон опустел. Вырвавшись из него, рогачи летели по кустам и кочкам. Ушибленные и опрокинутые люди со стоном поднимались с земли.

Старый Фао охал, плевал и растирал ладонями синяки и ссадины от оленьих копыт. Тупу-Тупу

скакал на одной ноге и грозил копьём убегавшему стаду. Большой олень ударил его по больной коленке, и теперь он почти не мог ступить на правую ногу.

Пир

Бóльшая часть стада вырвалась из загона. Но и без того добыча была чрезмерно велика. Несколько задавленных и искалеченных оленят остались наверху, в узкой части загона. Калли и Волчья Ноздря приканчивали их. Добивали оленя палицей из мамонтовой кости и приговаривали ласковые слова:

— Милый! Да кто ж это тебя так ударил? Это не наши! Это чужие! Это люди из посёлка Ежей!

Так поступали со всяким сильным зверем. Люди думали, что у каждого зверя, как и у человека, своя тень. Тень ходит с ним рядом. В ненастье и ночь тень уходит одна и бродит невидимкой. Она может являться во сне. После смерти тень остаётся и живёт недалеко от мёртвого тела. Если человек убит рукой врага, тень убитого преследует убийцу и может жестоко ему отомстить. То же делает тень медведя, кабана, оленя, хуммы и всякого большого зверя. Убивший прежде всего старался «заговорить» и задобрить тень своей жертвы. Лучше всего её обмануть: уверить, что убийцей был кто-то другой, пришелец из дальней страны, охотник из враждебного племени.

К счастью, тень довольно простовата. Видит она плохо, а может быть, и вовсе слепая. Ведь глаз-то у неё нет.

Весь посёлок торопился спуститься вниз, к месту кровавой бойни. Первыми примчались подростки. Следом явились охотники. За ними прибежали девушки. Молодые женщины пришли с маленькими детьми и грудными младенцами, запрятанными за пазухи меховых рубах. Позднее приплелись старики и старухи. Но никто не думал приступить к пиру до прихода Матери матерей.

Каху осмотрела кровавое побоище и пристально стала вглядываться в заросли ивняка и ольшаника, которые были у самой воды.

Тени убитых оленей прячутся, конечно, в этой густой чаще. Каху стала шептать. Она подняла сухую травинку и бросила её в воздух. Ветер подхватил её и понёс прямо на север. Каху стала лицом против ветра и опять зашептала заклинания.

Надо было заговорить недобрые взгляды и отогнать злые слова. Ведь их приносит ветер.

Наконец Каху махнула рукой — знак, что можно приступать к еде.

Охотники оттащили более крупных оленей на

ровное место. Олени были отданы многодетным матерям. К ним присоединились охотники — их мужья, холостые ловцы, дети, подростки и бездетные или имевшие только одного младенца женщины. Старики и старухи присаживались туда, где было меньше едоков.

Мужчины повернули туши оленей ногами вверх и начали вспарывать кожу зверей острыми осколками кремней. Они делали это быстро и ловко, как заправские мясники. Сдирая кожу, охотники продолжали бормотать свои причитания.

Тупу-Тупу вместе с огромным Калли выбрали хорошего оленя.

Охотники освежевали тушу и вынули внутренности — все, кроме сердца.

Острым кремнём Калли перерезал шейную артерию. Ярко-красная струя брызнула из толстой жилы и стала заливать опустевшую полость тела.

Первая проба должна принадлежать Матери матерей. Тупу-Тупу вынул из-за пазухи толстый кривой рог зубра и протянул его Каху.

Каху зачерпнула им из живота оленя и с наслаждением выпила до дна.

Потом она возвратила рог Тупу-Тупу и перешла

к другому оленю. Ведь там так же первые глотки будут отданы ей. Пили по очереди все.

В это время Уамма, жена Тупу-Тупу, заметила трёх охотников из селения Красных Лисиц.

Они нерешительно стояли в стороне и голодными глазами поглядывали на пир едоков. Это были Ао, Улла и Волчья Ноздря. Чужие охотники ещё не успели присоединиться ни к кому из пирующих. Уамма поманила их рукой. Калли зачерпнул рогом остатки крови и попотчевал сначала одного, а потом и других. Ао успел быстро оглядеть всю группу.

Кроме взрослых, здесь были несколько малышей, высокий Уа и его старшая сестра — Канда.

Ещё с прошлой весны Канда перешла жить в отдельную землянку, где жили другие девушки.

Канда была хороша.

Ао не мог оторвать от неё глаз, пока она не отвернулась, заслонив лицо руками.

— Пей! — крикнул ему Калли.

Он поднёс Ао полный рог, и улыбка оскалила его крепкие зубы:

— С нами гонял — с нами пей! Будешь сильным, как олень.

Ао засмеялся. Когда он кончил пить, ему опять захотелось взглянуть на красивую Канду. Но её

уже не было. Закутав голову меховой накидкой, она торопливо уходила прочь. Кто-то засмеялся, и Канда пустилась бежать.

Остальные со смехом продолжали пир.

Теперь победители принялись за мясо. Калли и Тупу-Тупу каменными ножами вырезали мякоть вместе с рёбрами и раздавали участникам пира. Женщины получили по куску мяса величиной с голову ребёнка. Каждая из них захватывала его сперва зубами, потом острым кремнём отпиливала порцию перед самым носом. Так же делали подростки и дети. Некоторые поджаривали кусочки мяса на раскалённых в костре камнях.

Мужчины-охотники прежде всего набросились на кости с мозгом внутри. Раньше всего они сгрызли с них мясо, а потом крепкими ударами камня разбили костяные трубки. Там внутри скрывалась нежная масса тёплого жирного мозга.

Мозг для них был больше, чем простое лакомство. Победитель недаром поедает мозг. Люди думали, что тот, кто съедает мозг, овладевает крепостью ног оленя, быстротой его бега, уменьем ходить по болотам, его неутомимостью, искусством издали узнавать врага и находить верную дорогу и днём и ночью.

Удивительно, сколько мог съесть человек ка-

менного века в один присест! Он мог голодать по нескольку суток, но зато, когда мяса было вдоволь, он пожирал его целые горы.

Жители посёлка Чернобурых и их гости из селения Красных Лисиц пировали до заката солнца. Они глотали сырое тёплое мясо оленей, пока веки их не начали тяжелеть.

Пирующие разбредались по землянкам. Некоторые остались отдыхать на том же месте.

Приглашение на праздник

Ещё в самый разгар пира к Ао и Улле подошла Каху. Каху была весела. Глаза её улыбались. Несколько раз она пошевелила толстыми губами, как бы силясь что-то сказать и не находя слов. Вдруг она ткнула в грудь сперва Уллу, потом Ао, беззвучно засмеялась и пошла дальше. Потом вернулась и оскалила кривые передние зубы.

— Зови Красных Лисиц! — сказала она. — Еды много, зверям достанется — песцам и тому, кто любит мёд. Зови своих. Вместе гоняли — вместе и есть будем!

Она опять осклабилась, смеясь, замахнулась на Ао клюкой и заковыляла дальше.

Через минуту оба приятеля, захватив в дорогу по доброму куску мяса, пустились в путь. Пробираясь среди пирующих, им пришлось проходить мимо девушек. Когда Ао и Улла поравнялись с ними, девичий разговор сразу умолк. Девушки смотрели на молодых людей, подталкивали друг друга локтями и смеялись.

Одна только Канда не смеялась. Как только Ао встретился с ней глазами, она сейчас же повернулась к нему боком и прикрыла лицо ладонью,

как при первой встрече.

Сделав несколько шагов, Ао оглянулся, чтобы ещё раз взглянуть на Канду. Среди всех он видел только её; он видел, как она приподняла ладонь и следила за ним глазами.

— Вот девушка! — сказал Ао, хватая Уллу за плечо.

Оба приятеля ещё раз оглянулись. И только у самого поворота закинули они за спину мешки с мясом и весело зашагали по тропинке вдоль берега Большой реки. Лёгкие, как лани, длинноногие и сухие, они шли молодым, упругим шагом. Таким шагом могли они двигаться с изумительной быстротой круглые сутки.

Солнце начинало склоняться к западу. Они завернули за мыс возле брода хуммов. Здесь они

заметно убавили прыть и озабоченно вглядывались туда, где за кустами скрывалось страшное жильё. И вот, когда они со страхом поглядывали вверх, тихий шорох за спиной заставил их вздрогнуть.

В чаще кустов стоял лохматый толстяк с накинутой на плечи рысьей шкурой. Это был сам Куолу.

— Ха! — сказал он. — Красные Лисицы!

Оба охотника со страхом попятились назад. Потом они вытащили из мешков по большому куску оленины и положили на кучу камней — обещанный дар.

— Вот! — прошептал Ао. — Сказали — принесём, вот и принесли. Это тебе!

— Где достали?

— С Чернобурыми загнали много оленей! Очень много.

— Ха, — засмеялся Куолу. — Скажи им, что это Куолу послал оленей!

Левый глаз его хитро прищурился, а правый смотрел гордо и как будто поверх собеседников.

Охотники тревожно глядели на могущественного колдуна. Вот человек! Кто может сделать то, что Куолу! Улла раскрыл даже рот от страха перед знахарем.

— Идите! — сказал Куолу. — Всегда надо дарить Куолу. Куолу возьмёт мясо — Куолу пошлёт охоту.

Охотники закинули за спины пустые мешки и бодро зашагали дальше.

Колдун долго смотрел им вслед прищуренным глазом. Когда они скрылись, он приложил ладони к губам и громко свистнул. Из землянки показалась женская голова. Куолу поманил её рукой. Женщина вылезла наружу и стала торопливо спускаться, толстая маленькая женщина в меховой безрукавке, босая и простоволосая. На шее у неё бряцало костяное ожерелье, а подол короткого платья был обшит бахромой из беличьих хвостов и птичьих перьев.

Это была Иза.

Когда-то она была первой красавицей в посёлке Вурров, теперь она постарела и обрюзгла. На ходу она качалась, как утка, но это не мешало ей ловко одолевать все трудные повороты и крутые спуски.

— Возьми! — скомандовал ей Куолу, указывая на мясо.

Иза послушно взяла куски и засеменила назад к землянке.

Опять Куолу

Три дня продолжался пир победителей. После долгого поста люди с жадностью поедали мясо. Ели с утра и до вечера. На другой день начали прибывать люди из племени Красных Лисиц.

Первыми явились охотники и старшие мальчики-подростки. Девушки и дети пришли позднее. После всех доплелись матери с грудными ребятами под охраной стариков. Старухи и слабые старики остались дома и ждали, когда им принесут остатки еды.

За ночь трупы оленей остыли, и холодного сырого мяса уже никто не ел. На берегу горели костры. Женщины раскладывали на угольях нарезанные ломти или вертели над огнём большие куски, надетые на палки. К вечеру второго дня Чернобурые настолько были сыты, что ели уже лениво. Больше лежали около костров, черпали воду из реки берестяными черпалками и пили медленными глотками. Зато Красные Лисицы торопились наверстать упущенное.

Гонцы Ао и Улла не стали есть со своими. Они направились прямо к оленю Уаммы и Баллы. Их встретили весёлыми криками привета. Глаза Ао

прежде всего искали Канду. Она сидела на этот раз не с матерью, а недалеко, вместе с другими девушками, возле тушки маленького оленёнка. Канда улыбнулась при виде молодых охотников. Глаза её блестели, а на лице пылал яркий румянец.

От солнца с южной стороны побежала по реке золотая дорожка. Был полдень, когда из-за кустов вдруг появился рядом с крайним костром Уаммы волосатый человек. Он был в меховой безрукавке, в меховых штанах, с сумкой и коротким копьём в руке.

Тупу-Тупу первый узнал его:

— Куолу!

Все заволновались. Что ему нужно?

Куолу боялись, его никто не любил. Да и за что было любить? Он был юсора — недобрый колдун. На что ни взглянет — всё ему надо, что захочет — то и сделает! Захочет — пошлёт удачу, захочет — огненную болезнь.

В долине Большой реки все колдовали. Колдовал каждый охотник. Каждый заклинал словами и танцами дичь, которой он хотел овладеть. Колдовала Мать матерей, заговаривала жизнь и благополучие своего посёлка. Колдовала каждая мать для здоровья своих детей. Но их не называли

юсорами. Своими заговорами они хотели вызвать благо для семьи или своего посёлка. Матери бормотали заговоры у порога своих землянок, чтобы прогнать врагов видимых и невидимых. И это было хорошо. Без этого где искать спасения?

Другое дело — юсора. Он был отщепенец. Он жил вне общины. Его колдовство было корыстно. До общины ему не было дела. Он хотел одного: запугать, отуманить, навести страх, чтобы заставить себе служить. Даже если он жил в посёлке, он был один против всех и сам по себе… Колдовские действия его устрашали тёмную мысль людей и подчиняли их волю. Детское их доверие помогало ему, и он цепко держал их в руках, чтобы жить дармоедом и питаться на чужой счёт. Он пугал потому, что на страхе людей держались его могущество и благополучие.

Поклонение кружило ему голову. Он привык брать всё, что ему нравится. Отчего не брать, если дают? Куолу брал не только еду, но и украшения, одежду, оружие и разные вещи. Он подстерегал в лесу или возле реки женщин и девушек и уводил их силой в свою землянку. Кроме старой Изы, он держал у себя молодых жён и заставлял их работать. Он запугивал их кривляньями и угрозами напустить на них смерть, если они не будут его

слушаться.

Все вскочили, когда Куолу подошёл к Уамме. Жадно разглядывая распластанную на земле тушу, колдун молча стал у костра. Ни привета, ни ласковой улыбки. Людей, к которым он пришёл, он считал недостойными своего внимания.

— Мяса! — бросил он свысока, сел на камень и чванно развалился. — Куолу послал оленей! — прибавил он, когда Уамма, надев на острую палку свежий кусок мяса, начала обжаривать его на углях.

Волнение быстро распространилось по лагерю. Люди перестали есть. Все робко смотрели на юсору. Те, кто его особенно боялся, отходили подальше. Иные знали, что колдун на них сердится, другие — просто из осторожности. Матери подзывали к себе ребят и старались заслонить их от опасных глаз Куолу. Некоторые из молодых матерей подхватили ползающих малышей и, прижимая их к себе, быстро удалились в свои землянки.

Сама Каху, сидя в отдалении, у костра стариков, очертила около себя охраняющий круг и зашептала колдовские слова. Куолу зорко оглядел лагерь и самодовольно усмехнулся:

— Боятся! Чего боятся? В гости пришёл!..

Насмешливая гримаса кривила его губы. Он сидел как раз против Ао. Приземистый, с крепкими плечами, с длинными, цепкими волосатыми руками, он в своё время был очень силён. Но заплывшая шея, толстые щёки и сиплое дыхание указывали на то, что обжорство и ленивая жизнь уже наложили на него неизгладимую печать. Бороду и усы он выщипывал, и только несколько седых щетин торчало у него на подбородке. Длинные кудрявые волосы на голове были ещё черны, и, казалось, целая плотная копна спутанной шерсти шапкой надвигалась ему на лоб. Целых три ожерелья спускались на его грудь. Одно было сшито из белых песцовых хвостов, другое — из просверлённых молодых шишечек ели, третье — из речных ракушек.

Вдруг он оглянулся и увидел сидевших недалеко молоденьких девушек. Безусый рот его осклабился в улыбке, а глаза заблестели из-под нависших бровей.

— Ха! — грубо засмеялся он.

Он сделал движение, как будто хотел встать. Но в это время Уамма подала ему на палке большой кусок обжаренного мяса. Куолу протянул руку и вцепился в мясо крепкими зубами. Жадность была сильнее всех остальных его чувств. Пока он

жевал, чавкая, горячую оленину, ещё красную и сочную внутри, Уамма бросила тревожный взгляд на Канду. Покосившись выразительно на колдуна, она помахала рукой, делая знаки, чтобы та удалилась.

Девушки вскочили и потащили за собой смущённую Канду.

Колдун заметил это и нахмурил брови.

— Зачем махала? — с досадой сказал он. — Не надо было махать!..

Девушки боязливо оглядывались на ходу. Дойдя до устья оврага, они свернули в него и бегом пустились к землянкам посёлка.

Куолу ел кусок за куском. Уамма едва успевала поджаривать ему новые порции. С тех пор как скрылись девушки, он не обращал больше ни на кого внимания. Казалось, он весь ушёл в еду. Вокруг него лагерь продолжал понемногу пустеть.

Люди один за другим поднимались со своих мест и исчезали. Некоторые заходили в кусты и прятались в их чаще. Другие скрывались за крупные известковые глыбы и потом, пригнувшись, ползком пробирались к оврагу.

Куолу, казалось, не замечал этого или делал вид, что не замечает. Вдруг он бросил недоеденный кусок на землю и поднялся с камня.

— Сыт! — сказал он.

Он снял висевший у него за плечами меховой мешок и протянул Уамме. Тупу-Тупу всунул в мешок окорок оленя. Куолу закинул мешок за спину, покряхтел и вдруг внимательно стал разглядывать Баллу. Молодая женщина смутилась и стала медленно пятиться к кустам. Колдун опять нахмурил брови.

— Подойди! — приказал он.

Балла ни жива ни мертва подошла ближе. Колдун указал рукой на её перламутровое ожерелье. Балла послушно сняла его и протянула колдуну.

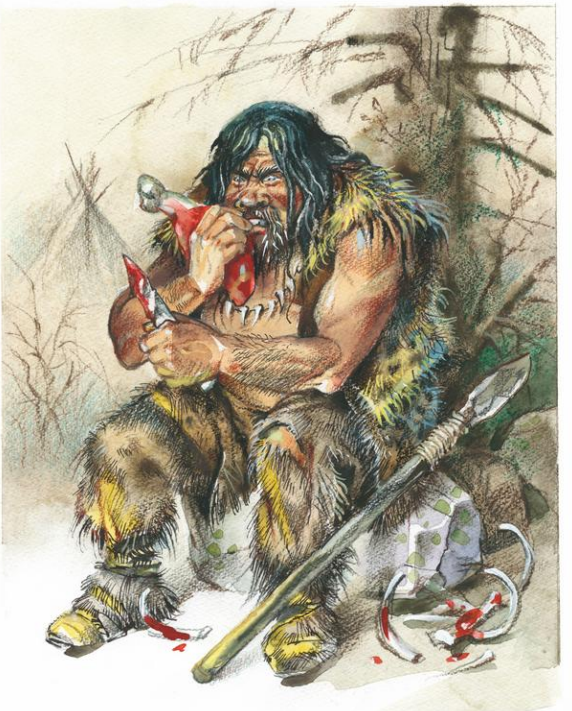
Куолу брякнул ожерельем и надел себе на шею.

— Хорошо будет? — спросил он Баллу, громко засмеялся и зашагал по тропинке к своей землянке.

Люди провожали его тревожными взглядами, пока коренастая фигура его не скрылась за береговыми кустами. Долго ещё пирующие сидели молча и никак не могли прийти в себя. Всем было и тяжело, и жутко. Наконец, Каху подымила веткой можжевельника в ту сторону, куда ушёл колдун.

— Ушёл! — сказала она. — Ешьте и пейте! Теперь не вернётся.

Все вздохнули с облегчением. Но прежнего веселья уже не было.

Вурр

К вечеру начал накрапывать дождь. Тучи бежали с северо-запада и несли с собой сырость и холод. Гости и хозяева посёлка разбрелись ночевать по землянкам. Старики улеглись поближе к жаркому очагу.

На четвёртый день стали прятать остатки добычи в глубине оврага.

В этот год зима была вьюжная. Навалило столько сугробов, что в конце зимы весь овраг был засыпан почти доверху, и теперь там всё ещё лежали и таяли остатки снега.

Весь день мужчины снимали шкуры, потрошили оленей и на длинных жердях переносили приготовленные туши с отрубленными ногами в снег. Всех оленей перенести всё-таки не смогли. Несколько туш осталось лежать на берегу. Когда солнце зашло, холодный туман, поднявшись от реки, покрыл берега и всю низкую пойму. Впрочем, и днём было так холодно, что мясо было ещё совершенно свежее.

Как только ушли люди, сейчас же из кустов начали появляться песцы. В летних шкурках они не были пушисты и потому казались гораздо мень-

ше, чем зимой. Они были похожи на маленьких тонконогих собачек.

Осмотревшись подозрительно кругом, песцы принялись за еду. Целых оленей они не трогали, но с удовольствием подбирали недоеденные куски, грызли разбитые камнем кости.

Утром посёлок проснулся, когда яркие лучи солнца разогнали тяжёлый полог тумана. Гости

и хозяева один за другим выползали из душных землянок и отсырелых за ночь шалашей. Начинался новый день, сытный и праздный. Люди собирались закончить пир весёлыми играми молодёжи. Мальчики-подростки разбрелись по кустам на другой стороне оврага. Все были сыты и счастливы. Вдруг раздался пронзительный крик: целая стайка детей стремглав бежала к посёлку и неистово кричала. В становище поднялась суматоха. Женщины выскакивали наружу. В первую минуту никто ничего не мог понять. Все кричали и визжали, как безумные. Мужчины брались за оружие и тревожно оглядывались по сторонам. Но большинство не знали, в чём дело. Наконец всё разъяснилось.

Прибежавшие мальчики на все лады выкрикивали одно слово:

— Вурр! Вурр! Вурр!

Они оглядывались и тыкали пальцами в кусты, где в это время из-за зарослей ивняка показалось мохнатое чудовище. Это был большой медведь, тяжёлый и неуклюжий житель лесов и гор ледникового времени. Он шёл потихоньку, с перевальцем, покачивая головой. Как только он поравнялся с землянками, людской крик сделался ещё оглушительнее. Кричали все. Кричали

женщины и старухи; кричали старики и дети; громовыми голосами орали мужчины. Они махали палками и камнями, зажатыми в кулаки. Круглые булыжники и плоские осколки кремней тучами летели через овраг и шлёпались в землю вокруг насторожившегося зверя.

Медведь повернул голову и глухо охнул. Он терпеть не мог людского крика. Не нравился ему и запах посёлка: горькая гарь костров, едкий людской дух. К тому же он был сыт. Там, на берегу, распугав песцов, он наелся до отвала потрохов оленей да ещё закопал себе впрок в кустах два оленьих трупа. Глядя на посёлок и на мечущихся людей, он досадливо мотал головой, как будто отбиваясь от рассерженных пчёл.

В это время из толпы выскочил Волчья Ноздря, самый сильный охотник посёлка Красных Лисиц. С диким криком он стал спускаться в овраг. Прыгая на своих коротких и кривых ногах, он сам рявкал, как дикий зверь. Космы его волос поднимались дыбом, и от этого он казался ещё страшнее. За Волчьей Ноздрёй двинулись остальные. Женщины и дети в посёлке завизжали ещё громче.

Медведь оглянулся на людей. В это самое время выбежал Ао с горящей веткой сосны. Он подбежал к краю обрыва, с силой перекинул на ту сторону окутанный дымом сук и вихрем помчался догонять товарищей.

Когда первый ряд атакующих, с Волчьей Ноздрёй во главе, взобрался на противоположный берег оврага, все увидели, что медведь был уже далеко. Со страху он мчался огромными прыжка-

ми, вскидывая толстый зад и перескакивая через кусты и болотные кочки.

Игры победителей

Охотники с хохотом возвращались домой. Они почти не могли ничего толком сказать. Волчья Ноздря только гоготал и взвизгивал. Он потрясал своей страшной бородой и разевал зубастую пасть. Выразительно взмахивая руками и оглядываясь назад, другие мужчины протягивали руки в ту сторону, куда убежал медведь. Все кричали, не слушая друг друга. Торжествуя победу, они рассказывали о том, как смешно скакал страшный зверь через кусты, как он улепётывал от огненной палки Ао.

Художник Фао не утерпел и принял участие в атаке. Возвращаясь домой, он шёл рядом с Уа. Заливаясь смехом и повторяя слово в слово всё, что говорил Фао, Уа добавил:

— Эах — трус! Эах побежал, как заяц.

Он хотел сказать ещё что-то, как вдруг Фао зажал ему левой рукой рот, а правой больно ударил по плечу.

— Молчи! Нельзя! — хрипел он, сжимая ему челюсть. — Нельзя называть. Услышит — придёт ночью! В лес унесёт!..

Все кругом разом перестали смеяться и сердито

глядели на Уа. Некоторые трусливо оглядывались назад. Другие торопились описать вокруг себя черту остриём копья. Третьи замахивались на Уа и даже толкали его кулаками в спину. Уа был обескуражен. Он понял, что поступил непозволительно неосторожно.

Сколько раз мать говорила ему: «Не называй громко того, кто любит мёд. Назовёшь — повстречается где-нибудь, унесёт в свою берлогу!..»

И сама она, если доводилось говорить про какого-нибудь сильного зверя, всегда шептала про него в самое ухо, да ещё прикрывалась ладонью:

— Чтобы ветер не подхватил. Ветер подхватит, отнесёт слова далеко. Залетят в лес, а там их услышит тот, кого назвали. Узнает хозяин, придёт, скажет: «Кто меня звал?»

Так говорила мать, и сам Уа сколько раз учил тому же младших. А тут… Что сделалось с его головой? Как мог он позабыть?

Настоящее имя медведя было «эах». Но вслух говорили вместо этого «вурр». Это было лишь звукоподражание. Так эах ворчит, когда, забравшись в берлогу, лижет свою лапу. Звали медведя также «лохматым», или «кто любит мёд», или «кто сосёт лапу». Про волка говорили «кто воет зимой», про гигантского оленя — «кто бесится

осенью». Слово «хумма» также означало громкое дыхание мамонта и было ненастоящим его именем. Чем сильнее зверь, тем страшнее его накликать. Матери с раннего детства внушали это своим ребятам шлепками и угрозами. Это было основное правило охотничьей мудрости.

Впрочем, если вовремя спохватиться, дело ещё можно поправить. И Фао сейчас же постарался это сделать. Он наклонился и что-то шепнул Уа на ухо. Уа кивнул головой.

— Это не Уа тебя звал, — сказал он, обернувшись лицом к лесу. — Звал тебя мальчик из племени Окуней.

— Вот, — сказал Фао. — Пускай себе пойдёт к Окуням. Пускай поищет!

Все засмеялись. Через минуту охотники уже вылезли из оврага и вступили в посёлок. Здесь было шумно и весело. Женщины с радостью встречали своих защитников. Дети прыгали и суетились. Девушки визжали. Канда то кружилась, то бегала вокруг землянки и на бегу всплёскивала смуглыми руками.

Жители посёлка веселились. Никто не мог устоять на месте. Ноги приплясывали сами собой. Руки тянулись к рукам, и вот без уговору составился огромный хоровод, и людской круг

завертелся на лужайке.

Крики и хохот перешли в весёлую песню про глупого вурра. В хоровод втолкнули Волчью Ноздрю. На него со смехом накинули медвежью шкуру. Теперь он должен был изображать самого «страшного эаха». Ноздря сейчас же вошёл в свою звериную роль. «Медведь» с рёвом бросался на девушек и женщин, а те с визгом разбегались во все стороны, прятались за кусты и за летние шалаши. Актёр вскоре перестал быть актёром. Он в самом деле чувствовал себя медведем. Да и все окружающие признали это.

Дети плакали от страха и прятались в землянки. Молодые матери прижимали к себе малышей и боязливо смотрели из-за кустов на то, что происходило на лужайке.

В это время, подпрыгивая на одной ноге, приковылял к хороводу Тупу-Тупу. Он махал выхваченным из огня можжевельником. Волосы на его голове были связаны таким же пучком, как у охотника Ао.

Тупу-Тупу зашёл со стороны ветра, чтобы искры и пахучий дым летели на «зверя». Оглушительный хохот раздался на поляне, когда Волчья Ноздря стал на четвереньки и уморительно побежал от него по-медвежьи к опушке леса.

Так начался день весенних игр. Сначала играли в медведя, в охоту на разных зверей и птиц. Потом два охотника — Суоми и Хоху — с деревянными рогами на голове плясали буйную пляску дерущихся зубров. Они бодались, толкались и ревели друг на друга, подражая рёву диких быков.

Под конец стали играть в ловлю оленей. Мужчины были охотниками, женщины — дичью. Игра состояла в том, чтобы от лесной опушки загнать «оленей» в «загон», то есть в промежуток между двумя землянками. «Олени» старались убежать как можно дальше в лес; «охотники» бегали вслед за ними и гнали их к условленному месту.

В лесу уже темнело, когда отряд молодёжи, в котором находились Ао и Улла, выследил между кустами кучку спрятавшихся девушек и женщин. Охотники стали заходить с тыла, чтобы отрезать свою «дичь» от леса. Женщины заметили их и с визгом бросились в разные стороны. Ао больше других увлекался игрою. Он быстро обогнул поляну, чтобы забраться поглубже в чащу леса и перехватить путь убегающим «оленям». Он знал, что сюда побежала Канда.

Вдруг он заметил тёмную фигуру коренастого охотника, который прятался за кустом и, пригнувшись, следил за тем, что делается на луговине.

В это время две девушки, держась за руки, выбежали на середину поляны и, перешёптываясь между собою, со смехом подбежали к кусту. В ту же минуту из-за него выскочил коренастый охотник и, прежде чем они успели повернуться, схватил одну из девушек и вскинул её себе на плечо. Девушка громко завизжала и стала вырываться из цепких рук.

— Уамма! Уамма! — кричала она, и неподдельный ужас слышался в её крике. — Люди, спасите! Тут чужие! Спасите Канду! Уамма! Уамма!

Охотник повернулся и быстро побежал со своей ношей, но не к посёлку, а в глубину леса.

Ао понял, что это не игра, а настоящее похищение.

Кровь бросилась ему в голову. В бешенстве ринулся он наперерез похитителю, и, прежде чем тот успел сообразить, Ао сунул ему под ноги своё копьё. Толстяк споткнулся и тяжело рухнул на землю.

Освобождённая Канда вихрем помчалась к посёлку, а её похититель со звериным рёвом вскочил на ноги и бросился бежать.

Ао настиг его и ударил копьём в правое плечо. Толстяк завыл раненым волком.

— О-о! Ой! — вопил он. — Куолу убивают! Куолу!

Куолу! Откуда он взялся?

Тут только Ао сообразил, на кого напал он в сумраке леса. На самого колдуна!

Но вместо страха у него на уме было только одно бешеное желание ещё и ещё раз ударить обидчика Канды.

Да и как можно бояться врага, кто бы он ни был, если тот трусливо убегает с поля битвы!

Всё же, услышав имя «Куолу», молодой охотник на миг задержался на месте, и Куолу успел юркнуть в кусты. С заячьей прытью промчался он к береговому обрыву, который оказался здесь очень близко. Недолго думая, он кубарем скатился вниз по крутому склону, поднимая целое облако песка и пыли.

Ао остановился на краю и сверху погрозил копьём беглецу, который каким-то чудом ухитрился не свернуть себе шею и не переломать рёбра.

— Выдра! — крикнул Ао ему вслед самое презрительное слово, какое он знал.

Что снилось Ао

В эту ночь Ао долго не мог уснуть. Ему казалось, что горячий уголь из костра влетел ему в грудь. Там что-то загорелось и жжёт его огнём. В ушах всё ещё раздавался отчаянный крик Канды:

— Уамма! Уамма!

Кровь кипела в нём, когда он вспоминал Куолу, его звериный вой, погоню за Куолу и свою неожиданную с ним схватку. Узнал ли его колдун в вечернем сумраке леса?

В его мозгу вспыхивали и гасли искры. Слов у него не было.

Поздно забылся он тяжёлой, беспокойной дремотой. В землянке было душно и тесно.

Вместе с Чернобурыми спали двадцать гостей — охотников Красных Лисиц. Лежали все вповалку на оленьих шкурах.

Под утро ему приснилась Канда.

Он видел, будто она сидит в овраге, около ручья. Сидит так беспечно, не знает, что вот сейчас придёт Куолу и унесёт её.

Ао должен её спасти. Вот он уже спускается в овраг. Он торопится, бежит, он уже близко. Ао хочет приблизиться к Канде, но в этот момент

огромный лохматый медведь выскакивает из-за кустов и становится между ними.

Медведь смотрит на него зловеще, становится на дыбы и идёт ему навстречу. Глаза у него хитрые и злые, как у Куолу.

Ао хочет бежать и не может. Ноги будто связаны. А чудовище всё ближе и ближе…

Ао крикнул и проснулся. Весь он обливался потом, а сердце его стучало, как у птицы, зажатой в кулак.

Куолу! Это был Куолу!

Ао сделал усилие и сел на меховой подстилке. Дышать было трудно.

Кто-то ночью закрыл для тепла отдушину, и от этого в землянке ещё больше сгустился запах: чад очага и едкий дух сырых кож, содранных с убитых оленей.

Ао на коленях подполз к выходной дыре, отодвинул заслонку и вылез наружу. Здесь ночные страхи разлетелись, словно клочья дыма от ветра.

— А, старая выдра! — шептал он. — Это ты приходил? Погоди!

Солнце ещё не всходило, но было где-то близко, за белым пологом тумана. Оттуда уже сияли его лучи и золотили светлые края облаков. Ао вздох-

нул полной грудью.

Крепкая молодая радость била в нём весёлым ключом. Жажда томила его. Пить жители посёлка ходили на дно оврага. Ао сбежал вниз и стал черпать горстью студёную воду.

Лесные свадьбы

С утра девушки начали готовиться к играм. Из мешков и сумок они вытаскивали лучшие наряды и украшения: летние безрукавки, расшитые разноцветными мехами, красивые ожерелья из раковинок и молоденьких хвойных шишек, бахрому из хвостов маленьких зверьков и из птичьих перьев.

Те, кому очень хотелось казаться покрасивее, привешивали к ушам костяные подвески. Другие румянили щёки оранжевой охрой или проводили красные полоски на лбу и на плечах.

Цакку нацепила на подбородок блестящий пер-

ламутровый кружок, вырезанный из раковины речной двустворки. Уже давно для этой цели в нижней губе её были сделаны две дырки. А чтобы они не зарастали, в них был продёрнут шнурочек, свитый из крепких волокон подорожника. В первое время губа болела, нарывала и гноилась. Было так больно, что Цакку потихоньку плакала. Но зато, когда рана зажила, она с гордостью поглядывала на своих подруг, у которых не хватало смелости сделать себе то же самое. Её круглое лицо сияло, когда она вышла из игры с драгоценным перламутром на подбородке. Она считала себя теперь первой красавицей посёлка.

Меньше всего украшений было на Канде и на Балле.

Игры происходили на лесной поляне, недалеко от посёлка. После игр Канда привела за руку своего жениха Ао к шалашу, который каждая девушка начинала строить, как только становилась невестой. Вслед за Кандой стали возвращаться и другие пары. Молодожёны сейчас же принялись поправлять и расширять свои весенние гнёзда. Почти все девушки нашли себе мужей из рода Красных Лисиц или из других посёлков. Только тихонькой Ши не хватило жениха.

Ши пришла из лесу поздно и с заплаканными

глазами. Зато перламутровый кружочек Цакку оправдал себя в полной мере. Волчья Ноздря — лучший охотник Красных Лисиц — был так ослеплён блеском и игрой перламутра, что покорно позволил привести себя в её шалаш.

Привели новых мужей и молодые вдовы, мужья которых погибли или пропали без вести. Красивая Балла вернулась из лесу рука об руку с молодым Уллой.

Испытание Уа

В землянке пылал огонь. Было жарко, и пахло дымом костра.

Около очага сидели старики и старшие охотники. Перед ними стоял голый Уа и быстро вращал ладонями заострённую палку. Нижний конец её был вставлен в дыру, выдолбленную в сухой деревяшке. Палка вертелась, как веретено. От трения обложенный сухим прутом конец её обуглился и начал чадить. Пахучий дымок серым червячком поднимался из дырки. Старшие серьёзно и деловито следили за руками Уа. Пот градом катился по его лицу. Мокрая спина блестела от горячей испарины.

Дым понемногу усиливался.

Уа припал ничком к своей деревянной «зажигалке» и начал раздувать показавшуюся искру. Он прикрыл её сухой травой и продолжал дуть в неё изо всех сил. Лицо его раскраснелось, а щёки надулись, как пузыри.

Наконец родился огонь, трава загорелась, и юноша стал подбрасывать тонкие ветки сухого можжевельника. Огонь лизнул их. Через несколько мгновений пламя уже весело запрыгало и

стало пожирать более толстые сучья.

— Хорошо! — сказали старики.

Тупу-Тупу сидел в сторонке на куче оленьих шкур и смеялся. Он ещё с утра привёл к старикам сына Уаммы и пригнул его голову так, что тот низко склонился перед очагом. Это означало, что Тупу-Тупу просит принять сына Уаммы в разряд охотников.

Старик Фао похлопал Уа по спине, взял его за руку и повёл к выходу. Все вышли за ними. На лужайке позади землянок уже дожидались семь старших охотников с оружием в руках.

Чтобы стать охотником, недостаточно отрастить волоски на верхней губе. Нужно выдержать испытания. Нужно доказать, что можешь быть мужчиной.

Испытания начались. Уа должен был показать, как быстро он бегает, как высоко прыгает, как ловко взбирается на деревья. Потом начались испытания с копьём. Как далеко полетит копьё из рук Уа? Как метко попадёт оно в цель? С какой силой пробьёт сухую оленью шкуру?

В те времена люди ещё не знали лука и стрел. А в эпоху, когда жили наши герои, высшим достижением было уменье метко кидать копьё. Это было трудное искусство. Но сын Уаммы недаром

целый год упражнялся. Перед стариками и старшими он показал такую силу и ловкость, что ему мог позавидовать и взрослый охотник.

Но и одного уменья владеть оружием всё ещё было мало. Нужно было знать, как поправить сломавшееся копьё, как вставить обратно выпавшее каменное остриё и прочно закрепить его в верхнем расщепе древка.

Всем этим искусством Уа уже владел в совершенстве, и судьи остались довольны.

Калли пришёл, когда все собрались в охотничьем доме, чтобы перейти к последним испытаниям: Уа должен был показать свою выносливость и терпение.

Юношу заставляли долго держать на вытянутой руке тяжёлый камень. Калли ударил его гибким прутом по голой спине. Его щипали, ему крутили пальцами кожу на животе. Калли приказал ему лечь ничком и приложил к телу раскалённый на углях кремень. Уа должен был, не охнув, дожидаться, пока он остынет. Уа и здесь показал себя молодцом. Сильное желание стать мужчиной помогло ему стойко перенести все муки.

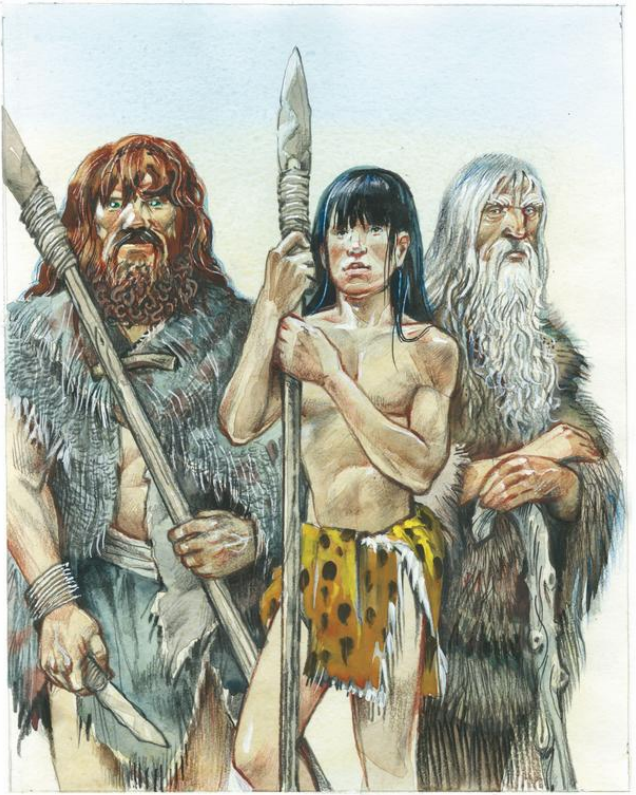
Это было последнее испытание, и Калли, храбрейший охотник посёлка, с улыбкой отдал ему

своё тяжёлое боевое копьё. Трудное испытание было выдержано.

Старики вместе с Тупу-Тупу пришли в землянку матери Уа — Уаммы. Они перенесли в землянку охотников вещи Уа: его постель, одежду, его мешки и оружие, которое он себе сделал.

Уамма неожиданно для себя всплакнула. Она всё ещё считала сына маленьким. И вдруг он уже охотник! Остальные женщины тоже прослезились. Младшие братья и товарищи глядели на Уа с восторгом и завистью.

Вечером опять на лужайке кружился хоровод в честь молодожёнов и молодого охотника Уа. Только ночь разогнала всех.

Когда посёлок затих, огромный и тяжёлый Калли вышел из охотничьей землянки. Он осмотрелся кругом и медленно зашагал вдоль оврага. На самом краю обрыва сидела одинокая Ши. Весь вечер она провела одна, не принимая участия в танцах. И теперь ещё глаза её щипало от слёз. Она глядела, пригорюнившись, вдаль, не замечая, как густеют сумерки и наступает ночь.

Калли издали заметил её, неслышно подошёл и уселся рядом.

Обоим не хотелось говорить. Они даже не смотрели друг на друга. Вдруг Калли накрыл широкой ладонью маленькую руку Ши. Девушка улыбнулась, и её печальные глазки повеселели. В этом жесте она ощутила ласку, и ей было приятно почувствовать теплоту его руки. Так сидели они до поздней ночи.

Месть Куолу

Куолу едва живой дотащился до своей землянки. Рана была неглубока, но колдун потерял много крови. Он провалялся целый день. Иза прикладывала к больному месту листья. Рана перестала кровоточить.

Землянка Куолу была похожа на землянки других жителей Большой реки. В береговой круче он выкопал неправильной формы округлую продолговатую яму, сверху прикрыл её конусообразной связкой жердей. Промежутки между жердями были закрыты большими кусками белой берёсты, а снаружи укутаны пучками стеблей сухой осоки, тростника, камышей и рогоза. В крыше он проделал дымовую дыру. Другая, пошире, со стороны реки, служила дверью.

Стены внутри были обвешаны мехами зверей, пучками растений и рогами оленей. Несколько лошадиных черепов украшали угол, в котором ютился Куолу.

Куолу лежал молчаливый и злой. Все жёны не знали, как ему угодить. Колдун капризничал: то лежал с закрытыми глазами, то требовал воды, а когда её приносили, опрокидывал посуду.

Через день он услышал голоса возвращавшихся домой Красных Лисиц и послал к ним жён за обычной данью.

— За проход! А Чернобурым сказать: Куолу будет здоров. Узнают скоро! Пусть ждут злого ветра от моих слов!

Так стала всем известна страшная угроза: Куолу хочет мстить!

Через десять дней сам Куолу сказал об этом трём охотникам Чернобурых. Он встретил их возле реки, недалеко от посёлка. К этому времени рана его затянулась. Колдун стал снова выходить.

Куолу потребовал, чтобы в его землянку привели Канду. Он хочет взять её в жёны. А если не послушают, всем Чернобурым будет плохо.

У Чернобурых началась паника. Колдун! Юсора! В его власти пустить по ветру всякую беду. Захочет сделать зло — где спасенье?

Женщины приходили уговаривать Канду — пусть идёт к колдуну. Они не хотят из-за неё терпеть несчастье. Канда плакала. Ао с копьём в руке стоял перед шалашом и грозил каждому, кто подойдёт. Через день пришло известие: колдун требует в жёны не только Канду, но и Баллу.

Ни та, ни другая и слышать не хотели об этом. Но женщины ворчали и сердито поглядывали на красавиц. Матери пошли разговаривать с Каху. Мать матерей взяла из костра горящую ветку и обошла с ней вокруг землянок. Это немного успокоило взволнованные умы. Но скоро страхи возобновились.

В посёлке начали хворать люди, особенно дети.

Каждое лето дети болели. В этом не было ничего удивительного. Но в этом году болезнь была особенно злой. Тяжело заболел и умер один из стариков. С каждым днём становилось всё теплее и теплее. Тучи мух и мошек вились над посёлком. Отбросы были тем местом, где они плодились. Мух становилось всё больше и больше, они носились повсюду, быстро распространяя заразу.

В один из пасмурных дней Ао, Волчья Ноздря, Уа, Калли и Улла вернулись с удачной охоты. Они принесли молодого оленёнка, разрезанного на куски. Но, к их удивлению, никто их не встретил. В охотничьей землянке нашли они товарищей. Остальные охотники тоже вернулись с хорошей добычей.

И старики, и дети были сыты, но не было ни у кого обычного в этих случаях веселья.

Все женщины собрались в землянке Уаммы. На полу посреди жилья сидели с каменными лицами Огга, Уамма и другие женщины. Перед ними была вырыта продолговатая неглубокая ямка. Свежая земля, откинутая в сторону, лежала рыхлым валом.

У стены сидели другие матери и молча глядели на два меховых свёртка на дне могилки.

В это утро умерли девочка и мальчик — сын

Уаммы и дочь Огги.

Трупики положили рядом и начали засыпать землёй. Могилка была так мелка, что детские тела покрылись только тонким слоем земли.

Вместе с ними закопали берестяную чашку с орехами, заботливо положили рядом круглый камень — разбивать скорлупу. Поставили деревянную миску с водой. Когда тени умерших захотят пить, они смогут это сделать, не выходя из могилы.

Прежде чем положить детей в могилу, Уамма сняла ожерелье и надела его на шею своему Лаллу.

Три старухи сидели над могилкой. Это были Мать матерей Каху и ещё две.

Каху сидела, скрючившись, на земле, и старческие губы её шевелились. Она бормотала невнятные слова. Одна из старух держала пук можжевеловых веток. Время от времени она протягивала одну из них к очагу. Ветка вспыхивала, и старуха передавала запылавшую хвою Каху. Та махала веточкой над могилкой, и ароматный запах горящего можжевельника распространялся по землянке. Когда ветка сгорала, Каху кивала, и та же старуха зажигала новую ветку, а другая высыпала из мешочка горсть серых угольков. Каху

кидала их на могилку и пришлёпывала ладонью к земле. Крючковатый нос её почти упирался в подбородок, седые космы спадали по плечам.

Потом Каху обошла вокруг землянки и окурила её можжевельником.

Вдруг раздался тоненький голосок Уззы, восьмилетней дочки толстой Огги.

— А зачем их зарыли? — Она показала пальцем на свежую могилку.

— Им там будет лучше, — сказала Огга. — Они будут жить под землёй.

— Под землёй темно, — сказала Узза.

— Они пойдут туда, где живут тени, — прошамкала старуха, которая зажигала можжевельник.

— А зачем? — приставала Узза.

— Как зачем? Они умерли, а теням куда же деваться? Вот ты спишь, а тень твоя ходит. Так и они. Они спят в могилке, а тени будут жить. Нехорошо, когда тень мёртвого по земле ходит.

— А отчего им у нас не жить? — продолжала неугомонная Узза. — Мы бы с ними играли. Или в лес пошли бы за ягодами.

— Глупая! Если тень будет ходить по земле, люди будут пугаться. Заболеть даже можно, если встретишь. Пусть себе ходят под землёй. Там такие же есть леса, и речки, и травка. Там им

будет хорошо.

Дети окружили старуху и стали спрашивать, что такое тени.

— Тень — такой же человек, только вроде дыма. Сейчас, в полдень, маленький, а вечером станет большой. Когда человек ляжет спать, куда тень девается? Вот ты сон видишь? А это тень твоя летает и всё видит. А когда человек умрёт, его надо проводить под землю. Там ему будет хорошо. Там в речке он рыбку будет ловить, в лесу ягоды собирать. Всё как здесь, так и там. Только надо о тени позаботиться, а то она рассердится и что-нибудь сделает вредное…

Каху вернулась ещё раз к могилке и пошептала над ней. Это она уговаривала тени лежать смирно, не выходить из-под земли и не пугать живых.

Ни Каху, ни Огга, ни Уамма не понимали, что такое смерть. Они не знали, что она — неизбежный и естественный конец всего живого.

Если человек погибает в бою или на охоте, это ещё можно понять. Это победитель отнял силу у побеждённого или зверь оказался сильнее и одолел охотника.

Но если кто умирает, лёжа в своей землянке, — это загадка, и над ней надо хорошенько

подумать. Тут дело не обошлось без злого врага. Кто-то отнял жизнь не силой, а колдовством, наговором. Кто-нибудь напустил сперва болезнь, а потом и смерть. Кто-нибудь посмотрел злым глазом, от которого уходит здоровье. Зло можно «напустить» издали. Можно наслать болезнь по ветру. Нужно только знать такие слова. Можно сделать это из мести. Но не всякий может это сделать, а только кто умеет.

Кто же виноват в смерти детей Огги и Уаммы? Кто сумел погубить столько Чернобурых?

Конечно, Куолу! Он ведь грозил отомстить и отомстил.

А всё эти Красные! Не хотят уступить колдуну, вот он и злится.

Когда Улла вместе с Ао и Волчьей Ноздрёй вошли в землянку охотников, они сразу почувствовали что-то неладное. Никто не позвал их сесть у огня. Никто не спросил об охоте. Их встретили враждебными взглядами. Никто не сказал ни одного слова привета. Их считали виновниками гнева Куолу и его страшной мести.

В мастерской Тупу-Тупу

Вечером, когда в посёлке все сидели по шалашам и землянкам, в летний шалаш Канды просунулась рыжая голова. Это был Уа.

Ао лежал возле костра и раздувал тлеющие угольки. Уа молча сел у входной дыры. Канда вопросительно поглядела на брата. Вид у него был встревоженный.

— Что скажешь? — спросила Канда.

— Что скажу? В посёлке все боятся Куолу. Вот умерли Лаллу и Го. Ведь это его дело. Матери толкуют: всему виной Красные Лисицы. Не хотят отдать своих жён. А из-за них Куолу мстит целому посёлку. Старый Фао говорит: надо убить Красных! А Калли и Тупу-Тупу спорят. Говорят: не надо. Тупу-Тупу жалеет Канду. Не хочет, чтобы она шла к Куолу.

Канда со страхом слушала брата. Ао положил ладонь на голову жены:

— Не бойся! Ао не отдаст Канду.

В это время во входной дыре показалась чья-то тёмная фигура. Канда с криком бросилась прочь. Вдруг все засмеялись:

— Улла!

Улла пришёл сказать, что Тупу-Тупу велел звать Ао и Канду к себе.

Тупу-Тупу редко ночевал в землянке охотников. Большей частью он проводил время в своей каменной мастерской. Тут же стоял его шалаш, в котором на мягкой подстилке отдыхал он от дневных трудов. Мастерская помещалась около реки, у самого устья оврага. Нужно было спуститься по узкой тропинке и миновать кусты ивняка. Ещё издали до ушей охотников стали доноситься глухие удары камня.

— Тупу-Тупу работает!

На площадке под крутым обрывом приютился шалаш. Перед ним всё было усыпано осколками кремня. Тупу-Тупу сидел на гладком камне и бил камнем о кремень.

У края площадки под навесом сидели на земле люди: Волчья Ноздря, его молоденькая жена Дакку с перламутром на подбородке и красивая Балла. Все молча смотрели на Тупу-Тупу. Вновь прибывшие, не говоря ни слова, уселись на землю и стали ждать.

Тупу-Тупу продолжал работать. Он ни на кого не обращал внимания. Он заканчивал свой кремнёвый нож. Сейчас делал самую тонкую часть работы — наводил последнюю отделку.

Около камня, на котором он сидел, лежало несколько больших кремнёвых желваков. Такие желваки добывали из глубины известняков, в которых они заполняли пустые места, размытые водой.

Тысячелетия проходили, пока в таких пустотах из просачивающейся сверху воды выделялся кремнёвый осадок.

Тупу-Тупу брал принесённый желвак и тяжёлый ударный камень. На большом камне наковальни он разбивал желвак ударным камнем. Требовалось большое искусство, чтобы отбить от желвака куски, которые были пригодны для выделки орудий. Отбив резким ударом кусок, Тупу-Тупу старательно разглядывал его со всех сторон и, если он был хорош, пускал в дело.

Но это было только начало. Над таким куском ещё долго нужно было трудиться. Тупу-Тупу отделывал его постепенно и очень осторожно. Не торопясь, придавал кремню ту форму, которая была нужна. Короткими, отрывистыми ударами отбивал он от куска крошку за крошкой, пока кремень не становился по его воле то наконечником копья, то острым ножом.

Такую отделку называют ретушью.

Пещерный человек раннего палеолита ещё

не умел ретушировать. Его орудия были грубы. Он кончал свою работу там, где мастер поздней эпохи только начинал обработку орудия.

Мастерская каменных орудий не была собственностью Тупу-Тупу. Каждый мог прийти туда и работать сколько захочет.

Камни принадлежали всем. Каждый заботился, чтобы в мастерской были большие камни. В известняках часто находили большие круглые желваки, иногда с голову ребёнка. Снаружи они были покрыты белой коркой. Каждый умел сделать себе наконечник копья, скребок для очистки шкуры или каменный нож.

Но Тупу-Тупу работал не так, как другие. Он был мастером своего дела. Он любил работу, как художник. Ему нравилось волшебное искусство превращать грубый кусок кремня в изящно отточенное остриё.

Он испытывал детскую радость, когда от крепкого удара кремень выбрасывал из-под его пальцев голубоватую искру. Глаза его вспыхивали и сверкали. Словно огонь, выбитый из камня, перескакивал в его глаза, а оттуда в сердце. И никому не удавалось так точно отбить нужный осколок от круглого желвака. Никто так ловко не умел, надавив со всей силой, отломить от круп-

ного куска тот край, который был ему нужен.

Последняя отделка была самой трудной и рискованной частью работы. Одним неловким ударом можно было испортить всё: расколоть, изломать, свести на нет полученное долгим трудом произведение искусства.

Тысячи лет первобытные люди улучшали обработку камня. Тысячи лет росли трудовые навыки этих «кузнецов» каменного века.

Совершенствуя свои кремнёвые орудия, человек улучшал самого себя. Точнее становились движения, острее — глаз, внимательнее делался взгляд, упорнее — характер. Упорная работа над камнем изменяла самого работника. Труд делал его сильнее и сообразительнее и всё более отдалял от угрюмого образа жителя древних пещер, каким был его отдалённый предок.

Тупу-Тупу хмурился. Капли пота стекали со лба, глаза пристально следили за работой. Язык по временам высовывался наружу. Наконец он встал и бросил ударный камень.

Работа была окончена: в руках его блестело острое лезвие великолепного кремнёвого ножа.

На чём порешили в мастерской Тупу-Тупу

Тупу-Тупу заговорил:

— Красным нужно бежать! — Он свистнул и показал рукой на север. — Убьют, а жён отведут к Куолу. Сегодня заболела ещё одна старуха. Ещё больше стали бояться. Сердятся на Красных.

За Красных Лисиц заступаются только Уа да он — Тупу-Тупу. Калли молчит.

Говорили тихо, чтобы голосов их не унёс ветер.

Ао спросил:

— Что же делать?

— Бежать!

— Куда?

Тупу-Тупу показал рукой на север.

Из посёлка Чернобурых было только два длинных пути: на север и на юг, вдоль берегов Большой реки. На запад шла полоса густого леса. По ней уйти далеко было трудно. Густые заросли и поваленные деревья загромождали дорогу. За лесом начиналась сухая степь. Там бегали стадами сайгаки и табуны лошадей. Там было мало воды.

На востоке за рекой начинались заливные луга.

В них ещё не просохли болота. Там тучи мух, комаров, слепней. Дальше земля поднималась и болота сменялись лесами, а за ними опять начиналась степь.

Идти на юг, в селение Красных Лисиц?

Это значит проходить мимо Куолу! Куолу зорок. Он далеко видит кругом. Он их погубит всех до одного. Пройти незаметно до своего посёлка нет надежды. Куолу сердится на Красных Лисиц. Он будет им мстить, как теперь мстит Чернобурым.

Нет, дорога только одна. Туда, откуда течёт река. Куолу не скоро догадается. Пройдут пять и ещё пять дней, и тогда злой глаз Куолу их не достанет.

И тут Тупу-Тупу поведал им удивительную тайну. Он слышал это от самой Унги, прежней Матери матерей Чернобурых. Она говорила:

«Боишься колдовского глаза — иди к Великому льду. Дойдёшь до Великого льда — никто не найдёт. На Великом льду съешь сердце хуммы. Ничей глаз зла не сделает. Сам будешь как хумма».

Ао и Улла вскочили и стали громко смеяться:

— Туда! Туда! К Великому льду!

На этом порешили твёрдо. Волчья Ноздря поднял кверху копьё. Он тоже пойдёт. Он не хочет здесь один оставаться — его убьют Чернобурые,

они сердиты теперь на всех Красных. Канда, Цакку и Балла пойдут с ними. Они не хотят идти в жёны к Куолу. Лучше Великий лёд!

Тупу-Тупу снабдил каждого лучшим оружием. Охотники взяли по копью и по ножу, Ноздря — тяжёлую палицу с крепкой рукояткой.

Когда стемнело, жёны охотников потихоньку пробрались к своим шалашам. Назад вернулись нагруженные всяким добром. Надели зимнее платье, взяли провизию и необходимые каменные и костяные орудия мужей. Конечно, каждая захватила с собой особый женский мешочек с костяными амулетами и бусами, подвесками, красками для губ, для ногтей, для щёк, красивыми раковинами, костяными иглами и моточками тонких сухожилий. Балла, кроме всего прочего, нацепила за спину мешок, из которого выглядывала круглая головка маленького Курру. Он привык спать в таком положении. Как только закачалась на спине матери его меховая люлька, глазки его закрылись; он мирно стал посапывать носиком и крепко уснул.

Балла захватила также деревянное огниво, острый кинжал, выточенный из мамонтовой кости, с рукояткой в виде оленя. Ао взял мешок с фигуркой Матери матерей Красных Лисиц. Под

её защитой он чувствовал себя смелее. С ней он спокойнее думал о дальней дороге.

В полночь явился Уа. Он принёс своё копьё и сумку с вещами.

— Зачем принёс? — спросил Тупу-Тупу.

— Уа пойдёт с ними.

Юноша показал на Ао и Канду. Уа пойдёт к Великому льду. Он хочет отведать сердце хуммы. Он не хочет больше бояться Куолу.

А вот и последние новости. Старуха Тхи умирает. Её корчит и гнёт. Совсем посинела. Последние силы уходят…

Старики и старухи смотрят, как волки. Они говорят:

— Умрёт Тхи, убить надо Красных! Пусть жёны их идут просить Куолу. Пусть берёт их, только бы не сердился.

В охотничьей землянке решили утром взять силой Баллу и Канду, а мужей их убить. Тогда они послушаются.

Уа не останется с теми, кто хочет убить Ао и Уллу. Он не хочет отдавать Канду колдуну, он уйдёт вместе с ними, и пусть только Куолу попробует показаться — он узнает, умеет ли Уа кидать копьё.

Беглецы потихоньку спустились к берегу. Ту-

пу-Тупу проводил их до реки. Он велел им войти в воду: вода ведь не держит следов. Никто и не узнает, в какую сторону они пошли.

Тупу-Тупу долго смотрел, как семь беглецов осторожно шагали по реке. Потёмки скрыли их. Оружейник долго прислушивался к всплескам воды и потихоньку побрёл в свой одинокий шалаш.

Тот, кто убивает носом

Первые дни беглецы торопились. Женщины поминутно оглядывались: не следят ли, не догоняют ли?

Женщинам было трудно. Они не привыкли много ходить. Они искусницы шить платья, делать разную домашнюю утварь, а не шагать по лесам и болотам. Кроме того, им приходилось тащить мешки с домашним скарбом. Особенно тяжело было Балле. Вдобавок к другим тяжестям она несла ещё мешок с ребёнком.

Возле посёлка Лесных Ежей беглецы переправились на другой берег. Ежи недавно поссорились с Чернобурыми, и с ними лучше не встречаться. Реку перешли вброд, в кустах ивняка дождались ночи и только тогда двинулись дальше. Тучи комаров терзали и мучили их. Развести огонь, чтобы дымом отогнать мучителей, нечего было и думать. Шли всю ночь и всё утро и только к полудню, выбившись из сил, бросились на прибрежный песок и уснули.

Питались беглецы неплохо. Охотники каждый день убивали какую-нибудь дичь. По старицам ловили утят и гусят, подстерегали у водопоев

оленей.

Уа, вчерашний мальчик, оказался отличным охотником. Каждое утро четверо мужчин расходились по двое в разные стороны. Ао охотился вместе с Уллой; Волчья Ноздря любил брать себе в товарищи Уа. Эта пара не возвращалась к костру с пустыми руками.

На третьи сутки Ноздря показал рукой на север: там туры переходили вброд на лесную сторону. Беглецы переправились вслед за ними.

На правом берегу было суше и комаров меньше. В безлюдном краю звери и птицы мало боялись человека. К вечеру удалось отбить от стада телёнка, и Ноздря заколол его. В другой раз на одной маленькой лесной речке нашли большую колонию бобров. Уа метнул с берега копьё в старого бобра и пробил насквозь его хвост, похожий на толстую лопату. Копьё помешало бобру спрятаться в нору. Уа вытащил его, и тот больно укусил ему палец. Уа прикончил его ударом камня и с торжеством притащил добычу на стоянку.

В тот же вечер беглецы были испуганы неожиданной встречей.

Женщины вместе с Уллой спустились к реке. Надо было набрать воды в очищенные оленьи желудки.

Вдруг Улла со страхом стал пятиться от кустов лозняка. Оттуда пристально смотрело на него тёмное мохнатое чудовище. Это был длинношёрстый носорог. В те времена эти звери ещё бродили по равнинам Европы. Носороги были неприхотливы в еде. От холода защищала их густая шуба из длинных тёмных волос.

Носорог только что напился. С нижней губы его стекали капли воды. Он стоял спокойно. Но вот глаза его забегали: он не любил встречаться с двуногими. Носорог топнул ногой, наклонил голову и выставил вперёд длинный изогнутый рог. Улла побелел, как смерть. В два прыжка он очутился у обрыва и стал карабкаться вверх по береговой круче. Женщины с визгом бросились за ним.

Носорог остался внизу и внимательно следил за ними маленькими злыми глазами. Решено было, не откладывая, уходить от опасного соседа. Охотники с жёнами наскоро собрали пожитки и двинулись дальше. Но не успели они пройти и тысячу шагов, как Улла вскрикнул и схватил за руку Ао. С ужасом глядел он назад: там снова, словно из-под земли, вырос огромный зверь. Носорог шёл по их следам и нюхал землю. Зверь явно следил за вереницей людей, пробиравшихся по берегу.

Что ему было нужно?

Носорог не хищное животное, но у него капризный и вспыльчивый нрав. Он легко раздражается и приходит в ярость. Когда самки ходят с детёнышами, самец особенно вспыльчив и готов броситься на каждого, кто окажется близко.

С оборотнем надо покончить

Тут произошло то, что трудно было предвидеть. Улла вспомнил о Куолу, и его воображению представилась страшная картина: их преследует не носорог, а колдун в образе этого зверя. Улла неистово закричал: «Куолу! Куолу!» — и без памяти бросился в сторону. Он, как безумный, мчался прямо к береговому обрыву. Ужас до того овладел им, что он, казалось, совсем потерял голову. Но всего хуже было то, что носорог, не обращая внимания на остальных, пустился за ним в погоню.

Улла добежал до берегового обрыва и быстро вскарабкался по кривой, наклонившейся над кручей берёзе. С ловкостью обезьяны добрался он до первых раскидистых сучьев дерева и судорожно уцепился за ветви.

Носорог подбежал вплотную, потоптался на месте, ударил рогом по стволу и отошёл в сторону. Тут он фыркнул, пошлёпал длинной верхней губой и шумно зевнул. Он ждал, но Улла забрался ещё выше. Наконец зверю надоело ждать, и он медленно удалился. Слышно было, как он ломал кусты и топтал лесной валежник. Когда шум его шагов затих, все понемногу начали вылезать

из-за кустов.

Улла по-прежнему сидел на берёзе. Зубы у него стучали, как в лихорадке.

— Это Куолу! — шептал он побелевшими губами.

Как это они раньше не догадались? Вспомнились рассказы отцов. Сколько раз оборачивался он носорогом, медведем, зубром! Вот и теперь…

До встречи с носорогом беглецы начали было успокаиваться. Стали думать: можно, пожалуй, остановиться на постоянное житьё. Лето коротко. Незаметно подойдёт осень с холодом и дождями, а за ней снежная зима с морозами и метелями.

Не пора ли копать прочные землянки? Не пора ли устраиваться на зимовку?

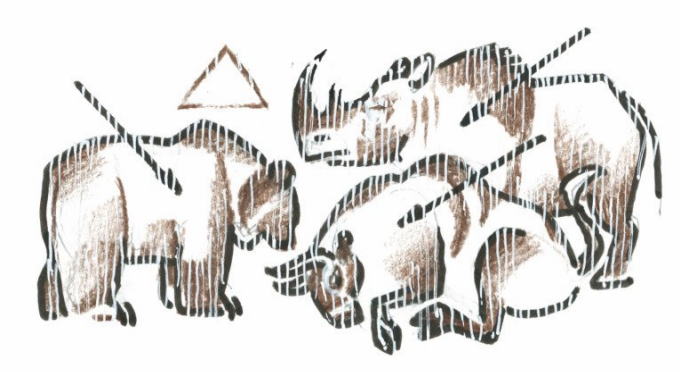
Оборотень-носорог разрушил все эти планы. Беглецы холодели от страха на каждой стоянке. Они боязливо оглядывались на чащу леса. Куолу в образе носорога преследовал их.

Куолу напал на их следы!

Бежать и бежать! Бежать как можно дальше! Путать свои следы. Делать всё, чтобы сбить с толку страшного преследователя. Но этого мало. Колдун оборачивается зверем, пускает в ход свою колдовскую силу — значит, нужно прежде всего её разрушить.

С утра беглецы приступили к этому важному делу. Ао осколком кремня снял с берёзы большой кусок берёсты. На ней он стал выводить фигуры волосатого носорога, зубра и медведя. Улла слепил из глины высокую колонну возле ручья и на верхушку её поставил белую фигурку Ло, Матери матерей Красных Лисиц. Пока Ао дорисовывал своих зверей, Волчья Ноздря потихоньку нашёп-

тывал в уши статуэтке просьбу защитить их от колдуна.

Но вот рисунок готов. Ао показал его всем. Это были верно схваченные контуры носорога, медведя и зубра. Немного подумав, художник сделал к нему добавление. Это было изображение нескольких копий, вонзённых в тело животного. Потом он прибавил ещё два наконечника и большой треугольник. И копья, и треугольник были

совершенно понятны зрителям.

Копьём художник поражал не только нарисованных животных, — он наносил удар живому врагу, оборотню Куолу. Треугольник — это дом, кровля землянки. Это был колдовской приказ оборотню вернуться домой. Копьё должно было приковать его к жилищу. Это на случай, если самый удар не уничтожит противника насмерть. Останется жив — пусть сидит дома!

Ао положил берёсту к ногам Матери матерей. Ведь это она должна была своим могуществом придать силу волшебным рисункам.

Все семеро окружили фигурку Матери матерей. Ао рассказал ей все обстоятельства дела. Потом все стали просить её о помощи. Они ещё раз повторили нараспев всё сказанное художником. Трижды обошли они вокруг Матери матерей. Заклинание кончилось. Можно идти дальше.

Тундра и криволесье

Сколько суток прошло после заклинания? Беглецы не считали. Но никогда б они не зашли так далеко, если бы не эта встреча со страшным зверем. Страх уменьшился, но не прошёл. Особенную власть имел он над сердцем Уллы. Всякий след тяжёлой ступни носорога, медведь, замеченный издали, неясные голоса ночи заставляли его вздрагивать. Напуганное воображение рисовало ему страшные картины… Широко раскрытыми глазами старался он пронзить темноту. Каждую минуту ждал, не высунется ли из леса голова оборотня.

Ночью он со страхом прислушивался к звукам, рождающимся в лесной чаще, к таинственным шумам и незнакомым голосам — ночной жизни птиц и зверей.

Но дни проходили за днями. Река, вдоль которой они двигались, становилась всё меньше и у́же.

Каждый шаг путников приближал их к истокам и к тому холодному царству ледника, из-под которого выбегали мутные воды тающего льда и снега.

С каждым днём становилось всё холоднее. Лесные деревья на высоком правом берегу становились всё ниже и корявее. Приземистые кривые ёлки и лиственницы с изуродованными верхушками имели чахлый и нездоровый вид. Стволы их были обвешаны длинными прядями светло-зелёных, а кое-где совсем чёрных лишайников. Ветки их росли только с южной стороны; казалось, они прячутся за толщу ствола от ледяного дыхания северного ветра. Да, это мертвящее дыхание ледника сказывалось на каждом шагу.

Растущие на кочках пурпурные цветы кустистых камнеломок все были собраны тесной кучкой на южном склоне кочек, и по ним легко можно было угадать, где север, где юг, даже в те дни, когда тяжёлые серые тучи закрывали днём солнце, а ночью звёзды.

Всё чаще и чаще среди леса стали попадаться торфяные болота. Они были или вовсе безлесны, или на них росли кое-где тощие, болезненные и редкие погибающие деревца. На более сухих местах земля была покрыта ползучими стеблями карликовых берёзок. Часто этих стеблей не было видно, потому что они были прикрыты густым мхом, из которого наружу выставлялись только пучки тонких веточек, густо усаженных листья-

ми. Листья были очень маленькие, не больше ногтя мизинца. Но, так же как и у настоящей южной берёзы, края их были зубчатыми. Если растереть пальцами такой листочек, можно было почувствовать такой же терпкий берёзовый запах.

Наконец деревья стали попадаться только по берегам рек. Часто встречались то осоковые болота, то моховики. На кочках росли кустики морошки. На одном и том же кусте можно было видеть и белые цветы, и красные незрелые ягоды, и нежные спелые плоды жёлтого цвета, питательные и приятные на вкус. Беглецы наедались ими до отвала. Даже маленький Курру явно начал выказывать предпочтение ягодам и всё реже требовал молока.

Скоро река сделалась совсем узкой. Берега понизились. В оврагах лежали скопившиеся на дне сугробы. Постоянно попадались большие и маленькие озёра. Особенно много их было на низком болотистом берегу.

На озёрах почти везде виднелись стайки уток, гусей, казарок. Огромные северные гагары ныряли то там, то здесь или, вдруг поднимаясь с воды, быстро неслись по гладкой поверхности, с шумом

били по ней сильными короткими крыльями и с трудом отрывались от неё.

Люди с удивлением смотрели на эту безлесную равнину. По тундре бродили стада оленей.

Олени недаром уходили летом на север — здесь их не так тревожили мошки и комары. Здесь вволю наедались они листьями и ягодами кустарников. Между кочками светлыми пятнами белел олений мох.

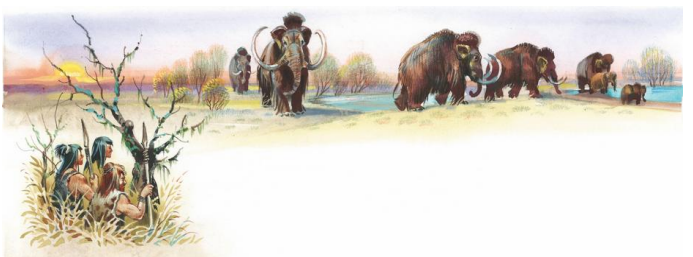
Охотники каждый день возвращались к стоянке с богатой добычей. Они подкрадывались к зверям ползком, подкарауливали их в кустах у водопоя и уходили порой довольно далеко от Большой реки.

Впрочем, она уже давно перестала казаться им большой. Женщинам приходилось тащить тяжёлые свёртки мехов, число которых увеличивалось с каждым переходом. Зато ночью меха спасали их от стужи и холодных туманов. Костры разводили сухими сучьями кустарников.

Один раз они попали в крупнобугристую торфяную тундру. Кочки-бугры величиною с высокий шалаш были раскиданы по всей равнине. Сверху кочки были покрыты сухими лишайниками и белыми цветами морошки. Пробираться между ними было тяжело. Наконец охотники ещё из-

дали заприметили голубое озеро и поспешили к нему, чтобы скорее выйти из бесплодных и мёртвых бугров.

После долгой и утомительной ходьбы они очутились во влажной низине озера, окаймлённого широким кольцом зелёных кустов ивняка, и здесь присели отдохнуть. Вдруг Улла толкнул Волчью Ноздрю и показал пальцем в сторону. В отдалении они заметили другие «бугры», которые на их глазах шевелились, переходили с места на место.

— Хуммы! — шепнул Ао.

Действительно, это были мамонты. Они мед-

ленно пробирались по течению узенькой речки, густо заросшей корявыми кустами. Речка была узка, и воды издали не было видно. Только полоска береговых ивняков обозначала её извивы. Хуммы ломали хоботами ветки и отправляли их в свои ненасытные рты. Широкие уши шевелились и топорщились. Детёныши то спускались в воду, то вылезали на берег.

— Это они! Они! — шептал Улла, вглядываясь в стадо.

Ему казалось, что он узнаёт колоссального старого самца, которого он преследовал с горящими хвойными ветвями.

Волчья Ноздря восторженно смотрел на мохнатых великанов. В нём вспыхнула страсть прирождённого охотника.

Хуммы — ведь это не простая добыча. Это добыча из добыч! Один хумма в ловушке — и сыт целый посёлок! И не один день, а много, много и ещё много. Месяц родится, станет толстым, похудеет и умрёт. Вот сколько дней будут сыты люди посёлка. Хумма — это гора мяса. Его горб — гора жира. Его шерсть — гора волос. Охотники сплетут из шерсти крепкие верёвки, силки для птиц, привязи для ловушек на горностаев. Бивни хуммы — костяные брёвна. Из них делает Тупу-Тупу кин-

жалы, ножи, иглы, а искусник Фао — чудесные украшения, застёжки на одежды, изображения Матери матерей. Мало ли что может сделать из них искусный резчик! А сердце? Кто съест сердце хуммы, сам станет как хумма. Никакой зверь не одолеет его. И колдун Куолу будет бессилен делать зло. Недобрый глаз потеряет силу. Дурной ветер не принесёт вреда. Охотником из охотников станет тот, кто победит хумму. О нём будут петь песни люди Большой реки. А рёбра? Рёбра пропитаны жиром. Они горят, как дрова.

Беглецы жадно глядели на мамонтов. Уа дрожал от нетерпения. Ноздря облизывался. Ао и Улла крепко сжимали копья.

Стадо медленно приближалось к озеру. Впереди шли слонихи, за ними детёныши, сзади самцы. Охотники наскоро оглядели окрестность и быстро перетащили пожитки на ближайший холмик. Там, под защитой торфяного бугра, они и стали устраиваться. Ао и Улла спустились к зарослям ивняка наломать побольше сухих веток. Балла расстелила оленью шкуру и стала кормить малыша. Канда и Дакку отправились к ручью за водой. Волчья Ноздря и Уа исчезли надолго. Они пошли проследить, что делают мамонты.

Вернулись они, когда от озера поползла белая

полоса тумана.

Трещина

С тех пор как беглецы наткнулись на мамонтов, женщинам стало ещё тяжелее. Охотники ни за что не хотели потерять из виду горбатых зверей.

Если утром стада не было видно, Волчья Ноздря отыскивал свежий след, и все четверо мужчин пускались вдогонку.

Хуммы не делали больших переходов. Днём они паслись по ивнякам и по травяной пойме возле воды, на ночь поднимались в высокую сухую тундру. Они, как и люди, не любили туманов.

В низине лежал лёд. Он копился здесь веками. Каждую зиму метели наваливали сверху свежие сугробы, каждое лето солнце старалось растопить их, но это никогда ему вполне не удавалось. Это и был край Великого льда.

В долину Большой реки заходил его южный выступ. Дальше к северу он сливался с обширным сплошным ледниковым покровом, который тянулся отсюда непрерывной толщей до самого Ледникового моря. Чем ближе к океану, тем более мощной становилась ледяная толща. Над финскими и скандинавскими горами ледник лежал глыбой больше километра толщиной и медленно

сползал ледяными потоками к югу и юго-востоку. В самом конце южного выступа из ледяного грота выбивались мутные потоки воды. Здесь было рождение Большой реки. К её сырым и грязным берегам приходило стадо хуммов напиться. На ночь беглецы разводили костёр и жарили на нём куски оленины, выкопанных из нор жирных пеструшек или бросали на уголья костра зубастых щук. На каждой стоянке они втыкали в землю свои копья вместо жердей, которые тут было трудно найти. На них натягивались оленьи шкуры, получался меховой навес, защищавший ночью от холода и туманов.

Ао просыпался с рассветом. Он первый вылезал из шалаша, любил постоять и прислушаться к утренним голосам. Тундра была полна жизни. В ивняке распевали варакушки. Полярные жаворонки, подорожники и жёлтые трясогузки подавали свои нежные голоса.

У берегов речушек, озерков и непросыхающих луж суетились бесчисленные кулички, кричали красноглазые морские сороки, реяли чайки и вилохвостые крачки. Хищным полётом стремительно проносились тёмные поморники, квакали в кустах белые куропатки, на воде крякали утки, гоготали гуси, трубили лебеди и отчаянно звон-

кими и печальными голосами стонали северные гагары.

Летом дождей почти не было. Небо большей частью было ясно. Только порою со льда наползали туманы, и тогда тело охватывала пронизывающая сырость.

Лето перешло уже на вторую половину. Ночи становились длиннее и холоднее. Последние дни женщины стали часто плакать. Они ничего не говорили, но мужчины догадывались, в чём дело. Женщинам хотелось тёплого жилья. Они устали ходить с места на место. Нужно было бы сделать землянку, но здесь не было подходящего места. Топлива тоже было мало. А на зимнее время нужно много, много огня. Охотники сами понимали, что пора уходить, но все медлили. Кто же их удерживал? Хуммы!

Каждый день мужчины шагали по следам мохнатых чудовищ. Они изучали их тропы и стоянки.

Один раз Уа, запыхавшись, прибежал к костру. Он хлопнул Ноздрю по спине и таинственно показал ему в сторону льда. Охотники сейчас же исчезли вместе с ним. Они не вернулись в этот день на стоянку.

Женщинам пришлось ночевать одним. Ночью

северный ветер нагнал снежную тучу. Снег падал хлопьями и завалил кусты и кочки. Было страшно. То и дело, приподняв край полога, вглядывались женщины в темноту ночи. Но никого и ничего в ночном сумраке нельзя было видеть.

Мужчины не пришли и на второй день.

Что с ними случилось? Наконец женщины не выдержали и отправились на поиски.

Везде бежала вода. Снег начал таять. Яркие лучи солнца и нестерпимый блеск снегового поля слепили глаза. У края ледника лежали груды песка и камней. Между ними текла вода. Идти было трудно. И куда идти? Цакку заплакала. Она делала это всегда, во всех трудных случаях жизни. Канда взобралась на холмик, чтобы оглядеть

окрестность. Кругом были видны тёмные вершины холмов. Среди них белели отроги ледника. Ниже шумели бегущие потоки мутной воды. Вдали синели холмы, подёрнутые влажной дымкой.

Это были времена, когда царство льда дрогнуло и стало медленно отступать к северу. Тающий лёд оставлял на месте глину, песок и камни. Длинные гряды их громоздились здесь и там. Песчаные холмы тянулись правильными вереницами. Они обозначали старые границы льда, когда оледенение было ещё более мощным.

Между холмами сверкали синие зеркала стоячей воды. Мелкие болотистые речки струились по низинкам, пробираясь к верховьям Большой реки.

С верхушки холма Канда видела десятки озёр. В чистой их глубине отражалось голубое небо. Дальше, за холмами, озёр уже не было видно, но по белым пятнам тумана можно было догадаться, где была вода. Полярные совы неподвижно сидели на верхушках холмов. Белые перья их сверкали на солнце, как круглые снежные комья.

Вдруг на склоне ледника показались фигуры людей. Канда радостно замахала руками. Это были Улла и Ао. Они также увидели её и стали

бегом спускаться.

— Хумму поймали!

Это были первые слова, которые услышали женщины. Все пошли на место охоты. Здесь толща ледника была прорезана глубокими трещинами. Они доходили до самой земли. Тут пролегала хорошо протоптанная тропа хуммов. Мамонты не раз переходили ледник, перебираясь с одной стороны долины на другую.

Уа заметил, что даже узких трещин хуммы не переступали. Верный инстинкт подсказывал тяжёлым животным грозящую им опасность. Погибали неосторожные. Оставались в живых те, которые боялись.

Присмотревшись, как ходят мамонты, охотники решили перехитрить толстокожих. В том месте, где тропа приближалась к трещине, начались коварные приготовления. Люди натаскали низкорослых ёлочек и устроили из них лёгкий мостик шириной около десяти шагов. Промежутки между стволами плотно закрыли нарубленными сучьями ивняка, а сверху накидали снегу. Потом крепкими рукоятками копий охотники пробили длинную глубокую канавку впереди мостика. Канавка должна была изображать свежую трещину, которая появилась тут поперёк слоновьей

тропы.

Копать было тяжело, и на это ушёл весь день. К ночи всё было готово. Теперь нужно было только ждать.

Короткую ночь охотники провели на льду, тесно прижавшись друг к другу. Утром устроили засаду. Вот наконец показалось стадо хуммов. Впереди, покачивая хоботом, шёл старый вожак с огромными бивнями. Он грузно ступал по ледяной тропинке; остальные гуськом тянулись следом. Охотники ясно слышали тяжёлую поступь великанов.

Вдруг вожак остановился. Он дошёл до канавки. Уши его шевельнулись. Хобот поднялся вверх. Раздался отрывистый звук.

Тревога! Этой трещины не было! К нему подошла старая самка со слонёнком. Подошли и другие старые и молодые хуммы. Все они нерешительно трогали край канавки хоботами и шевелили ушами. В это время один из слонят взобрался на покрытый снегом помост. Тонкие ёлки затрещали, и слонёнок рухнул вниз вместе с кучей жердей, веток и комьями снега. Старые хуммы шарахнулись в сторону. Слонихи завизжали, подзывая детёнышей. Тревога прошла по стаду. Скорее уйти от непонятной беды!

Только одна слониха осталась у трещины. Она звала, но никто не откликался. Слонёнок упал вниз головой и застрял на самом дне. Падение оглушило его. Мохнатая слониха напрасно звала… Когда стадо отошло, она перестала визжать и пустилась догонять остальных.

Сердце хуммы

Лагерь был перенесён к самому краю ледника. Охотники выбили ступени во льду, чтобы удобнее было слезать на дно трещины. Вытащить зверя наверх было невозможно.

Первое дело, которое сделали беглецы, было исполнение таинств Матери матерей. Ао долго работал каменным ножом. Он разрезал кожу и мясо на груди у слонёнка. Разрубил два ребра, отогнул их руками и вырвал волшебное сердце. С восторгом прижал он его к себе и выхватил из него зубами кусок мяса. Он первый отведал сердце хуммы, и теперь ему не страшны никакие колдуны! Ао смеялся и готов был кричать от радости. Тяжело дыша, он вылез по скользким ступеням наверх и бережно положил к ногам охотников свою ношу.

— Ешьте! — кричал он. — Ешьте! Будьте как хуммы!

Сердце было разделено между всеми охотниками. Уа отрезал от своей части кусочек и сунул его в рот Курру:

— Пусть вырастет силачом, пусть не боится ни Куолу, ни кого другого!

Балла ласково на него поглядела.

В это время Канда подбежала к мужу и выхватила у него один из кусочков мамонтового сердца. Прежде чем Ао успел опомниться, она сунула кусок в рот и быстро его проглотила. Все смотрели на неё с изумлением. Сердце считалось долей мужчины, а женщины его не ели.

— Канда тоже не будет бояться Куолу! — закричала она и, как ребёнок, захлопала в ладоши.

Аммуны

Каждый день охотники спускались в трещину и приносили новые порции мяса. Один раз они добыли двух песцов. Шустрые зверьки уже успели разведать, что плохо лежит. По ночам они подбирались к слонёнку тем же путём, что и люди. Здесь утром застал их Ноздря и прикончил двумя ударами дубины.

Однажды Уа заметил стадо овцебыков. Они спустились к реке на водопой. Уа с Волчьей Ноздрёй подкрались к стаду и убили годовалого телёнка. Еды было вволю, зато мало топлива. Приходилось есть мясо сырым. Это, впрочем, их не смущало. Гораздо хуже было то, что всё чаще надвигались густые туманы. Они сползали с ледника почти каждую ночь.

В один из вечеров Ао и Улла вернулись к шалашу раньше других. Они принесли свежую добычу и думали порадовать ею жён. Но женщины встретили их бунтом. Едва только охотники показались перед шалашом, как Балла и Цакку подняли неистовый вопль.

— Аа! Аа! — кричали они.

— Холодно! Аммуны! — вопила Балла.

— Злые аммуны! Домой! Домой! — голосила Цакку. — Боимся больших аммунов!

Разбуженный криками женщин, в шалаше надрывался Курру. Одна Канда не кричала. Она лежала ничком и утирала слёзы. Женщины страшно боятся аммунов.

Всякий раз, как с ледника наползал густой туман, женщины шептали: «Пришли аммуны!» — и прятались в жильё, стараясь закутаться с головой.

Аммуны — это не просто туман. Туман — холодный пар, облако, ползущее по земле, и ничего больше. Но для Канды, Баллы и Цакку туман — это прежде всего таинственное живое существо. Вернее, целая толпа каких-то непонятных существ. Они двигаются, ползают, улетают и возвращаются вновь. Они замышляют злое и причиняют несчастье.

Ао и Улла поняли одно: их жёнам надоело жить в новых местах. Они страдают от сырости тёмных ночей. Они истосковались по тёплому жилью, соскучились по землянкам посёлка. Но главное — их смертельно пугают туманы.

Охотники положили на землю убитого зайца и двух белых куропаток. Но решить дело без товарищей было нельзя. Нужно было их дождаться.

Мужчины стояли молча, опёршись на свои копья. Женщины уселись на землю и продолжали выть.

— Аа! Аа! Аа! — тянули они, и слёзы ручьями стекали по их щекам.

Они плакали громко, а сами следили, какое действие производят на мужчин их вопли и потоки слёз.

Иногда они уставали кричать и начинали потихоньку стонать. Потом вдруг, спохватившись, принимались снова причитать, жаловаться и повторять одни и те же слова.

Наконец вернулись Уа и Волчья Ноздря. С их приходом вопли возобновились с новой силой. Охотники с удивлением смотрели на рыдающих женщин. Временами они переводили глаза на Ао и Уллу, и в их взглядах можно было прочесть вопрос: в чём же дело?

Наконец Ао показал на женщин и сказал только четыре слова:

— Боятся аммунов! Хотят домой!

Обратный путь

Возвращаться домой решили без лишних слов. Было ясно, что оставаться здесь дольше нельзя. Мужчины хотя не так, как женщины, но тоже побаивались аммунов. Они спешили к шалашу, едва только издали замечали приближение тумана. Они знали: когда эти холодные белые существа застанут человека вдали от жилья, они сделают его слепым. Человек не знает, куда идти и где его дом.

Но и помимо аммунов, всё заставляло думать о возвращении. Птицы улетели. Большие звери тоже потянулись на юг. Приближалась зима. Улла ещё вчера видел стадо северных оленей. Оно двигалось туда же, куда летели и птицы. А в это утро Уа с Ноздрёй узнали, что и хуммы ушли. Их свежие следы вели в долину Большой реки, а там поворачивали вниз по течению. Вдоль берега пролегала их кочевая тропа…

Хуммы ушли! Красные Лисицы пойдут за ними!

Ноздря не сказал ни слова. Он просто начал собирать оленьи и песцовые шкуры. Уа принялся их увязывать. Ао занялся мамонтовой шерстью.

Охотники уже давно собирали её. Острым, режущим краем кремнёвых пластинок они резали длинные пучки бурых волос и складывали в углу.

Ао запихал их в меховой дорожный мешок.

Женщины повеселели. После ужина улеглись, успокоенные и обрадованные.

С первыми лучами солнца весело двинулись в путь. Он был далёк и труден. Впереди — опасности и тревоги, холода и туманы, дожди и суровые ветры, переправы через реки и ручьи, топкие трясины и болота, покрытые кочками. Но зато там, в конце пути, их ждут тёплые землянки!

И Куолу им теперь уже не страшен: они ведь все отведали сердце хуммы. Чего им бояться? Вот почему они без страха пустились в дорогу старым путём.

К югу от тундры охотники снова вступили в криволесье. Равнины, покрытые мхами и лишайниками, сменились редким лесом; то там, то здесь попадались стада оленей.

Наконец пошла настоящая лесная полоса. Лес стоял густой и высокий. Тёмной стеной потянулись еловые чащи. Они сменялись белыми стволами берёз, стройными соснами. Возле самой реки тянулась узкая береговая полоска, по

которой идти было легче. Но и она часто перегораживалась старыми деревьями, упавшими с высокого берега вершиной к воде. Половодье осенью и весной каждый год прочищало дорогу. Ледоход стирал молодую поросль и уносил вниз по течению всё, что валялось на берегу.

В лиственных рощах было светлее и просторнее. Листья уже пожелтели. Порывы ветра срывали их. Они сыпались вниз и устилали ковром похолодевшую землю.

В одной из таких рощ Уа выследил целое стадо северных оленей. По всем правилам охотничьего искусства Уа обошёл стадо и начал подкрадываться против ветра. Делал он это мастерски. Скоро охотник заметил старого самца-оленя и четырёх самок с молоденькими оленятами. Он соображал, какой из оленей ближе всего должен подойти к его засаде, как вдруг что-то тёмное упало с дерева…

Одна из самок сделала огромный прыжок и, закинув голову, ринулась через кусты. Она мчалась прямо к тому месту, где стоял Уа. Охотник увидел зверя, вцепившегося в её шею. Поравнявшись с кустами, за которыми притаился Уа, важенка остановилась. Колени её подогнулись, и она рухнула на землю, дрожа всем телом и брыкая

задними ногами.

В один миг Уа выпрыгнул из кустов и изо всех сил вонзил хищнику копьё ниже лопаток. Удар был так силён, что кремнёвое остриё пробило сердце, ручьём хлынула кровь. На издыхающем олене извивалась в судорогах тёмнобурая «ун-да» — свирепая лесная росомаха.

Уа добил её и напился тёплой крови.

— Унда! Унда! Отдай мне твою силу! Унда! Унда! Отдай мне твою жизнь!

Покончив со зверем, Уа вернулся к важенке. Она была ещё жива, но кровь ключом била из зияющей раны. Силы оставляли её, взгляд сделался неподвижным. Она вытянулась, лягнула несколько раз задней ногой и затихла.

Тревога

Уа торжествовал. Глаза его блестели, на щеках играли весёлые ямки. Неожиданно сделался он владельцем двойной добычи.

Но что же ему делать? Одному не унести. Нужно позвать товарищей. Он ещё раз оглядел свои трофеи и бегом пустился к стоянке.

Через полчаса он добрался до лагеря. Мирно курился костёр. Перед костром сидела Балла и кормила маленького Курру.

— Где все? — крикнул Уа задыхаясь.

— Цакку с Кандой на болоте, собирают морошку. Охотники не приходили, идут по следам хуммы.

Уа рассказал о своей добыче. Балла весело смотрела на Уа. Какой он молодец! Какой красивый! Она не забыла ещё, как он гонялся за ней с копьём и больно её ударил.

— Утро придёт — надо будет взять, — сказала Балла.

Она улыбнулась, показывая свои белые зубы.

— Нельзя утром, — сказал Уа. — Придут те, которые воют по ночам. Они съедят мясо, а нам оставят одну шерсть.

— Ну, будем кричать! — ответила она весело. — Ао! Улла! Ао!

— Звонко кричишь! Как чёрный дятел, — сказал Уа.

Оба весело засмеялись и снова принялись громко выкрикивать:

— Улла! Ноздря! Ао!

Потом они уселись и начали ждать. Балла отнесла уснувшего Курру в шалаш. Оттуда вернулась с берестяным кузовком. В нём были спелые ягоды жёлтой морошки. Оба уселись у костра и стали есть. Но вот зашевелились листья ольхи: это вернулись мужчины.

— Кричали? — спросил Улла.

Уа рассказал о своей удаче. Нужно скорее идти.

Охотники захватили две жерди и быстро зашагали на место, где лежали убитые росомаха и важенка.

Уа шёл впереди, другие охотники — за ним. Дошли… Уа растерянно остановился: там, где лежали трупы оленя и унды, было пусто.

Ноздря наклонился и стал рассматривать смятую траву.

— Вурр! — сказал он.

Трава была примята полосой. По ней волочили что-то тяжёлое.

— Сюда тащил! — сказал Ноздря. — Сыт был. Тащил спрятать.

Под корнями упавшей ёлки лежала куча ветвей и листьев.

— Тут! — сказал Ноздря.

Он поворошил в куче копьём. Под валежником лежала зарытая оленья туша. Рядом с ней на обнажённой земле отпечаталась широкая медвежья пятерня.

Медведь был сыт. У оленихи он съел только вымя. Остальное было спрятано на тот час, когда разыграется медвежий аппетит.

Охотники не стали искать росомаху. Они знали, что вурр шутить не будет. Если застанет здесь — придётся плохо.

Они быстро вспороли оленью шкуру и ножами отделили оба задних окорока. Всего не донести, да и с медведем лучше было поделиться. Когда всё было готово, Ноздря оторвал стебелёк травинки и облизал языком. Затем присел на корточки и положил травинку на медвежий след.

— Будь здоров, хозяин! — сказал он ласково. — Мы твои гости! Мы дети твоей сестры. Мы сняли шкуру и приготовили тебе тушку. Не ищи нас. Мы ушли далеко. За реки и озёра, за леса и болота…

Наскоро закидали мясо валежником и тороп-

ливо пустились к реке со своей добычей. Вдруг Ао остановился:

— Кричат!

Все замерли на месте. Через миг по водяной глади ясно донёсся издали отчаянный женский вопль.

— Кричат! Зовут! Тревога!

Швырнув мясо под ореховый куст, охотники вихрем помчались к стоянке.

Неожиданные гости

Стоянка была пуста. Костёр догорал. Трава вокруг истоптана. Шалаш наполовину разрушен. Меха раскиданы, часть их унесена.

Всё носило следы разбойничьего нападения и борьбы. Не было ни женщин, ни ребёнка.

— Звери! — прошептал Уа.

— Люди! — ответил Ноздря.

— Не звери — крови нет!

— Следы, — сказал Улла и поднял с земли меховой колпак вроде мешка с вырезом для лица.

— Чужой!

Это был богатый колпак. По краям искусная рука нашила нарядную бахромку.

— Женщин нет! — сказал Уа.

Ао показал по течению реки. Он хотел что-то сказать, но в это время раздался сзади женский испуганный голос:

— Ао! Улла!

С берегового обрыва спускалась Балла. Она кинулась в шалаш и с плачем выбежала оттуда:

— Унесли!.. Нет Курру!..

Она выкрикивала бессвязные слова. Было трудно разобрать, что случилось.

А случилось вот что.

Канда и Цакку вернулись поздно. Балла жарила мясо.

Вдруг из кустов выскочил Куолу и с ним много людей. Схватили Канду. Она стала кричать. Балла бросилась бежать. За ней погнался мужчина. Она убежала в лес. Долго бежала, быстро… Всё-таки её догнали, схватили за руки. Тут она узнала Калли!

Калли приказал ей спрятаться и обещал обмануть Куолу. Он скажет колдуну, что не мог её догнать.

Мужчины поняли: напали Чернобурые и с ними Куолу. Как он узнал? Хочет мстить? Сколько с

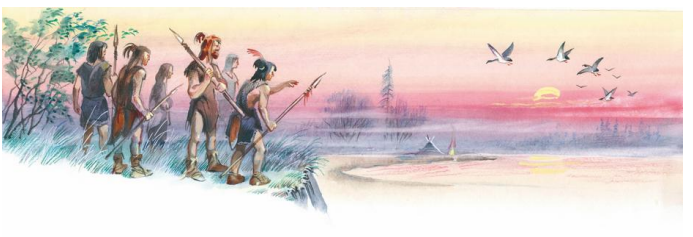
ним Чернобурых?

Балла показала пять пальцев на одной руке, на другой три. Потом затрясла головой:

— Нет. Было темно… Испугалась… Нет! Балла не знает!

Она заплакала. Ао дрожал: мысль, что Канда в руках колдуна, приводила его в ярость.

— Арру! — крикнул он боевой клич Красных и Чернобурых Лисиц.

В этом кличе был и вызов на бой, и зов, обращённый к товарищам, и возглас мужества, и вера в близость победы. Уа и Ноздря также рвались на поиски похищенных женщин. Один Улла остался

стоять с опущенными руками. Он втянул голову в плечи, как будто над его головой уже занесена палица врага. Ао с удивлением посмотрел на товарища.

— Чернобурых много, — медленно проговорил Улла. — Пять! — Он поднял руку, растопырил пальцы. — Три! — поднял вторую. — Красных мало!

Балла гневно взглянула на мужа и подняла пять пальцев кверху:

— Балла тоже возьмёт копьё! Будет пять! Калли не будет драться!

Глаза её сверкали, как у дикой кошки.

— С ними Куолу… Он всё может… Он… — шептал Улла. Ноздря нетерпеливо топнул ногой:

— Красные подкрадутся, как те, кто воет по ночам. Они убьют Куолу. Куолу умрёт во сне!

— Красные были у Великого льда. Они ели сердце хуммы! — кричал Уа. — Пусть колдун боится Уа! Уа не боится Куолу! Никого не боится!

Слова эти ободрили Уллу. Он поднял копьё:

— Улла тоже ел сердце хуммы. Он не будет бояться.

Балла ласково посмотрела на мужа. Все молча зашагали по следам врагов. Идти нужно было осторожно. Ни шума, ни разговоров. На это был

наложен строгий запрет. Шли долго. Ночные потёмки густели каждую минуту. Но вот впереди, у самой воды, заблестел огонёк.

— Они!

Десять глаз жадно впились в темноту. Шёпотом совещались, что делать: обойти стороной по высокому берегу, подкрасться и выследить всех.

Вдруг из кустов к ним шагнула высокая фигура. Это был Калли.

— Пусть Красные не боятся Калли! — зашептал он.

Калли закидали вопросами, на которые он едва успевал отвечать:

— Там Куолу! С ним ещё пять и два.

Калли назвал всех по имени. Канда и Цакку там. Их стерегут. Дурного им не делают. Угощают, а они не едят.

Куолу сердит: Балла убежала. Зачем Калли её не привёл? Хотел убить. Потом прогнал. Велел искать и привести. Если Балла не придёт, он убьёт Курру, изжарит на костре, а уголья бросит в реку. Пусть Балла идёт в жёны к Куолу, тогда он ничего не сделает Курру.

Балла заплакала, закрыв лицо ладонями. Уа положил ей руку на плечо:

— Не плачь. Балла! Уа не боится Куолу. Он

убьёт его.

Волчья Ноздря только зарычал и заскрипел зубами. Ао вместо слов поднял копьё. Один Улла молчал и оглядывался. Калли смотрел на них и удивлялся:

— Вот какие! Колдуна не боятся!

Что случилось за это время в посёлке

Когда Красные Лисицы с жёнами ушли из посёлка, Чернобурые были рады. Думали, что беглецы ушли к Красным. Куолу больше не будет гневаться на Чернобурых.

Колдун пришёл через два дня. Кричал, требовал Канду, грозил послать злой ветер. Ему показали пустые шалаши беглецов и сказали:

— Они ушли к Красным Лисицам.

Через несколько дней Куолу явился к Красным. Он был в колдовском наряде: в расшитой разноцветными шкурками шубе, меховом колпаке, в ожерельях.

Оттуда вернулся лютее волка. К посёлку Чернобурых подступил он чёрною тучей.

Чернобурые обманули его. Он им этого не простит. Они узнают, как обманывать Куолу. Наругавшись, он швырнул палкой в Каху и камнем разбил лицо старику Фао. Затем перешёл через овраг и на глазах у всех махал на посёлок меховым колпаком, обшитым звериными хвостами.

Все поняли: Куолу нагоняет злой ветер. В этом ветре отрава, его ярость, его колдовство!

Чернобурые, дрожа, прятались по своим норам.

Строго запрещали детям показываться наружу. Сидели, скорчившись, вокруг очагов, втянув головы в плечи. Многие накрывали головы меховыми постелями, зажмуривались, боялись дышать, шевелиться и разговаривать. Так просидели они в трепете несколько часов, пока запас топлива не истощился и огонь в землянках не стал угасать.

Тогда поневоле старшие матери осторожно стали выглядывать наружу. Колдуна уже не было.

Перед землянкой Каху ярко пылал костёр, и сама она вместе с тремя сёстрами-старухами с горящей веткой можжевельника обходила посёлок. Она кадила кругом душистым хвойным дымком. Когда сгорала одна ветка, старухи подавали ей новую, зажигая её от костра или смолистого факела, который нёс за ними Фао.

Каху бормотала колдовские слова. Нос её низко нависал над провалившимися губами, а губы торопливо шевелились и шамкали заклинания.

Заботы Матери матерей немного успокоили жителей посёлка, но тревога всё ещё не прошла. В самом деле, никто не знал, что окажется сильнее: доброе ли колдовство Каху или злое и враждебное колдовство Куолу.

И нужно же было так случиться: трое суток после того не переставал дуть южный ветер. Он

принёс жаркий воздух, несметные тучи комаров и надоедливых мошек. Ни днём, ни ночью они не давали покоя.

Ветер гнал по реке чёрную зыбь, крутил в воздухе листья.

Он дул со стороны становища Куолу, и этого было достаточно, чтобы Чернобурые приписали его вражьим козням и силе заклятий колдуна.

Всё складывалось в пользу Куолу.

С тёплым ветром прилетели маздоки. Маздоки терзают людей, они наводят на них болезни и самую смерть. Колдун натравливает их на своих врагов. Маздоки накидываются на внутренности, сосут сердце, грызут голову, ломают суставы.

На этот раз Куолу выпустил «маздоков живота». Маздоки нападали на старого и малого. Не щадили никого: ни женщин, ни охотников, ни детей.

Умерли два старика и одна старуха. Слёг старый Фао. У рыжей Уаммы заболел второй ребёнок. Охота была из рук вон неудачной. Не видно было ни оленей, ни диких лошадей. В лесу исчезли зубры и туры.

— Одолевает Куолу!

Охотники сидели на берегу, опустив руки:

— Колдун не даёт охоты!

В довершение всех бед заболела сама Каху. Это

была явная гибель. Если Куолу сильнее Матери матерей, то где же искать защиты? Больной Фао послал звать стариков и охотников.

— Плохо! Куолу погубит всё становище, — говорил он. — Пусть охотники отведут к нему самых молодых женщин.

В тот же день целое посольство — все охотники и женщины — пошло к Куолу с дарами просить пощады. Куолу злорадствовал: Чернобурые признали его власть! Он долго ломался, гнал от себя прочь, плевал на подарки, кидал на землю ожерелья. Наконец смилостивился: надел ожерелья и принял дары. Ожерелья ему понравились. Он улыбнулся, но тотчас же спохватился, нахмурился и сказал:

— Приду пировать! Мириться будем.

Охотники из сил выбивались три дня, пока разыскали сайгу и двух зубрят.

Куолу пришёл со всеми жёнами. Теперь он первое лицо: что захочет, то и будет! Три дня обжирался мясом, издевался над всеми, бил детей, куражился над охотниками, оскорблял больную Каху. На четвёртый день приказал мужчинам идти и разыскивать беглецов. Узнать, где прячутся Канда и Балла, и сейчас же донести ему.

Поиски были напрасны: охотники возвраща-

лись ни с чем. Куолу бесился и снова посылал искать. Наконец вернулись двое и принесли важное известие.

В стойбище Лесных Ежей им рассказали, что видели людей на той стороне реки как раз в то время, когда ушли Канда, Балла и Цакку со своими мужьями. Люди шли по низкому берегу. Их было много: пять пальцев и два. Четыре охотника и три женщины. Одна несла за спиной ребёнка. Шли туда, откуда течёт Большая река. Шли вечером, прятались за кусты; видно, боялись, что их увидят.

Утром Ежи перебрались на ту сторону. Хотели узнать, что за люди, но ничего не узнали.

С тех пор прошло много дней. Месяц родился и умер, опять родился и опять умер… Так говорили Ежи.

На другой день Куолу отобрал восемь самых сильных охотников и пошёл отыскивать Канду и Баллу.

Калли рассказывал:

— Канда не боится Куолу. Когда он схватил её у костра, она сдёрнула с него колпак и расцарапала ему щёки. На стоянке он велел привязать Канду к дереву. Когда Куолу подходит к ней, она плюёт на него и скалит зубы, как волк. Куолу боится её.

В это время громкий смех прервал Калли. Ао весело запрыгал на месте, хлопал в ладоши и, как ребёнок, захлёбывался от радости.

— Канда! Канда! — кричал он, и ноги его выплясывали весёлый танец.

Ноздря ладонью зажал ему рот и сердито зашипел:

— Молчи! Услышат!

— Канда не боится! — смеялся Ао. — Она ела сердце хуммы там, у Великого льда.

— Все ели! — прибавил Уа. — Куолу ничего нам не сделает.

— И наша Мать матерей Ло сильнее вашей Каху, — прибавил Волчья Ноздря. — Она нам поможет.

Лицо Калли сияло. Ао вынул статуэтку Ло и положил на землю. Все Красные Лисицы стали шёпотом просить покровительницу их рода помочь им спасти женщин.

— Теперь идём! — сказал Ноздря.

И все шестеро стали спускаться с кручи. В лагере все спали, спали и сторожа возле привязанных женщин.

Из кустов тихо вышел Калли и подошёл к дремавшему Куолу.

— Балла пришла, — прошептал он на ухо кол-

дуну.

Между двумя кустами лозняка стояла и улыбалась Балла. Колдун поднялся с земли и пошёл к Балле. А она, смеясь, пятилась назад, в кусты. Вдруг страшный удар по голове свалил колдуна с ног. Это Уа ударил его тяжёлой палицей. Куолу упал, но тотчас же поднялся. Он выхватил из-за пояса костяной клинок, похожий на веретено, и бросился на юношу. Но в это же время Ао и Волчья Ноздря с двух сторон вонзили в него копья, и колдун опрокинулся навзничь. Улла в стороне со страхом смотрел на молчаливую схватку.

Что же будет теперь? Отсохнут руки у Волчьей Ноздри, Уа, Калли и Ао?

Нет! Руки не отсохли, и колдовская сила никого не поразила. Куолу был мёртв!

Калли будил Чернобурых.

Всё произошло так быстро, что никто ничего не слышал. Улла и Ао бросились развязывать пленниц. Балла схватила своего голодного Курру, который несколько часов провисел в мешке на дереве.

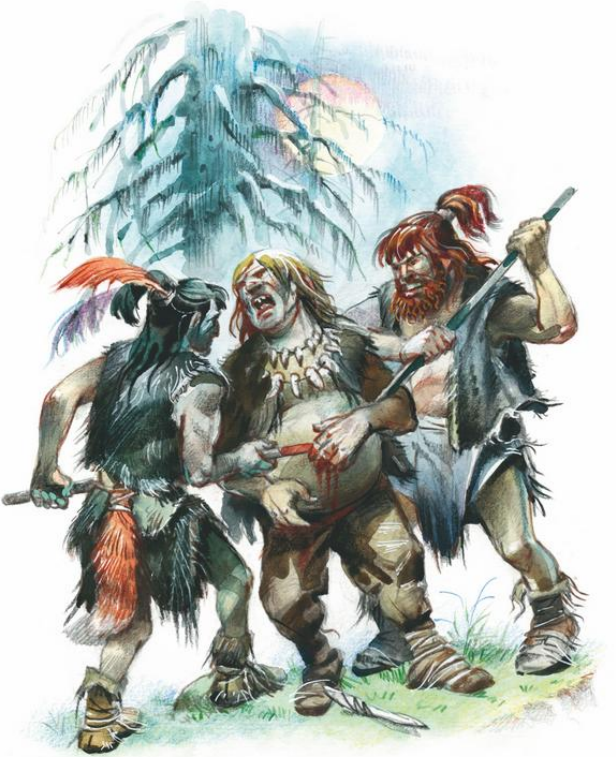
Чернобурые протирали глаза. Они сначала ничего не могли понять. А когда поняли и увидели, что Куолу лежит и не дышит, стали кричать и смеяться. Все радовались, точно с них свалилась

каменная глыба. Больше колдун не будет их мучить!

Волчья Ноздря приказал кидать в костёр сухие ветки.

Скоро пламя поднялось высоким снопом. Золотые искры летели вверх до самых верхушек ёлок.

Колдуна нельзя было оставлять лежать и нельзя хоронить, как других. По поверью, его тень целый год так же опасна, как и сам колдун. Только огонь мог его обезвредить.

Когда костёр разгорелся, Уа с Волчьей Ноздрёй подняли колдуна под руки и понесли к огню. Тень колдуна тянулась за ним по траве. Она была ещё жива. Она трепетала и шевелилась! Сильным толчком Куолу бросили в самую середину огня и закидали сухим валежником.

После Калли с жаром рассказывал всем: он ясно видел, как тень Куолу вспыхнула, словно сухая трава. Колдун сгорел вместе со своей тенью.

Ветер подхватил дым и понёс его к Великому льду. Охотники кидали в огонь всё новые и новые сучья, и огонь целую ночь взвивался до верхушек елей.

Когда взошло солнце, от колдуна остался один пепел. Пепел бросили в реку, и вода понесла его вниз.

Красные Лисицы и Чернобурые долго сидели вокруг костра.

Встреча гостей

Большой известковый камень торчал из воды. На этом камне стоял Тупу-Тупу с гарпуном.

Тупу-Тупу сам выточил из рога оленя зубчатый наконечник гарпуна. Он делал его, как художник. Оттачивая остриё, он говорил при этом ласковые слова и просил орудие хорошо служить свою службу. Всякая вещь любит, чтобы с ней хорошо обращались.

Может быть, Тупу-Тупу оттого и был лучшим мастером посёлка, что был ласков с вещами. Да, он знал слова и умел их говорить. Оттого и оружие, сделанное его руками, работало на славу.

Вот и теперь... Длинная щука хотела было прошмыгнуть незаметно между двумя камнями, но гарпун Тупу-Тупу молниеносно пригвоздил её к песчаному дну. Щука была тяжела. Тупу-Тупу с трудом поднял её на воздух. Она отчаянно хлопала хвостом и разевала зубастую пасть. Она рвалась и билась, но гарпун знал своё дело: он держал её крепко. Рыба была поймана, и Тупу-Тупу бросил её на берег.

С тех пор как Куолу увёл за собой восемь сильных охотников, Тупу-Тупу почти забросил свою

мастерскую.

Кроме него, оставалось только пять охотников. А в посёлке было ещё немало людей: дети, матери, старики, старухи и больная Каху. Всех их нужно кормить. Все они хотели мяса.

Хромой Тупу-Тупу выбивался из сил. Ходить далеко ему было трудно. Зато он хорошо умел подстерегать зверей у водопоев, мастерил хитрые ловушки на птиц и на зайцев и метко бил рыбу. Правда, старики и старухи не любили её, но всё-таки рыба была сытной пищей.

На этот раз вместе с ним на берегу было двое подростков из посёлка Чернобурых. Звали их Скалту и Туанту. Оба они также держали в руках по гарпуну и подстерегали крупную рыбу.

Вдруг один из них вскрикнул и показал рукой на север. Там, из-за поворота реки, выплывало что-то длинное и большое. Это была целая вереница плотов, и на них виднелись люди. На каждом стояло по два гребца. Они запирались шестами в дно реки и управляли движением неуклюжей флотилии. Плоты несло вниз. Последнее время шли дожди, и вода прибывала. Где-то там, на севере, усиленно таяли ледники, и речные потоки становились полноводнее и быстрее. Начинался осенний паводок, и река тащила

немало стволов, смытых с речных берегов. Из этих плавучих деревьев и были связаны плоты.

Что за люди плыли сюда? Враги или друзья?

Тупу-Тупу вместе с мальчиками спрятался в береговые кусты. Наконец один из мальчиков закричал:

— Калли! Там впереди Калли!

На переднем плоту ясно выделялась богатырская фигура Калли. Понемногу стали узнавать и других. А вот и женщины.

Плоты стали причаливать к берегу. На каждом из них лежали туши убитых зверей. Всё ясно: Куолу возвращается домой. Он везёт пленников, новых жён и добычу: три оленя, две сайги, кабана с оскаленными клыками.

Но где же сам колдун? Его нигде не было видно.

— Где Куолу? — спросил Тупу-Тупу, когда Калли шагнул на прибрежные камни.

Громкий смех был ответом. Веселы были все, кто вернулся. Убежавшие женщины и их мужья не похожи были на пленных.

Начались разговоры. Разом говорили все, смеялись, перебивали друг друга.

Из всех криков Тупу-Тупу только и понял одно: Куолу больше нет! Уа убил его. Пламя костра

съело его вместе с тенью. Бояться некого. Конец всем бедам, конец и страху перед колдуном.

— Скалту! — закричал Тупу-Тупу. — Беги скорей! Скажи всем в посёлке: наши приплыли на плотах. Все вернулись, а Куолу больше нет. Убили его, и тень его сгорела! Беги! Скорее беги! Как ветер!

Мальчики вприпрыжку помчались по крутой береговой тропинке.

Через несколько минут весь посёлок зашевелился, как растревоженный муравейник. Из выходных дыр остроконечных домов один за другим вылезали люди. Женщины, старики, девушки и дети окружили быстроногих гонцов и наперерыв расспрашивали о том, что случилось.

Мальчики показывали на реку, кричали, смеялись и, наконец, повели всю толпу к речному берегу. Дети, как зайцы, понеслись вперёд. За ними следом побежали девушки и матери посёлка. Художник Фао величественно выступал перед кучкой седых стариков. А позади, задыхаясь, торопились старухи. Две из них вели под руки взволнованную Каху. Голова и руки её тряслись, губы шевелились и бормотали привычные заклинания. Она с трудом опиралась на сучковатую палку, и седые пряди её волос извивались от

ветра, как белые змейки.

Когда жители посёлка гурьбой спустились к реке, они застали на берегу весёлую пляску. Быстро двигался танцующий круг. Весело размахивая копьями, приплясывали охотники. Громко кричали Ао, Улла и молоденький Уа.

Но всех веселее, хоть и нескладно, топтался на месте оружейный мастер хромой Тупу-Тупу.

Гнездо колдуна

Три дня праздновали Чернобурые победу над страшным Куолу.

Давно уж не было столько веселья в запуганном колдуном посёлке. Хороводы вокруг костра сменялись играми, игры — песнями и плясками молодёжи. Когда ноги устали от танцев, а горло от крика и песен, из дома охотников вышел Калли. В одной руке держал он боевое копьё, в другой — смолистый факел, пылавший ярким огнём. Это был факел мести. Его зажигали, когда собирались воевать или хотели отплатить за нанесённые обиды.

— Идём разорять гнездо колдуна! Куолу долго издевался над нами. Уводил жён и девушек и у Красных, и у Чернобурых. Колдуна больше нет, а колдунья ещё есть.

— Разорить его гнездо! — закричали охотники и побежали за оружием.

Сборы были недолги. Обид накопилось столько, что большинство мужчин и даже хромой Тупу-Тупу решили идти вымещать их на жене колдуна, на всём его отродье.

Группа охотников осторожно приближалась к

становищу Куолу.

Старшие дочери Изы давно уже обзавелись семьями и целой кучей ребят и поселились в собственных землянках.

Многочисленные жёны колдуна давно уже не помещались в одной землянке. У них также было по целому выводку ребят, и все они кормились данью окрестных охотников.

Остроконечные крыши землянок-шалашей и дымы пылающих очагов охотники заметили ещё от лесной опушки. Вокруг посёлка поднималось несколько высоких жердей. На концах их были надеты черепа зверей. Тут были волчьи головы с оскаленными зубами, толстый медвежий череп, оленьи черепа с огромными рогами. Шкурки лисичек, песцов и куниц были насажены на высокие палки.

Охотники из-за кустов зорко высматривали всё, что происходило в посёлке. Между летними шалашами не было ни души. Можно было подумать, что тут никто не живёт, если бы не столбы серого дымка над кровлями.

А между тем в землянке Куолу, низкой и тёмной, как кротовая нора, жизнь шла обычным порядком.

Во всех углах на разостланных шкурах копоши-

лись дети, подростки и грудные ребята.

Несколько молодых женщин сидели прямо на полу и сшивали крепкими, как струна, сухожилиями, продетыми в костяные иголки, шкурки мелких пушных зверей. Другие мастерили из этого материала одежду, похожую на меховой мешок, с прорезями для рук и головы.

Красивая, молоденькая Ши грустно сидела в стороне.

Она всех тяжелее переносила свою участь. Первое время она день и ночь мечтала о том, как убежит. Но рассказы про жестокость и волшебную силу колдуна лишали её мужества. Ведь от колдуна никуда не уйдёшь. Он всегда настигнет её своим колдовством. Он может мстить на расстоянии. Он оборотень и под видом дикого зверя догонит её везде, куда бы она ни убежала.

Она боялась не только самого Куолу, но и его старшей жены Изы. Другие жёны уверяли, что Иза тоже колдунья и так же умеет насылать порчу и болезни. Легковерные женщины сами поддерживали ужас перед Куолу страшными рассказами о колдунах и колдуньях, их чудесах и могуществе.

Старой колдуньи не было в общей землянке. Она сидела на берегу обрыва и вглядывалась в

даль своими дальнозоркими глазами.

— Так и есть, — шептала она. — Это возвращаются хуммы.

Далеко к северу в поёмных лугах она давно уже заметила вереницу тёмно-бурых точек, которые медленно приближались к реке.

— Возвращаются! — шептала она себе. — Будет! Нагостились! Пора и домой!

И она манила их пальцами, приглашала мохнатое стадо вернуться в свои леса, где для них уже заготовлена большая ловушка.

— Домой! Домой! — повторяла она, подзывая их к себе, и с радостью заметила, как всё стадо не спеша стало спускаться в воду.

В том месте, где находился брод, стадо, очевидно, собиралось перебраться на лесную сторону.

Колдунья поднялась и, колыхаясь своим дородным и жирным телом, пошла к землянке. Но только она успела пролезть в дверную дыру, как из лесу выбежали Чернобурые и с криком окружили землянку.

— Эй, выходите! — кричал Калли. — Колдуна вашего мы сожгли. А то и с вами будет то же самое!

Из летних шалашей, из других землянок стали показываться испуганные женщины, но им

скоро объяснили, что бояться нечего, потому что охотники пришли освободить их из плена и проводить домой.

Старший сын Куолу, силач Уду, хотел было броситься с копьём на Тупу-Тупу, но тяжёлая палица Калли повалила его на землю.

— А где же Иза? — кричал Калли. — Тащите сюда старую колдунью!

Старуху под руки притащили на расправу.

— Мы убили твоего Куолу. И мы не боимся никого. Мы ели сердце хуммы у Великого льда. Теперь нам не страшны твоё колдовство и твои наговоры!

Так кричали Ао и молодой Уа, свирепо размахивая дубинами над её головой.

— Стойте! — пронзительно крикнула Иза, и глаза её хитро прищурились. — Иза пригонит вам целое стадо хуммов. Только не троньте моих волос! Не трогайте моих детей! Не ломайте моего дома! Ступайте мирно домой. И за это я пошлю вам целое стадо хуммов.

— Откуда же ты их возьмёшь? — спросил Тупу-Тупу.

— Положите ваши дубинки. Куолу был великий колдун, он научил меня приманивать зверей и птиц. Скажи, Тупу-Тупу, чтоб они меня не тро-

гали.

— Пригони к нам хуммов, и никто тебя не обидит.

— Ну, положите дубинки! Вот так. Теперь смотрите!

Иза проворно юркнула в свою землянку и через минуту вышла оттуда опять, держа в руках две длинные еловые ветки с пылающими концами.

Приплясывая и приседая, обошла она сперва вокруг землянки, махая дымящимися ветвями над своей головой с каким-то непонятным бормотаньем. Потом она подошла к кучке сухих еловых шишек, наваленных возле жилья, присела перед ними на корточки и стала раскладывать их по земле, всё время приговаривая вполголоса:

— Хуммы! Хуммы! Хуммы!

Выложив длинный ряд из двадцати или тридцати шишек, она подняла над ними тлеющие концы веток.

Колдунья пошептала ещё немного, очень быстро поднялась с земли и стала лицом к положенным шишкам. Тут она стала делать манящие движения обеими руками, как будто подзывая их к себе.

— Ну вот! Теперь идите за мной! — сказала она, кончив свои заклинания.

Она подняла с земли дымящиеся ветки и повела за собой всю толпу присмиревших мстителей. Тропинка шла через кусты и вывела скоро всех к краю обрыва высокого берега.

— Вот! Смотрите сами!

— Ах! — громко вскрикнул Улла, поражённый зрелищем.

По ту сторону Большой реки по низкой равнине заливных лугов прямо с севера двигалось большое стадо мамонтов. Они шли один за другим. Хуммы были ещё далеко, но медленно приближались по той самой тропе, по которой весной уходили отсюда в далёкую тундру.

С высоты крутого нагорного берега можно было ясно различить их спокойные движения. Было видно, что впереди стада на этот раз величаво шагал старый самец с крупными бивнями, раскачивая в стороны толстый хобот. Задним следом шагало ещё несколько взрослых самцов. Дальше виднелась вереница самок, которых можно было узнать по их коротким, менее крупным бивням. Рядом с матерями или позади них поспевали подросшие за лето слонята. За эти месяцы северных кочевий они стали как будто солиднее и уже не резвились так, как это делали весной.

Всё стадо растянулось длинной вереницей, с большими промежутками между отдельными животными. Самые дальние мамонты казались совсем мелкими букашками. Но всё-таки можно было хорошо разглядеть, что на дальнем конце, замыкая шествие, шли самцы.

Охотники были глубоко потрясены успехом колдовских заклинаний Изы. Доказательство их могущества было налицо.

Как можно было теперь сомневаться в чародейном искусстве старой колдуньи?

— О! Она, верно, знает слово, которое знал Куолу, — перешёптывались между собой охотники.

— Видно, что умеет колдовать!

— Хорошо, — сказал Тупу-Тупу, подойдя к Изе. — Теперь мы сами видим, что ты можешь сделать хорошо, если захочешь. Сделай так, чтобы хуммы пришли в наш лес. Мы поймаем хумму в нашу яму и принесём тебе много мяса.

— Хорошо, — сказала Иза. — Я пригоню хуммов в ваш лес. Я пригоню вам и других зверей. Идите мирно домой и не поднимайте дубинок на Изу, на её детей и внуков.

Так неожиданно закончился, к полному благополучию Изы и её посёлка, этот поход мстителей, собиравшихся жестоко расправиться со всем многочисленным потомством ненавистного колдуна.

Женская хитрость колдуньи оказалась сильнее свирепых намерений этих простодушных взрослых детей природы.

Калли вывел из страшной землянки колдуна счастливую Ши, с которой он был разлучён столько дней. Другие освобождённые жёны Куолу также почти все забрали своих детей, чтобы вернуться с ними в посёлок Чернобурых.

Две-три более пожилые женщины предпочли остаться здесь. Они уже давно привыкли и к Изе, и к её посёлку, и менять это привычное жильё на другое у них не было никакой охоты.

Облава

Чернобурые зажили теперь довольной и спокойной жизнью. В окрестностях появились олени. Охотники подстерегали их на переправах и возле речных водопоев. С первым снегом легче было выслеживать и других крупных зверей. Изредка удавалось отбивать от стада туров телят и молодых самок. Каждый день обходили ловушки и волчьи ямы. Этой осенью попало в них несколько косуль.

С холодами в посёлках всё изменилось. Женщины из шалашей перешли в землянки матерей вместе с детьми и подростками. Мужчины проводили много дней на охоте, а когда возвращались, жили в землянке охотников. Вход к матерям теперь разрешался только старикам. Ао, Улла и Волчья Ноздря пришли в становище Красных Лисиц и рассказали своим, что большое стадо хуммов вернулось в свой лес и колдунья подарила его охотникам.

Незадолго до снегопада к Чернобурым пришли гонцы от Красных Лисиц звать их на совместную охоту. Они выследили все тропинки, по которым кочуют хуммы. Ловушка для них давно готова. А

для загона чем больше людей, тем лучше. После охоты — общий пир.

Первый снег — лучшее время для облавы. В назначенный день жители обоих посёлков сошлись на берегу у большого костра и двинулись в лес за Волчьей Ноздрёй и другими разведчиками. Четыре старика тащили на носилках плетёный кузов, обмазанный внутри глиной. В кузове были насыпаны горячие уголья из Родового костра. Старики несли его степенно и шёпотом бормотали колдовские слова.

В лесу было светло и тихо. Ветер давно сорвал с деревьев пожелтевшие листья. Снег устлал землю пухом пороши. Воздух был чист и спокоен. Копытные звери затаились где-то по тёмным чащам. Олени и косули старались поменьше оставлять после себя следов.

Только мамонты и носороги никого не боялись. Они бродили по лесам и топтали тяжёлыми ногами давно пробитые тропы.

В этот день мохнатые хуммы паслись на горелой поляне. Ветви деревьев спускались по опушке до самой земли. Из-под тонкого снежного слоя торчали стебли трав и голые кустарники. Слонята объедали низенькие кусты. Их грузные родители ломали толстые сучья.

Вдруг старый вожак тревожно поднял уши. На другой стороне поляны закурились ряды сизых дымков. Послышался треск загоревшихся сучьев. В одном месте жёлтое пламя охватило высокий куст можжевельника.

Огонь — самое страшное для зверей. Его боятся даже сильные владыки лесов. Лесной пожар — это ужас для всего живого. Хуммы ощетинили гривы горбов и насторожились. Сомнения нет: за огнями скрываются двуногие. Запах их пахучих шкур доносился вместе с туманом огненной гари. Старые хуммы учуяли беду. Они видели, как жёлтые языки огня разгораются полукругом с трёх сторон по краям поляны. Только одна сторона ещё свободна от огней и подозрительных запахов.

Старый вожак издал призывный сигнал и решительно направился к тропинке. За ним потянулась вереница остальных великанов. Дородные слонихи подталкивали хоботами слонят. Сильные самцы замыкали шествие. Сзади слышался гул людских голосов. От зажжённых костров через поляну стали перебегать группы охотников. Они бежали с пылающими смолистыми сучьями.

По дороге они зажигали заранее заготовлен-

ные у опушки кучи валежника. Они двигались по слоновьей тропе вслед за уходящим стадом. Все старались кричать сколько хватает сил и колотили палками по стволам деревьев. Подростки неистово визжали и свистели. В облаве принимали участие взрослые охотники и вся молодёжь обоих селений. С ними вместе шагали и более крепкие старики, и молоденькие бездетные женщины, и девушки-невесты. Даже хромой Тупу-Тупу с азартом подскакивал и ковылял, стараясь не отставать от остальных.

Мохнатый вожак вёл за собой стадо великанов. Он ломал мимоходом мёртвые ветви. Упавшие стволы трещали под его тяжестью. Уши его шевелились. Он слышал сквозь топот шагов своих сородичей крикливый гомон человеческой толпы. Ненавистный запах дыма гнался за ним по пятам.

Всякий раз, как крики и шум становились назойливее, задние хуммы топорщили уши и прибавляли шагу.

Еловый лес кончался и переходил в высокий сосняк. В этом месте было особенно много навалено стволов, опрокинутых ураганом. Кое-где они лежали целыми грудами.

Хуммы проходили между двумя такими груда-

ми деревьев. Вдруг вожак остановился.

Путь был преграждён. Несколько ёлок лежали поперёк одна на другой. Вожак внимательно осмотрелся кругом. Выйти из тупика можно было только направо. Здесь оставался узкий проход. Он вёл на старую, заброшенную тропу, с обеих сторон огороженную жердями.

Слонихи напирали на нерешительного вожака. Задний отряд самцов теснил среднюю часть стада.

В это время свист, крики и глухие удары дубинами по стволам деревьев раздались с новой силой. Толпа приближалась. Запах горящей смолы становился сильнее, и вожак решительно ринулся через проход. За ним хлынули остальные. Здесь начинался уже более редкий сосняк.

Вожак вышел на засыпанную снегом площадку, обнесённую с двух сторон высокой оградой. Но не успел он сделать по ней и двух шагов, как площадка затрещала и рухнула под тяжёлым зверем. С ним вместе полетели вниз жерди, сучья, валежник, еловые лапы, комья снега и шагавший рядом годовалый слонёнок. Упавший мамонт испустил потрясающий рёв. Что-то острое глубоко вонзилось в его внутренности. Он упал так неловко, что задние ноги его ещё не опустились

на землю, а передние подогнулись, и он никак не мог встать на все четыре ноги. Перепуганное стадо разделилось на два потока и с треском ломилось через чащу по обе стороны ловушки. Свист и крики подростков, рычанье мужчин и визг женщин становились всё громче и сильнее пугали огромных зверей. Как бурная лавина, понеслись к берегу Большой реки потерявшие рассудок хуммы, ломая всё на своём пути.

История ловушки

Ловушка, в которую попали большой и малый хуммы, имела длинную историю. Она строилась много лет. Её начали делать ещё деды теперешних Красных Лисиц. Сначала на этом месте была небольшая яма. Это была ловушка на малых зверей. В неё ловились лисицы и росомахи, детёныши косуль, иногда зайцы-беляки. Яма была узкая. Глубина её была не больше человеческого роста. Такие ямы охотники посёлка делали в разных местах. Но это была «счастливая» яма. Охотники вырыли её на звериной тропе в начале оврага. Здесь проходил путь из глубины леса к берегу реки. Грунт был лёгок для рытья. Дождевая вода не застаивалась в яме. Она уходила в овраг сквозь пористую толщу песка. Охотники прикрывали ловушку настилом хвороста и маскировали гнилыми листьями, мхом и лишайником, а зимой — слоем снега.

Не проходило года, чтобы ловушка не дарила посёлку по нескольку пойманных зверей. После каждой поимки ловушку нужно было поправлять и налаживать снова, вынимать осыпавшуюся землю. Песок рыли крепкой и острой палкой,

сгребали в кожаные мешки и подавали их тем, кто стоял наверху.

С каждым годом яма делалась шире и глубже. В неё начали проваливаться взрослые косули, молодые олени, телята туров и бизонов. Летом это случалось реже. Зимой, когда снег покрывал все следы людей и искусственную настилку, ловушка после снегопада работала отлично. Охотники приписывали свои удачи не тому, что хорошо было выбрано место. Они думали, что настоящая причина — искусное заклинание, танцы, бормотанье старух и колдовские рисунки на стволах деревьев. Так верили старые. Так верили и молодые.

Лет тридцать назад в ловушку провалился старый зубр. Он упал вниз головой, а ноги торчали кверху. Ловушка была так узка, что зубр не мог в ней перевернуться. Он дико ревел и бил задними ногами. Края ямы осыпались от ударов копыт. Люди, прибежавшие на рёв, нашли его полузасыпанным песком. Они истыкали его сверху копьями, и зубр издох от потери крови.

С этих пор яму пришлось сильно расширить и углубить. В следующие годы в неё стали попадать взрослые олени, туры и зубры. Один раз провалился гигантский самец лося. Он обвалил рогами

груду песка, встал на дыбы и выпрыгнул из ямы на глазах у охотников. С тех пор яму сделали ещё шире и глубже. Художник Фао, который тогда считался лучшим ловцом, придумал новый приём — вкапывать в дно ямы крепкое копьё. Потом стали ставить туда заострённую жердь, чтобы на неё натыкались звери.

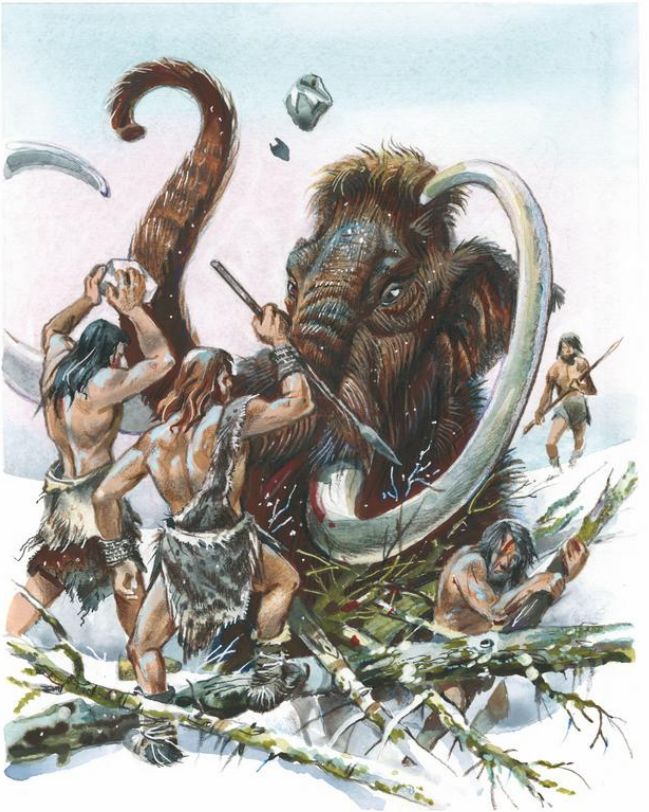
Однажды в ловушку свалился грузный носорог. Как щепку, переломил он еловую жердь. После этого Красные Лисицы притащили целое бревно, срезанное бобрами. Обуглили его конец на огне, остругали кремнёвыми ножами. Это страшное орудие прочно и глубоко вкопали в дно.

Звери чуяли ловушку и обходили её стороной по новой тропе. Но охотники придумали загораживать перед загоном обходную тропу стволами и направлять добычу по старому пути. Три года подряд в ловушку падали молодые хуммы.

Конец Уллы

Вожак ревел и бушевал в яме, как ураган. С трудом удалось ему встать на ноги. Он топтал провалившиеся брёвна. Они ломались под ним, как хрупкие спички. Он швырял хоботом хворост и песок и пытался подняться на дыбы. Огромные дуги его бивней врезались в края ловушки и мешали ему ещё больше, чем острое бревно, пропоровшее ему брюхо. Охотники кричали и визжали кругом, как безумные. Великан был в плену, но и в плену он был ужасен!

В голову зверя летели копья и камни. Пленник яростно трубил, шерсть на его загривке щетинилась, белки глаз наливались кровью.

Уа набрал песку и швырнул в глаза хуммы, но тот зажмурился, и заряд пропал даром. В это время с горстями песку выскочил вперёд Улла. Он взобрался на песчаную кучу, поближе к зверю. Вдруг песок под ним поехал, куча обвалилась, и он неожиданно соскользнул к самому краю ямы.

Огромный хобот чудовища опустился на врага и сбросил его на дно.

Визг женщин прорезал воздух. Охотники отпрянули прочь и на мгновенье замерли от страха. Был слышен только нечеловеческий вопль Уллы. Крик оборвался, когда его рёбра затрещали под тяжёлой стопой мамонта.

Толпа очнулась, и новый взрыв криков, визга и рёва раздался по лесу. В зверя опять полетели копья и камни. Уа сорвал свою сумку, набил её песком и засыпал им морду хуммы.

На этот раз вышло удачнее. Хумма зажмурился и больше не поднимал тяжёлых век. Теперь он только ревел и яростно мотал хоботом.

Старый хумма издох на другой день. Острый кол глубоко врезался ему в брюхо. Слонёнок был задавлен большим.

Несчастный Улла был раздавлен мамонтом.

Быстроногие гонцы примчались звать женщин и детей на пиршество. Балла выслушала весть о

смерти Уллы равнодушно. С тех пор как осенью Улла ушёл, а Балла вернулась в зимнюю землянку, она уже не считала Уллу своим мужем. Она не могла забыть, что Улла оказался боязливее всех и от колдуна её спасли другие. Она всё думала, как Уа, этот смелый мальчик, первым бросился на страшного Куолу, а Улла, её муж, не мог избавиться от заячьей трусости перед колдуном.

Вместе с детьми и стариками во главе с Каху женщины Чернобурых двинулись к ловушке. Это было настоящее переселение, с мешками и домашним скарбом. Возле пойманного хуммы собирались жить прочно и надолго. Еды должно было хватить на много дней. К тому же за это время могла попасться новая добыча. Рядом в овраге были давно уже вырыты охотничьи землянки. Их нужно было только осмотреть и поправить.

Около мамонта выросло временное становище. Оба рода Красных и Чернобурых Лисиц уживались здесь дружно. Они были добрыми соседями и принадлежали к тем родам, которые заключают между собой брачные союзы. Женщины избрали себе из соседнего посёлка мужей, а охотники — жён.

И на этот раз мясо убитого хуммы должно было одинаково насыщать и Красных Лисиц, и Черно-

бурых. Только шкура и бивни пойдут во владение строителей ловушки.

Пир победителей

Перед началом пира встретились две родоначальницы: Ло и Каху. Ло, Мать матерей Красных Лисиц, была могучая, большая старуха. Она на целую голову была выше маленькой Каху. Перед началом пира обе должны были произносить заклинания. Съесть старого хумму — не такая простая вещь. Силён хумма, сильна и его тень. Месть страшного двойника может быть ужасна. Её нужно было заговорить прежде всего. В то время как мужчины возились около слоновьей туши, обе старухи-родоначальницы начали свои заклинания в самой тёплой из землянок, куда их привели матери обоих посёлков.

Посреди землянки ярко горел огонь. Серый дым стелился под потолком и выходил в верхнюю дыру. В землянке было душно, жарко и сыро.

Обе старухи перед пламенем костра наперебой бормотали малопонятные слова. Обе они сидели на разостланных шкурах или стояли на коленях. В низкой землянке дым резал глаза всякому, кто пытался встать во весь рост. На головах у обеих были надеты меховые шапочки. Время от времени они брали пучки рыже-бурых волос хуммы и

бросали их в священное пламя. Кончик хвоста мамонта лежал между ними и огнём. В этом кусочке хвоста — вся сила побеждённого мамонта и его тени, и заклинательные слова, сказанные над ним, должны были обезвредить и все мстительные замыслы тени умершего хуммы. Каху направляла их силой заклинаний на Лесных Ежей, Ло — в сторону враждебных Вурров.

По окончании обряда хвост был сожжён на костре.

Землянка наполнилась удушливой гарью горящего волоса и кожи. Все женщины поспешили накинуть меховые рубахи и вывести очумевших от дыма старух на воздух. Возле ловушки по команде старших матерей начался праздничный пир.

Перед началом пира в неглубокую могилу опустили Уллу и с ним вещи, которыми он владел. В яму положили копьё, кремнёвый нож и палицу. Балла возвратила ему ожерелье, которое он надел на неё весной. Туда же бросили турий рог, из которого он пил, и сумку, с которой ходил на охоту. Затем всунули в руки кусок мяса хуммы, чтобы он не завидовал пирующим. После этого его торопливо засыпали песком, чтобы его тень-двойник не вмешивалась в дела живых.

Как только могила была засыпана, все вздохнули с облегчением. Целый год после похорон Уллы имя его никто не будет произносить вслух, чтобы тень покойника не подумала, что её зовут, и не вышла из могилы. Пусть себе остаётся под землёй и не пугает живых.

Пир начался угощением обеих заклинательниц. Им дали крови и кусочек хобота, чтобы сделать ещё могущественнее силу их заклинаний.

Мужчины спускались в ловушку и выносили оттуда вырезанные куски жирного горба мамонта. Они оделяли салом всех, но прежде всего женщин и детей. Большинство сидели рядом со своими жёнами: Ао — с Кандой, Волчья Ноздря — с Цакку, на подбородке которой по-прежнему сиял перламутровый кружочек. Выросший и возмужавший Уа тоже получил хороший кусок. Он подошёл с ним к Балле, которая сидела в сторонке со своим мальчиком на руках и улыбалась.

Они делили по-братски куски мяса. Балла была голодна и ела с жадностью. Оба смеялись.

Переселение

После той большой облавы, которая дала дружеским родам Красных и Чернобурых Лисиц большого мамонта, растревоженное стадо хуммов ушло от их становища. Бродячие стада северных оленей также стали обходить стороной беспокойное место. Чикчоки никогда не отличались большим умом, но память у них была неплохая. Изумительное оленье чутьё извещало зверей о близости двуногих за много километров, когда ветер тянул со стороны их землянок. То же можно сказать и о турах, косулях и о других копытных.

Даже птиц вблизи становилось всё меньше и меньше. Весенние набеги ребят на их гнёзда и сбор яиц из года в год заметно убавляли густоту птичьего населения.

С каждым годом в посёлках Большой реки жить становилось труднее. Всё чаще жители обоих посёлков ложились спать голодными. Старики заметно слабели. Напрасно старухи бормотали свои заклинания. Напрасно Матери матерей выходили по утрам и манили худыми руками со всех четырёх ветров далёкую упрямую дичь.

Напрасно охотничьи ватаги рыскали по речным берегам в поисках желанной добычи.

Удача всё реже и реже выпадала на их долю. Несмотря на отвращение, старикам приходилось утолять свой голод рыбой. Они протыкали её острой палкой и обжаривали над огнём вместе с кожей и чешуёй.

Совсем расхворалась старая Ло. Сердце её мучительно билось при каждом усилии. Одышка не покидала её. Наконец она велела позвать всех дочерей и старших внучек и объявила: она хочет переселиться в подземные луга. Там её младшие и старейшие родные — те, что уже раньше покинули посёлок. Все выслушали её в полном спокойствии. Скоро весь посёлок был занят приготовлениями к переходу в подземные луга больной матери Ло.

Позади землянки, у самой стены, мужчины вырыли длинную яму: три шага длиной и глубиной около метра. Когда яма была готова, в неё положили олений мех и посыпали зелёной хвоей то место, на которое будет положена Ло.

Женщины наделали берестяных кружек, положили в них немного рыбы, кусочки сырого мяса, ракушек и орехов. Старуху завернули в мягкую шкуру и бережно опустили на дно могилы. Около

стенок ямы расставили берестяную посуду, чашку с водой и разложили украшения — те, что при жизни особенно любила Ло. В ногах в небольшую ямку насыпали горячих углей из большого костра. Дети набрали разных грибов и ягод.

Всё тело Матери матерей посыпали порошком красной охры и заложили могилу толстыми ветками ёлок. Веток накидали так много, что они поднимались над могилой длинным зелёным бугром. Сверху его закидали рыхлой землёй. На этом обряд похорон был закончен. Старая Ло закрыла усталые глаза и уже больше не открывала.

После похорон Матери матерей жители посёлка не захотели больше оставаться в голодной местности. В лучшие меха, висевшие по стенам землянок и лежавшие на полу, женщины завернули весь свой домашний скарб, взяли одежду, берестяную посуду, за спину закинули мешки с грудными детьми. Мужчины вооружились копьями, захватили свои каменные ножи. Четыре старика подняли заранее сделанные неуклюжие носилки, к которым была привязана сплетённая корзинка. Дно её было густо вымазано толстым слоем глины. Из большого костра туда положили горящие угли и дымящиеся головешки, чтобы унести с собой частицу Родового огня.

Скоро всё население посёлка, перейдя реку вброд, длинной вереницей растянулось вдоль низкого речного берега заливных лугов. Впереди шли вооружённые охотники, за ними — старики с Родовым огнём и женщины с детьми, а конец каравана замыкала группа молодых охотников и подростков. Мальчики шныряли по сторонам, разыскивая гнёзда птиц, норы жирных пеструшек, собирали яйца, нелетающих птенцов, догоняли маленьких зайчат, вытаскивали из воды у берегов мелких рыбёшек, двустворчатые ракушки и десятиногих раков.

Много суток шли переселенцы. Шли небольшими переходами, останавливаясь всякий раз, как угольки Родового огня начинали гаснуть. На остановках заново раздували огонь и разжигали большой костёр, чтобы накормить умирающее пламя сухими сучьями и вновь двинуться дальше.

В расстоянии одного дня пути за ними следом шла другая вереница людей. Это был род Чернобурых Лисиц. Они также решили переселяться вместе с дружественным родом. И те и другие пробирались туда, где надеялись отыскать более привольные для охоты места с нераспуганной крупной дичью.

Через месяц оба рода свернули в долину большого притока. А ещё через месяц и те и другие уже вырыли себе землянки на крутом берегу, под корнями многовековых деревьев.

Устроив свои незатейливые полуподземные хижины, оба рода зажили на новом месте такой же беспокойной охотничьей жизнью, какую они вели и на прежних, опустошённых ими берегах.

Посёлок на озере

Часть первая
Уоми

Старая кабаниха мирно лежала на дне лесного оврага, в ручье, среди дюжины своих поросят. Вдруг она почуяла запах врага. Она вскочила и с громким хрюканьем кинулась вниз по течению. Кабанята с визгом помчались за ней. В воздухе свистнула стрела, и один, отстав, неистово закружился на месте. Из-за ствола, опрокинутого бурей, выпрыгнул стройный охотник. В несколько прыжков он очутился над раненым зверем. Кабанёнок попытался бежать, но передние ноги его подломились, и он бессильно уткнулся рыльцем в землю.

Под левой лопаткой его торчала стрела, глубоко вонзившаяся в тело.

Охотник бросился на колени. Одной рукой притиснул кабанёнка к земле, а другой начал осторожно выкручивать стрелу из раны.

Кабанёнок забился сильнее; тогда охотник вынул из-за ремённого пояса тяжёлый чёрный камень, острый с одного конца и тупой с другого, насаженный на дубовую рукоятку и тщательно

отшлифованный со всех сторон. Ударом в лоб охотник оглушил кабанёнка, и тот замер на месте, вытянув задние ноги. Охотник присел на корточки, погладил рукой жертву и зашептал:

— Не сердись, сын кабанихи! Не Уоми убил тебя. Ударил чужой ловец. Пришёл из дальних землянок, откуда восходит солнце. Пусть туда летит твоя тень. Спи, сын кабанихи. Пусть твоё дыхание летит к Кабаньему Старику. Скажи: приказывает ему Уоми. Будь здоров, Большой Кабан. Посылай всегда для Уоми много кабанят. Уоми пойдёт на охоту, скажет спасибо Старшему Кабану.

Пока Уоми говорил, последние судороги кабанёнка затихли. Уоми ещё раз погладил его, поднялся и обошёл вокруг бездыханного тела.

— А теперь отдай Уоми твою душу. Пусть сила твоя перейдёт в мою силу, твоё тепло в моё тепло, твоя жизнь прибавится к моей жизни.

Охотник поднял кабанёнка и припал губами к его ране.

Потом Уоми положил кабанёнка на землю, вынул из-за пояса кремнёвый нож, вделанный в деревянную рукоятку, привычным движением выпотрошил и освежевал тушу.

Уоми был голоден. Наскоро ополоснув в ручье руки, он снял ножом задний окорочок и креп-

кими, как у волка, зубами захватил край сырого мяса. Острым кремнёвым лезвием ловко обрезал кусок перед самыми губами и жадно начал разжёвывать нежное, молодое мясо.

Проглотив один кусок, он хотел было приняться за другой, как вдруг какая-то мысль заставила его остановиться. Он внимательно осмотрелся кругом.

Так и есть! Это овраг Дабу. Четыре зимы прошло с тех пор, как он был здесь последний раз.

Уоми и Дабу

Уоми быстро провёл рукой по волосам и стал заворачивать окорочок в снятую с поросёнка шкуру. Туда же вложил он вырезанные сердце и лёгкие. Припрятал остальное мясо под куст орешника, прикрыл всё это несколькими пучками травы и решительно зашагал туда, где с каменистого уступа, булькая, стекал ручеёк.

Уоми взобрался на уступ и неподвижно замер на месте.

Здесь овраг расширялся в круглую котловину, окружённую лесом.

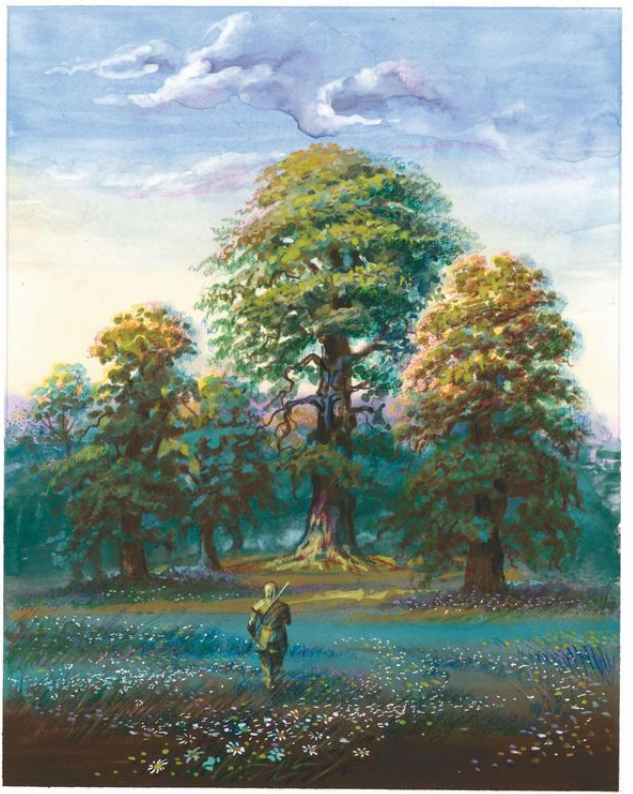
Со всех сторон поднимались стеной деревья. Посередине рос громадный дуб. Корявый ствол его, покрытый странными наростами, поражал своей чудовищной толщиной. Девять взрослых мужчин, взявшись за руки, вряд ли могли бы заключить его в свои объятия.

Окружающие деревья были также изрядных размеров и весьма почтенного возраста. Их ветви раскидывались широко над землёй. Но и среди этих лесных великанов центральный дуб казался настоящим гигантом. Его кудрявая голова высоко поднималась над лесом.

Огромные нижние ветви тёмным шатром покрывали землю и нагибались концами чуть не до самой земли. Два толстых сука были безлистны и напоминали мощные, широко распростёртые руки с растопыренными пальцами.

Между ними выше человеческого роста виднелось чёрное дупло удивительной формы. Оно было похоже на разинутый рот, окружённый толстыми губами.

Выше дупла — две чёрные ямы, искусно выдолбленные и выжженные огнём. Над каждой из них виднелось по большому уродливому наросту в виде насупленных бровей. Всё это делало нижнюю, толстую часть ствола похожей на какой-то чудовищный лик с разинутой пастью и чёрными, наводящими ужас глазами.

Это был старый Дабу — священное дерево, природный идол окрестных поселенцев. Его нижние ветви были увешаны приношениями почитателей. Тут висели шкурки горностаев, выдр, белок и бобров, а также глиняные фигурки каких-то зверей. Это были дары охотников после счастливой охоты или предварительные подарки, которыми они хотели задобрить могущественного хозяина леса.

Тут и там виднелись засохшие венки — приношения молодых девушек-невест. Были здесь и длинные гирлянды желудей; их приносили женщины, молящие об облегчении родов.

Уоми с детства было знакомо чувство необъяснимого трепета, которое охватывало его при виде Священного Дуба. Так бывало всякий раз, когда мать вместе с другими матерями посёлка приводила его на поклонение Великому Дабу.

Под густой тенью гигантского шатра из ветвей ещё таинственней казался пахнущий лесной гнилью сырой полумрак оврага.

Как только Уоми вступил в эту тень, в нём разом всколыхнулись детские, почти забытые страхи. Сердце его ёкнуло по-ребячьи, когда на него глянули, как живые, глубокие зрачки идола из-под нависших корявых бровей. Уоми робко

положил приношение на корни дуба и упал ничком на землю. Он охватил ладонями голову, зажмурился и долго лежал, прижимая лицо к сухим, прошлогодним листьям.

Вдруг старый Дабу тихо шевельнул концами ветвей. В этом шелесте листьев Уоми почудился таинственный шёпот живой души. Уоми вскочил, радостно протянул вперёд загорелые руки и заговорил:

— Великий Дабу, Старик Стариков, Хозяин лесных деревьев, Прадед Прадедов нашего рода! К тебе пришёл Уоми. Родные связали его. Они думали, что он рождён от Злого Лесовика. Родные кинули в челнок Уоми и пустили вниз по реке. Река понесла его. Льдины крутились. Уоми узнал, что они злые. Они толкали челнок и хотели его утопить. Они влезали друг на друга. Дни прошли. Ночи прошли. Уоми не умер. Не ел, не пил, только кричал. Душа твоя услыхала. Она сказала Реке, и Река послушалась. Далеко-далеко она вынесла его на луг и там оставила. Люди нашли Уоми. Они развязали ему руки и ноги. Люди накормили его. Четыре зимы и четыре лета Уоми жил и охотился с ними… и вот он вернулся. Возьми лучшую часть от его первой добычи. Ешь, Дабу, и помни об Уоми!

Уоми бросил мясо в раскрытую пасть идола. Потом он вынул из шкурки сердце кабана, выдавил из него на ладонь пригоршню липкой крови и, приподнявшись на выступ коры, обмазал губы идола. Сердце он бросил в дупло:

— Пей, Дабу! Посылай Уоми большую охоту. Дай Уоми скорее вернуться домой…

Тихий шелест снова пробежал по листьям.

«Добрый ответ», — подумал Уоми.

Вдруг в глубине дупла что-то зашевелилось. Уоми отпрянул назад. И тут случилось то, что навсегда врезалось в его память.

Из дупла, не торопясь, вылез огромный филин. Он уселся на нижней губе идола. В когтях у него было зажато кабанье сердце, из которого сочилась кровь.

На глазах онемевшего от изумления Уоми филин рвал клювом мясо и с какой-то странной важностью проглатывал кусок за куском.

Когда птица съела всё, жёлтые глаза её, не мигая, уставились на Уоми.

Душа Священного Дуба

«Душа Священного Дуба!» От этой мысли трепет охватил Уоми.

Так вот она какая!

«Ну да, конечно, — думал Уоми, — Дабу хочет ему показать, что он принимает его жертву. Сам Дабу в образе филина вкушал пищу, принесённую Уоми. Дабу к нему благосклонен. Он поможет Уоми».

Уоми был потрясён. Он упал на колени и протянул руки к таинственной птице.

— Дабу, Дабу! — зашептал он. — Отец лесных дубов! Защитник нашего посёлка! Добрый покровитель Уоми!

Филин взмахнул крыльями и скрылся в чаще. Большое рыжеватое перо сорвалось и упало к ногам охотника.

В каком-то оцепенении вглядывался Уоми в тёмную глубину дупла. Там ничего не было видно.

Уоми поднялся, схватил выпавшее перо, спрятал его на груди, отёр ладонью вспотевший лоб и вдруг бросился бежать вниз по оврагу, прочь от Священного Дуба. Он бежал до того самого места, где убил кабанёнка. Тут Уоми наскоро подобрал оставленное оружие и добычу и торопливо стал спускаться по течению ручья.

В лесу быстро стало темнеть. Кусты орешника и ольхи по берегам ручья мелькали, как ночные

тени, причудливые и неясные.

Уоми вздохнул с облегчением, когда овраг наконец вывел его к реке.

Перед ним развернулась спокойная водная гладь, а за нею — вольный простор заливных лугов.

Луга раскинулись по ту сторону, на широкой низине левого берега. А на этой стороне, под высокой кручей у самой воды, терпеливо дожидалась его спрятанная в тальнике лодка.

От реки пахнуло сыростью, и Уоми торопливо принялся разводить костёр.

Куча сухих ветвей была заготовлена ещё до охоты. Он смахнул пепел, накидал сухой травы и тонких сучков и стал раздувать чуть тлеющие головешки. Скоро весёлый огонёк запрыгал над ними, высовывая вверх жёлтые языки. Уоми бросил поверх целый ворох толстых ветвей, уселся поближе к огню и глубоко задумался, подперев ладонями щёки.

О чём думал Уоми?

Уоми был строен и юн. Когда он откидывал назад длинные пряди светлых волос, из-под них показывался высокий лоб без единой морщинки. Правильный, с лёгкой горбинкой нос и резко очерченные губы делали его красивым, несмотря на слегка выступающие скулы.

О чём думал Уоми, следя глазами за быстро взлетающими искрами огня?

Он всё ещё размышлял о душе Священного Дуба. Думал о том, что будет, когда он вернётся домой. Жива ли Гунда, его мать? Как примут его родные? Что скажет Мандру, старший старик посёлка? Ведь это он первый сказал:

— Уоми рождён от Злого Лесовика.

В памяти его вставал с необычайной ясностью тот страшный день, когда его, связанного, кинули в лодку. Солнце, белые облака, покатый берег, толпа его родичей с лицами, искажёнными страхом, и впереди суровый старик с длинной седой бородой.

Как глухо звучал его голос, когда он наклонился над лодкой:

— Плыви, Уоми! Мы отдаём тебя Реке. Коли ты от Злого Лесовика, она утопит тебя, коли от Доброго Духа, она тебя не тронет.

Старик столкнул чёлн. Река подхватила его и понесла среди льдин. Родичи следили за ним глазами. Мать, охватив ладонями лицо, заливалась слезами.

Когда челнок столкнули в воду, она закричала громче, чем голосят по умершим. В ушах Уоми отдавались её вопли. Льдины ворочали и качали его лодку. Временами он видел, как мать, растрёпанная, бежит по берегу, ломает худые руки.

Ветер доносил до его ушей её крики. Он слышал, как мать жалобно молила душу Великой Реки:

— Река, спаси Уоми! Вынеси его на песок. Отдай его назад, Река!

Ветер трепал пряди её волос.

Река относила лодку всё дальше и дальше. Боковая струя тащила её на середину. Она несла её с такой быстротой, что мать стала отставать. На одном из поворотов Уоми увидел её в последний раз. Она всё ещё бежала, но вдруг споткнулась и упала на траву. Течение унесло лодку за выступы лесистого берега, и Уоми остался один, окружённый бешеным потоком. Льдины толкали челнок. Они хотели его опрокинуть…

Уоми с трудом очнулся от этих мыслей. Он почувствовал голод, нарезал несколько кусков мяса, испёк их на горячих углях и с наслаждением поел.

Потом он набросал в огонь сухих сучьев и сверху целую груду сырых, покрытых листьями веток. Серый дым густым облаком окутал Уоми. Чем больше дыма, тем лучше защита от комаров. Уоми положил около себя оружие, лёг на землю и тут же, в дыму костра, уснул крепким, молодым сном.

Чего было ему бояться?

Огонь — Сын Огнива и Трута — охраняет его. Ушастый филин — душа Священного Дуба — летает по лесу, чтобы посмотреть, не крадётся ли где лихой человек или хищный зверь. Сам Великий Дабу там, в глубоком овраге, ворожит ему и оберегает его сон от лесных страхов и ночных нападений.

Двадцать два года назад

Длинная нить удивительных и странных событий, повлиявших на жизнь Уоми, завязалась в жаркий, солнечный день ровно двадцать два года тому назад.

В этот день за оградой укреплённого посёлка на Рыбном Озере творилось что-то необыкновенное.

Женщины, молодые и пожилые и девушки-

невесты, седые старухи и девочки-подростки, густым кольцом окружали сплетённый из ветвей маленький шалаш, стоявший посередине посёлка. Мужчин не было видно.

Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Они и в обычное время все до одного днём отправлялись на рыбную ловлю.

Но старики послабее и мальчики отроческого

возраста обычно оставались.

На этот раз не видно было ни мальчиков, ни стариков.

Только седой, как белая сова, Мандру, старик над всеми стариками племени Ку-Пио-Су, оставался один в своём высоком, закутанном шкурами доме.

Две старухи прислуживали ему, поддерживали огонь в очаге. На угольях грелся большой глиняный горшок, налитый до краёв водой. Выход был завешен мехами, а снаружи заставлен ветвями деревьев.

Все остальные женщины посёлка вели себя в высшей степени странно. Они сидели вокруг зелёного шалаша с длинными прутьями в руках. То одна, то другая из них поднималась с земли и махала прутьями. Казалось, что они отгоняют кого-то от шалаша. Особенно усердно хлестали прутьями две старухи, стоявшие перед входом.

Время от времени из глубины шалаша доносились женские вопли.

Тогда все женщины вскакивали с оглушительным визгом и гримасами ужаса на лицах.

Неистовый вой женской толпы далеко разносился по озеру, но он вдруг замолкал, как по команде, когда старуха поднимала над головой

ладони. Тогда все молодые девушки во всю силу своих голосов вскрикивали разом магическое слово:

— Дабу!

Мгновение все напряжённо прислушивались, пока со стороны высокого лесистого берега озера не долетало ответное эхо:

«Дабу!..»

Все успокаивались и снова садились около входа.

Посёлок стоял на небольшом островке, ближе к берегу, покрытому липовым лесом. Покатые склоны островка были укреплены глыбами известняка.

Длинные мостки на вбитых в озёрное дно сваях соединяли островок с берегом озера.

И тут можно было заметить одну странность: мостки посередине были разобраны. Так делали островитяне только на ночь или когда ожидали вражеского нападения.

От какого же врага спасали себя жители посёлка?

На лесистом берегу, у самой воды, расположился боевой лагерь. Горели костры. Мужчины и мальчики-подростки сидели вокруг. Мальчики держали в руках палки, мужчины — копья, луки,

пращи, каменные топоры и палицы.

Когда с островка доносились пронзительные вопли женщин, мужчины пускали в сторону леса несколько стрел, иные метали камни из ремённых пращей.

Тотчас мальчики бросались разыскивать упавшие стрелы и торопливо возвращались с ними обратно.

Эта стрельба по невидимой цели возобновлялась снова и снова всякий раз, когда крики на островке опять усиливались.

Только один смуглый коренастый мужчина не принимал участия в этих упражнениях. Он молча сидел в стороне, низко опустив голову и охватив заросшие щёки руками.

Это был Суэго — лучший охотник во всей округе и самый сильный среди мужчин Ку-Пио-Су.

Прошло ещё некоторое время. Наконец маленькая горбатая старуха подошла к низкой ограде посёлка и поманила оттуда рукой.

Люди на берегу засуетились. Часть их сбежала к воде и начала сталкивать в воду челноки-долблёнки. Четверо сильных мужчин взошли на мостки и стали накладывать на перекладину свайных устоев снятые с них жерди. Они старательно переплели их концы гибкими ветками

и только после этого перешли по ним на другую половину мостков. Вслед за ними гурьбой повалили дети, дожидавшиеся на берегу. Когда они уже перебежали исправленное место, медленно поднялся Суэго, тряхнул головой и не спеша зашагал через мост. То, что произошло, не шутя взбудоражило всё население посёлка. Молоденькая Гунда, жена Суэго, родила близнецов, а это, по мнению людей её племени, означало несомненное вмешательство невидимых сил.

Неясно было пока только одно: были ли эти невидимые силы враждебными для всего посёлка Ку-Пио-Су?

Близнецы

Миновало три дня. Гунда лежала с детьми на меховой подстилке и ждала мужа. Он первый из мужчин должен был увидеть сыновей. Тот, которого надо было считать старшим, лежал у неё с правой стороны, младший — с левой.

Но Суэго всё не приходил.

Одиночество томило Гунду. Не раз ей хотелось плакать. Чтобы не скучать, она принималась вспоминать прошлое.

Суэго взял её из соседнего рыбацкого посёлка

Ку-Они. Она хорошо помнит, как десять молодых парней из Ку-Пио-Су вдруг выскочили из кустов, когда пять девушек Ку-Они спустились к реке за водой. Девушки с визгом бросились бежать, но ни одной не удалось ускользнуть. Сильные руки Суэго схватили её как клещами. Он вскинул её на плечо с такой лёгкостью, как будто она была не тяжелее зайца. Суэго быстро сбежал к кустам тальника, за которыми ждали их челноки. Тут её и других девушек бросили на дно лодок, и через миг похитители уже гребли вниз по течению. Чтобы девушки не могли спрыгнуть в воду, им спутали руки и ноги.

Девушки пронзительно визжали. В Ку-Они поднялась страшная тревога. Мужчины Ку-Они, вооружившись чем попало, уже бежали к реке и стали спускать в воду лодки. Началась погоня. Но пришельцы ходко гнали шестами свои долблёнки. Попутное течение помогало им.

На каждой лодке было двое гребцов: один на корме, другой на носу. Они мастерски управлялись длинными шестами, с силой упираясь ими в речное дно, и скоро преследователи остались далеко позади.

Гунда отлично помнила, как лодки свернули в проток, соединявший реку с Рыбным Озером,

помнила, как они причалили к укреплённым камнями берегам островка. По правде сказать, погоня не очень торопилась. Похищение невест было делом обыкновенным, нисколько не нарушавшим дружбы между отдельными селениями, если только похитители давали приличный выкуп. Все увозили девушек друг у друга. Нередко браки заключались через мирное сватовство. Но всё же похищение невест считалось более почётным делом. Похищение и погоня были только формой. Похитители честно и щедро расплачивались, поторговавшись сначала относительно размеров выкупа.

Потом обе стороны пировали три дня. Преследователи становились гостями, похитители — радушными хозяевами.

Гунда полюбила Суэго. Он был самым удалым и смелым охотником посёлка. Он был также искусным мастером каменных орудий, отличным полировщиком каменных топоров и ножей, метким стрелком из пращи.

И вот прошли уже запретные трое суток, а муж всё ещё не собирался взглянуть на двоих сыновей, которых она ему подарила…

Вдруг полог шалаша заколебался, и через узкий проход протиснулась широкая мужская фигура.

Но это был не Суэго.

В седом, обросшем волосами старце Гунда узнала Мандру.

Позади него стояли две горбатые старухи и теснились другие женщины Ку-Пио-Су.

Гунда вздрогнула от неожиданности. Сердце её сжалось от какого-то жуткого предчувствия.

Мандру отступил назад. Он пристально взглянул на молодую женщину. Потом перевёл взгляд на двух близнецов, затем снова на Гунду.

— Кто младший? — спросил он её.

Гунда молча указала пальцем.

— Гунда, — сказал Мандру, — твой младший рождён от Невидимого. Он — Уоми! Если от доброго, — хорошо. И тебе, и всему Ку-Пио-Су. Если от злого, — его бросят в реку, когда придёт половодье. Пусть вода унесёт его далеко!

Больше ничего не сказал Мандру.

Детство Уоми

С первых же дней Уоми рос отмеченный странной тайной.

Старшие члены семьи поглядывали на него почти с боязнью. То, что он не простой ребёнок, об этом знали все. Такова была вера всего племени.

Младший из близнецов рождён от одного из Невидимых. Невидимых много. Одни из них — тени умерших, другие — души вещей или их таинственные хозяева. Таков хозяин реки — Водяной, хозяин озера — Озёрный. В лугах живёт другой Невидимый — Луговик, ветреное существо, перелетающее с ветром из конца в конец. Зимой он поднимает снежные метели, в солнечные осенние дни забавляется сверкающими паутинками и заставляет их плавно летать над лугами. Третьи — это хозяева диких зверей. Каждое звериное племя — лоси и зубры, медведи и кабаны, волки и лисицы — имеет своих хозяев-стариков.

Рождён ли Уоми, сын Гунды, от доброго или от злого Невидимого? Вот вопрос, который тревожил каждого жителя посёлка Ку-Пио-Су. Мандру ещё не сказал своего решающего слова, и эта неизвестность пугала и томила всех. Когда мальчик подрос, он слышал, как матери останавливали своих детей:

— Не тронь его: он Уоми. Его отец — Невидимый. Обидишь — Невидимый узнает и сделает худо.

Старшего близнеца, Тэкту, звали часто просто «братом Уоми». Оба они были схожи лицом, но Тэкту был коренастее и ниже ростом.

Мальчики Ку-Пио-Су рано выучивались ремёслам и занятиям взрослых. На рыбную ловлю старшие брали их с собой. Они учили их владеть зазубренным костяным гарпуном и метко вонзать его в спину крупной рыбы. Вместе со старшими ставили они рыболовные сети, перегораживая заливчики озера. Ребята учились высекать из кремня искры и раздувать огонь.

Уоми быстро постигал все приёмы искусных мастеров, отбивальщиков кремня и полировщиков камня.

К пятнадцати годам он был уже рослым и сильным юношей, ловким гребцом, отличным стрелком из лука.

К этому времени все как-то стали забывать, что над Уоми тяготеет роковое подозрение.

Забывали все, но не Мандру.

Мандру был стар. Никто в Ку-Пио-Су не мог бы сказать, сколько ему лет. За последние годы он только сгорбился и стал как будто меньше ростом.

Ни память, ни сообразительность не покидали его. Сыновья его уже давно поседели, а Мандру всё ещё жил и оставался главой охотников.

В тёплый и ясный день Мандру любил посидеть и погреться на солнышке. Сутулый и неподвиж-

ный, молча следил он выцветшими глазами за беготнёй детей и за снующими вокруг островка челноками.

И всякий раз, когда мимо пробегали сыновья Гунды, он пристально глядел на них, и бледные губы его начинали шевелиться.

Уоми беспокоил его.

Мальчик всем нравился, а сны, которые видел Мандру, говорили другое. По ним выходило, что с этим потомком Невидимого связана опасность для всего Ку-Пио-Су.

Как-то, в конце зимы, Мандру проснулся в большой тревоге. Ему приснился тяжёлый сон. Старик с трудом приподнялся и свесил ноги с земляных нар, покрытых лосиными шкурами. Он сидел на них, худой, сгорбленный. Острые ключицы углами выпирали из-под кожи. Старик тяжело дышал, открывал рот, словно сом, вынутый из воды, и растирал ладонью костлявую грудь против сердца.

Наконец он слегка отдышался, но тревога в его глазах ещё не проходила.

Ему снилось: полночь застала его в лесу. Он торопится выйти, но кусты мешают ему. И вдруг будто бы кто-то сзади схватывает его, валит на землю и начинает душить. Он знает: это Уоми,

а позади какой-то громадный, с ёлку, старик. Мохнатый, словно медведь. Старик скалит зубы и приговаривает:

«Души его, сынок! Души насмерть!»

Долго сидел Мандру на постели и гладил худую шею. Ему казалось, что он ещё чувствует на ней чьи-то пальцы.

Вечером Мандру созвал совет. Старики сели вокруг очага и стали слушать.

— Отец Уоми — Лесовик, — начал Мандру. — Ночью приходил ко мне. Велел сыну душить меня.

Старики ахнули.

— Злой. Мохнатый. Хуже медведя. И пахнет, как медведь… Старики ахали хором.

— Нельзя верить этому сыну Гунды. Он Уоми. Рождён от Злого Лесовика. Вырастет — будет от него худо! — скрипел Мандру.

— Убить надо, — сказал огромный Пижму.

— Убить волчонка! — послышались ещё два или три сердитых воз-гласа.

— Нельзя убить! — крикнул Мандру и с сердцем стукнул кулаком по нарам. — Пальцем нельзя тронуть! Обижать нельзя. Узнает Лесовик — худо будет. До смерти худо!..

— Разве можно родного убивать? — раздался

из угла звонкий, почти женский голос. — Уоми — кровь наша. Родная кровь. Жить хочет, нельзя убивать!

Все оглянулись на маленького старичка, стоявшего у самого входа. Он был сед, как беляк. Маленькое личико ярко розовело из-под белых кудрей. Щёки раскраснелись, как рябина, но глаза, подёрнутые мутной пеленой, глядели неподвижно поверх голов. Левая рука его опиралась на высокий посох, а правая была протянута вперёд, как будто трогала воздух.

Это был слепой Ходжа, рассказчик, сказочник, лучший певец посёлка. Ослеп он от болезни глаз, но колоссальная его память, звонкий голос и музыкальное чутьё остались при нём по-прежнему.

Ни один праздник в посёлке не проходил без его участия. Он сказывал старинные сказы про древних богатырей, удачников-охотников, про первую родоначальницу Ку-Пио-Су — Орру, про дружеские и враждебные встречи с жителями леса. Мрак объял его глаза, но любимой его былиной был сказ про светлых братьев — солнце и месяц, про то, как они вместе ходили искать себе невесту. Старые и малые любили Ходжу, улыбались, когда он попадался навстречу.

— Нельзя убивать! Неладно будет. Не дам его

убивать! — кричал Ходжа, ударяя посохом о землю.

— Стой, Ходжа! — сказал Мандру, и лицо его прояснилось. — Мандру не даст убивать. А ты иди лучше к себе. Ступай, ступай! Не мешай! Иди, разговаривай со своим озером!

Ходжа замолчал, кротко улыбнулся, повернулся к выходу и послушно побрёл к берегу, постукивая палкой и бормоча под нос не понятные никому речи.

После его ухода некоторое время все сидели в молчании.

Сам Мандру задумчиво загляделся на огоньки очага.

— Как же быть? — заговорил наконец Пижму.

— Приказывай! Что велишь делать?

Старики ждали, что скажет Мандру, но Мандру был нем. Только губы его шевелились, точно задуманные в сердце слова не выходили наружу. Наконец Мандру заговорил:

— Придёт весна, побегут ручьи-потоки. Загремит лёд. Понесёт Уоми Река. Выбрать надо лучшую лодку. Положить оружие, лук, стрелы, палицу, горшок с водой и хорошей рыбы. Утром возьмите сонного. Свяжите ремнями, принесите в лодку, и пусть плывёт. Угодно будет Реке — себе

возьмёт. Её воля. Не угодно — выкинет на берег.

Мандру опять закрыл глаза и больше не сказал ни слова. Голова его стала склоняться. Он лёг боком на медвежью шкуру и стал дышать тем ровным дыханьем, которым дышат спящие.

Старики поднялись и тихонько, один за другим, согнувшись, стали вылезать через низкий выход наружу.

В том году снега было много. Люди Ку-Пио-Су, опасаясь разлива, переселились с острова в береговые землянки.

Когда лёд на реке начал трескаться, старики пошли к челнокам, которые были вытащены на берег. Выбрали самую лучшую лодку и стали её готовить к отправке.

Всё было сделано, как говорил Мандру. Лодку снарядили, как снаряжают для покойника, отправляя его в страну теней.

Всё делалось молча, и никто, кроме стариков, не знал, кто собирается в путь.

С вечера река прорвалась в озеро, бывшее когда-то связанным с её руслом, и взломала лёд. К утру озеро превратилось уже в длинный речной рукав, по которому, кружась, проплывали льдины.

На рассвете в землянку, где ютилась семья Суэго и Гунды, пришли старики и связали Уоми. Ему велели лежать смирно, потом позвали мужчин и приказали нести его в лодку.

Гунда с плачем бежала за ним. Всё население посёлка густой гурьбой спустилось к берегу. Уоми положили в лодку и долго ждали, пока придёт Мандру. После прощальных слов главы охотников челнок спихнули в воду, и бурная река понесла его.

Так начались странные приключения этого мальчика из Ку-Пио-Су.

Прошло четыре года с тех пор, как Уоми уплыл с весенним половодьем. Понемногу люди стали считать его умершим и, как это всегда бывает, начали его забывать.

Не забывала о нём никогда только одна Гунда. Уоми часто снился ей по ночам. Она просыпалась, чувствуя его тёпленькое тельце у своей груди. Видела его младенцем, который только что начал ходить, и резвым мальчиком, купающимся на белой отмели вместе с другими ребятами, и охотником, который стреляет из лука.

Много времени прошло с тех пор. Суэго умер. Его задрала медведица. Дети подрастали. Старый Мандру стал ещё старее.

Дни пролетали за днями, а Гунда всё ждала.

В то самое утро, когда Уоми ещё спал там, на берегу, у костра, Гунда на рассвете вышла на южный конец островка, чтобы взглянуть в дальнюю озёрную гладь.

Она делала это почти каждый день.

Ей всё казалось, что вот-вот из-за изгиба кустистого берега вдруг покажется его челнок.

Она ждала Уоми и в это утро. Губы её, как всегда, повторяли его имя.

Тропою зубров

Уоми встал, как только начало пригревать солнце.

Свежая роса ещё блестела на траве. Уоми скинул одежду, сбежал с берега и, поднимая брызги, бросился в воду.

Купанье освежило Уоми. Он почувствовал новый прилив сил. Одно желанье охватило его всего: скорее, скорее увидеть мать и родной посёлок!

Он быстро собрал пожитки и хотел уже столкнуть в воду долблёнку, как вдруг новая мысль его остановила.

Река в этом месте была очень извилиста. Она

делала тут несколько больших петель. Понадобилось бы около двух суток пути, чтобы добраться рекой до Ку-Пио-Су.

Уоми рвался домой и решил идти туда сухим путём, прямо через лес.

Он спрятал челнок в густые кусты ивняка, подложил под него багор и весло и быстро поднялся на кручу лесного берега. У края оврага, по которому он спускался вчера, он нашёл знакомую с детства тропинку.

Тропинку эту пробили зубры ещё в незапамятные времена. Ею пользовались и другие лесные звери. По ней можно было выйти к ручью, который выбегал к озеру как раз против посёлка.

Уоми быстро зашагал по тропинке зубров. Сначала почти бежал, перепрыгивая через поваленные деревья. В одном месте он вдруг заслышал рядом громкий треск сучьев. Это шарахнулись в сторону лоси с лосятами, и Уоми успел заметить, как тёмно-бурые спины зверей мелькнули и исчезли в чаще.

Немного позднее, когда он перебирался через выжженную молнией поляну, из зелёной листвы опушки вдруг выглянула огромная, широколобая голова. Тёмная борода свисала вниз, короткие кривые рога выглядывали из волнистой шерсти

по бокам тяжёлого черепа.

Великан шагнул вперёд и остановился. Он уставился свирепыми глазами на тонкую фигуру человека, осмелившегося стать на его пути. Зубр

стоял без всякого страха. Уоми увидел, как белки его глаз начали наливаться кровью. Копытом передней ноги горбатый бык взметнул кверху сухую землю.

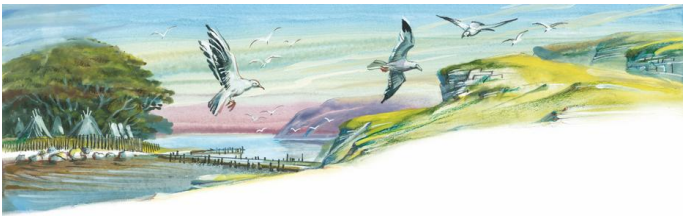
— Не сердись, Рогатый Хозяин! — сказал Уоми. — Уоми пропустит тебя. Он не тронет ни тебя, ни твоих детей. Не загораживай ему дорогу!

Охотник отошёл в сторону, не спуская глаз с мохнатого великана.

Зубр подождал и, фыркнув, зашагал вперёд привычной дорогой.

Следом за ним показалась вереница зубриц с телятами. Сзади замыкал шествие крупный и, должно быть, очень старый зубр. Он был ещё мохнатее первого. Одним глазом он только покосился слегка на неподвижно стоявшего человека.

Когда затихли шаги зверей, Уоми вернулся на тропинку и, затаив дыхание, стал прислушиваться к шорохам леса.

Всё было тихо. Ветер не шевелил ни ветвей, ни листвы. Только выводок певчих дроздов тревожно перелетал по кустам, вспугнутый стадом рогатых чудовищ, да зелёный дятел с писком сорвался с древесного ствола и исчез в гуще деревьев.

Встреча

После полудня Уоми вышел из-за кустистой опушки на обрыв высокого берега. Дух у него захватило.

У его ног, там внизу, развернулась светлая гладь

родного озера, его родина, колыбель его детства, щедрая кормилица его родного посёлка.

Озеро широкой голубой лентой изогнулось в виде подковы. Концы его терялись где-то далеко за выступами берегов.

С озера доносились голоса птиц. Громко кричали чайки и кружили стаями над самой водой. Вереницами летали утки. Звонко пищали кулики.

Но глаза Уоми только скользнули по этому простору. Укреплённый островок Ку-Пио-Су — вот что приковало его взоры.

Как и четыре года назад, дымок серыми струйками выбегал из остроконечных кровель, разбросанных по всей длине островка. Только к старым прибавилась ещё одна.

Уоми из осторожности решил спуститься в овраг, чтобы потом сразу добежать до мостков, раньше чем его заметят жители островка.

Но не успел он сделать нескольких шагов к краю оврага, как перед ним выросли две стройные фигуры: голубоглазая девушка в короткой шубке и молодой охотник, одетый в лосиную шкуру.

— Кто это? — послышался тревожный оклик.

— Я. Уоми, — раздался ответ.

В тот же миг охотник упал на колени и в ужасе протянул перед собой руки:

— Уоми? Душа Уоми или его тень? Ты пришёл наказать нас? Уоми! Уоми! Не убивай брата твоего, Тэкту. Вот сестра твоя, Ная. Не убивай нас!

Его побелевшие губы дрожали.

— Я не тень! Я живой. Сам Уоми. Вернулся домой, чтобы жить. Тэкту, брат, не бойся! Я живой…

Через миг оба брата и сестра уже крепко сцепились руками и закидывали друг друга вопросами, на которые едва успевали отвечать. А ещё через час, держась за руки, они уже бежали через мостки к посёлку. Ная и Тэкту громко звали родных прийти и посмотреть.

— Уоми вернулся! Совсем вернулся! Живой и невредимый! Сам Дабу, отец всех дубов, помогает ему!

Разбуженные криком собаки подняли неистовый лай. Кричали и визжали дети. Со всех концов озера к островку уже поворачивали носы своих челноков встревоженные криком рыбаки. Женщины и девушки торопливо вылезали из низких входов хижин. Некоторые уже бежали навстречу, впереди всех мчалась полуодетая Гунда, и светло-русые пряди её волос развевались за ней, подхваченные ветром.

— Уоми! Уоми! — кричала Гунда, и, едва только они столкнулись на прибрежном песке, она упала к его ногам и, как в бреду, стала гладить ладонями исцарапанные колючками его колени.

Что было с Уоми в чужой земле

Когда Мандру услышал, что пришёл Уоми, он изменился в лице, долго сидел, согнувшись, на нарах и держался рукой за грудь.

Старик не захотел или не смог выйти к вернувшемуся изгнаннику. И в то время как Уоми рассказывал родным о своих приключениях, Мандру сидел зажмурившись. Можно было подумать, что он спит.

Наконец он открыл глаза. В хижине не было ни души. От мала до велика все ушли послушать Уоми.

Мандру позвал женщин. Никто не откликался. Старик хотел встать, но слабые ноги не слушались. Мандру тяжело вздохнул и, кряхтя, повалился на постель. Он прислушивался к голосам, которые смутно до него доносились.

Уоми рассказывал о годах, проведённых у чужих людей, о том, как они живут, как едят, как одеваются, о чёрной смерти, которая в одно лето унесла почти половину жителей их посёлка.

Четыре года прожил Уоми у этих людей. Они научили его многому, чего не знал никто из жителей Ку-Пио-Су, даже сам Мандру. Они научили его

делать кремнёвую пилу, снаряд, которым можно пилить и дерево, и камень; научили ставить ловушки на птиц и зверей. Они искусно мастерят деревянные пращи для метания камней; не такие пращи, какие в Ку-Пио-Су, а гораздо лучшие. Камень из такой пращи летит далеко и метко. Вместе с ними Уоми защищал посёлок от бродячих лесных людей. Бродячие напали на посёлок, когда там мало оставалось мужчин. Лесные люди уже начали одолевать. Тогда Уоми забежал в одну землянку, накинул на себя медвежью шкуру с медвежьей головой и с рёвом бросился из хижины на врагов. Тем померещилось, что это сам Медвежий Хозяин, и они в ужасе побежали в лес. Тут подоспели бывшие на охоте мужчины и общими силами отогнали бродячих.

В другой раз ему удалось спасти их самого старшего деда. Дикий кабан повалил его, а Уоми пробил копьём сердце бешеному зверю.

За это все полюбили Уоми и стали считать его своим.

Жить у них было хорошо и сытно. Прошло четыре года; Уоми стосковался. Ему стали сниться мать Гунда, озеро, посёлок Ку-Пио-Су. Мать звала его домой, и ему так захотелось увидеть всё родное, что он не выдержал — в одно летнее утро

сказал старикам:

«Хочу домой! Мать зовёт Уоми. Каждую ночь зовёт».

Старики покачали головами и сказали:

«Мать зовёт — идти надо. Мать надо слушать!»

Это были добрые люди. Они говорили:

«Мы тебя не держим. Иди!»

В это время громкое всхлипыванье послышалось из толпы. Это плакала Гунда. Все оглянулись.

— Это правда. Я каждую ночь звала Уоми, — сказала она.

Уоми улыбнулся, тряхнул волосами и продолжал свой рассказ:

— Старик, которого Уоми спас, дал ему волшебный нож, какого ещё никто не видал в Ку-Пио-Су. Он сказал: «У кого этот нож, тому никто не страшен. Нож не простой. Его привезли чужие люди. Он блестит, как огонь. Он спасёт тебя от всякой беды. Никто не посмеет тебя обидеть».

— Покажи, — раздались голоса любопытных.

— Покажу, — сказал Уоми, — но раньше пусть увидит его Мандру.

Так говорил Уоми.

Он стоял на ровной площадке, усыпанной раковинами и рыбьими костями, как раз перед домом,

где жила Гунда.

Сюда собрались все люди посёлка. Впереди сидели дети и слепец Ходжа. Дальше на корточках разместились старики. Женщины присели на коленях; за ними стояли мужчины. Девушки кучей столпились немного поодаль, а рядом с Уоми, не спуская с него глаз, стояла Гунда и голубоглазая Ная. Самым удивительным из всего, что говорил Уоми, был рассказ о том, как Уоми ходил к самому Дабу и как душа Дабу явилась в образе филина.

— Знайте, — сказал Уоми, — отец Уоми — сам Дабу. Он принял мою жертву. Филин ел мясо, которое Уоми ему принёс. Он дал мне перо, чтобы все знали: Уоми — сын Дабу.

Уоми вынул из-за пазухи большое полосатое перо из крыла ночной птицы и поднял его над головой.

Послышались крики удивления. Только слепые глаза старого Ходжи глядели куда-то в небо, а левое ухо его было повёрнуто к Уоми. Он всё ещё хотел слушать и слушать.

Посёлок Ку-Пио-Су был покорён. Все с восторгом глядели на Уоми. Вернувшийся сын Гунды казался героем, овеянным необычайной тайной.

Все хотели увидеть скорее волшебный нож и всей толпой повели Уоми к хижине Мандру.

Один Ходжа-слепец остался на прибрежном песке. Лицо его сияло; он, казалось, не замечал внезапно наступившей тишины.

В хижине Мандру

Хижина Мандру была самой большой в посёлке. Она была похожа на конус, глубоко врытый в землю.

Чтобы проникнуть в этот дом, надо было пройти через узкий коридор. Точнее, не пройти, а пролезть ползком, потому что вход был низок.

Пол хижины был по крайней мере на целый метр ниже уровня почвы. Земля, выброшенная при углублении пола, окружала хижину высоким валом. Этот вал составлял как бы основание постройки. В него упирались нижние концы длинных жердей, поддерживавших тростниковую обшивку кровли; на неё сверху был наложен для тепла слой сшитых звериных шкур.

Старики первые вошли в хижину. За ними следом — мужчины и несколько женщин.

В хижине было темно. Огонь на очаге почти затух, и только несколько красноватых углей тлели, полузасыпанные пеплом. Дымовая дыра наверху была единственным окном, пропускав-

шим сюда лучи света.

Когда глаза Уоми привыкли к полумраку, он увидел перед собой худого, белого как лунь старика, который молча уставился на него выцветшими глазами.

Кто-то успел подбросить на очаг сухой хвои и сосновых сучьев. Вспыхнувшее пламя осветило хижину.

Хижина была велика.

Её основанием был правильный круг с поперечником в двадцать шагов. Земляные стены были закрыты прочным плетнём, укреплённым на кольях. По стенам кольцом шли низкие и широкие земляные нары, покрытые шкурами лосей, волков и других зверей. На нарах можно было сидеть, как на скамье, и лежать головой к стене, вытянувшись во весь рост. Кольцо нар прерывалось только у входа. Здесь стояли два толстых ствола, подпиравших кровлю. Другие два — против входа. Ещё по столбу было врыто на правой и на левой стороне.

Два глиняных горшка стояли по сторонам входа. Они были высотой почти в половину человеческого роста. В них женщины сливали воду, которую носили с реки берестяными ведёрками.

Уоми, впрочем, не интересовался этой хоро-

шо знакомой ему обстановкой. Он видел перед собой старика, главного виновника его долгого изгнания.

— Говори, — сказал Мандру, протянув вперёд бледную, костлявую руку. — Где был? Зачем вернулся?

— Был далеко, — сказал Уоми. — Вернулся жить дома.

— Рассказывай, — приказал старик.

И Уоми должен был повторить ещё раз то, что случилось с ним на чужбине.

— Слушай, Мандру! — закончил Уоми и сделал несколько шагов вперёд. Он подошёл к огню, и только очаг отделял его от старика. — Уоми жил у чужих. Они спасли его. Они поили и кормили Уоми. Они согрели, когда он замерзал. Они давали всё, что ему было нужно, А Уоми всё не забывал про Рыбное Озеро. Он тосковал о матери, которая его вскормила. Тогда Уоми задумал вернуться. Чужие дали ему лодку и оружие и отпустили его. Они хотели, чтобы Уоми взял в жёны лучшую девушку. Но Уоми хотел вернуться, и тогда их старший дал вот этот нож.

Уоми вдруг вынул из-за пазухи острый и длинный предмет, блеснувший в его руках. Это был бронзовый нож, в отточенном острие которого

отражалось пламя.

Уоми продолжал:

— Старик дал мне его и сказал: «Возьми! Этот нож не простой. Его сделали люди, которые живут далеко. Его променял гость за двадцать куниц и за медвежью шкуру. У кого этот нож, тот никого не боится. Этот нож подобен грому. Кому он пронзит сердце, тот умирает».

Уоми взмахнул кинжалом, показывая, как будет поражать врага.

И все увидели, что Мандру смертельно побледнел. Все бывшие в хижине разом затихли и, сдерживая дыхание, ждали, что будет.

— Четыре года Уоми жил у чужих, — сказал Уоми. — Четыре года плакала о нём его мать. Но Уоми не забыл ни озера, ни родного посёлка. Старики Ку-Пио-Су отдали Уоми Реке, чтобы она утопила его. Но Уоми живёт и стал сильнее, чем прежде, Мандру сказал: Уоми — сын Злого Лесовика. А Уоми говорит: это не так, Уоми был у самого Дабу и видел его душу. Она была похожа на филина. Она ела мясо, которое Уоми принёс. Она открыла ему правду: не злой Невидимый был отцом Уоми, а сам Дабу, отец всех дубов… И вот, гляди, дед: филин дал Уоми своё перо и сказал: «Покажи его Мандру! Пусть он знает, что Уоми — сын Дабу».

Мандру поднялся, опираясь на крючковатую палку, и в глазах его отразился неподдельный ужас.

Некоторое время он молча глядел на Уоми, шевеля тихо губами, и, как будто сделав над собой неимоверное усилие, промолвил:

— Живи! — Потом опустился на нары и прибавил: — Сын Дабу!..

Пир

В посёлке Ку-Пио-Су пировали. Пир продолжался до наступления ночи и до вечера следующего дня. День возвращения Уоми, как нарочно, ознаменовался великолепным уловом. Рыбаки доставили в своих челноках несметное множество щук, карпов и стерлядок, а мужчины из хижины Сайму приволокли из лесу убитую косулю. Пищи было вдоволь, и это веселило сердца. Все радовались также, что Уоми признал сам старший старик. Все повторяли последние слова Мандру.

Если действительно Уоми — сын Дабу, отца дубов и дружеского покровителя Ку-Пио-Су, то всякие страхи, из-за которых был изгнан Уоми, потеряли силу.

Кроме обжаренного на вертеле мяса и рыбы, испечённой на угольях, на пиру можно было видеть груды ракушек, которые ели сырыми. Пищу запивали не только водой. Женщины вынесли

горшки с напитками, которые варились из сока давленых ягод: черешен, вишен и малины. Их подсахаривали пчелиным мёдом. Перебродив, они делались хмельными и веселили сердце.

Понемногу начались игры и пляски. Играла не только молодёжь, но и те старики, ноги которых были ещё достаточно крепки. Героем праздника был Уоми.

Уоми ходил между пирующими. Голова у него кружилась. Но когда ему подносили турий рог, наполненный до краёв варёным мёдом, он не отказывался и охотно опрокидывал его в рот.

Всё громче звучали песни. Мотивы их были однообразны и монотонны.

Танцоры прохаживались, прихрамывали и приседали. Они делали всё это, прихлопывая в такт в ладоши, и подпрыгивали через каждые три шага.

Пляски разом прекратились, когда от одного из костров послышались ритмические звуки бубна.

Слепец Ходжа барабанил пальцами по этому старейшему в мире музыкальному инструменту.

Бубен был сделан из туго натянутой на обруч собачьей шкуры и издавал глухие, но волнующие сердца слушателей звуки.

Ходжа запевал новое сказанье. Это был сказ

о приключениях Уоми, о его необыкновенном рождении, о тайном совете старцев, об изгнании и бедствиях Уоми, о его жизни и подвигах на чужой стороне, о его славном возвращении под покровительством Великого Дабу.

Сон

Однажды Уоми приснилось, будто он идёт по берегу и слышит голос:

«Ищи меня, Уоми! Зачем меня бросил?»

Уоми знает, что это зовёт челнок.

Уоми помнит, как прятал его в кусты, но где именно — он забыл. Все кусты похожи друг на друга.

То там, то здесь раздаётся загадочный голос:

«Я здесь! Ищи меня!»

Уоми идёт дальше и дальше. Вот он заглядывает под куст ивняка, но там сидит только маленькая лягушка и таращит выпуклые золотые глаза.

Уоми идёт к следующему кусту, но и там лягушка, только побольше.

И опять голос, опять надо бежать к тому кусту, из которого он раздаётся. На этот раз вместо лодки находит он совсем большую лягушку, ростом с его сестрёнку Наю. Лягушка квакает и машет

лапкой.

И вот наконец перед ним огромный кудрявый куст. Уоми заглядывает под ветки: долблёнка действительно тут. Но что за чудо: в ней сидит голубоглазая девушка в белой шубке, вышитой чёрными хвостиками горностаев! Девушка заплетает волосы, и с головы её падают восемь косиц, светлых, как солома. Уоми смотрит на её румяные щёки, и ему делается досадно, что девушка на него даже не смотрит.

«Зачем ты здесь, в челноке? — спрашивает Уоми. — Откуда пришла?»

Девушка вдруг начинает смеяться.

«Я дочь Невидимого, — говорит она. — Мой отец — хозяин Большой Воды».

«Он живёт в нашем Озере?» — спрашивает Уоми.

Девушка смеётся:

«Ты видел лягушек? Это мои тётки. Вот, слушай: как самая маленькая из них передо мной, так ваше Озеро перед Большой Водой. Там живёт мой отец. А я живу на берегу, в посёлке».

«А где же эта Большая Вода?»

Девушка опять смеётся:

«Садись в челнок и греби! Греби день и ночь. Умрёт одна луна и ещё другая. Тогда увидишь

Большую Воду. Оттуда осенью летят лебеди и гуси».

«Как тебя зовут?»

Девушка встаёт на край челнока и сходит на землю.

«Пойдём!» — говорит она, берёт его за руку и заглядывает в глаза.

Уоми чувствует, как голова его начинает кружиться, словно от медовой браги.

Она ведёт его за руку на край берега и усаживает так, что на его ноги набегает волна.

Девушка сбрасывает шубку и остаётся в одной безрукавке из рыбьей кожи. Эта одежда светится, как водяная зыбь, и отливает перламутровым блеском. Вся она покрыта крупной рыбьей чешуёй и скорлупками ракушек.

«Отец зовёт меня Каплей. Водяные сёстры — Рыбкой. Людское имя у меня не такое. Узнаешь у Большой Воды».

Она сходит в воду и моет его ноги. И опять лукаво заглядывает ему в глаза:

«Так делают девушки тем, кого любят».

Уоми опять чувствует, как что-то горячее заливает его грудь. Он хочет поймать незнакомку, но руки хватают дым. Клочок тумана взлетает над его головой. Девушка исчезает, и как будто

издали до него доносится девичий голос:

«Разве ты не видишь? Я только дыхание. Моё тело там, у Большой Воды, а дыхание здесь».

«Я боюсь, — говорит Уоми. — Зачем ты ко мне прилетала?»

«Не бойся! Капля давно знает Уоми, она видела его, когда льдины хотели его утопить. Это она вытащила на берег лодку».

«Где же ты? Отчего тебя не видно?»

«Ищи меня, Уоми! Ищи у Большой Воды!..»

Пробуждение

Уоми проснулся. Солнце било ему в глаза.

— Капля! Капля! — бормотал он. — Разве такие бывают?

Он оглядывался кругом, протирая глаза. Тут он заметил, что под голову ему подоткнута меховая шуба матери, а сама мать стоит на коленях и льёт из берестяного ведра воду на его голые ступни. Другое такое же ведёрко, пустое, стоит тут же, рядом.

— Мать! А где же она?

— Кто она? Ты про кого? — спрашивает Гунда, улыбаясь.

— Она! Другая! Девушка! — Уоми вскочил и

начал озираться: — Она была тут. Она вымыла мои ноги.

— Гунда вымыла их, — сказала мать.

Уоми провёл по лицу ладонью.

— Ты вымыла? — удивился он. — Ты?.. Ну и она тоже! Она тоже мыла. Мать, знаешь, это кто? Это Капля! Она живёт у Большой Воды.

— Кто она?

— Она дочь хозяина Большой Воды. Сама сказала.

— Тебе приснилось, Уоми.

— Ну да! Она была тут… нет, там. Мы были там, на берегу. Это было её дыхание. Она зовёт меня!

Гунда нахмурилась.

— Уоми! — сказала она. — Берегись! Она злая. Выпьет твою кровь.

— Нет, она добрая! Она пожалела меня. Меня связали старики и пустили по реке, а она спасла меня и вытянула лодку на берег. Сама сказала.

Лицо Гунды немного посветлело, но она всё ещё хмурилась.

— Боюсь, — тихо прошептала она.

— Не бойся! Уоми её отыщет. Уоми приведёт её к тебе.

— Откуда?

— Там! — сказал Уоми и ткнул пальцем на север. — Откуда осенью летят лебеди и гуси.

Гунда задумалась.

— Подожди! — сказала она. — Теперь уже скоро осень. Никто не ищет невест в конце лета. Весной, когда сойдёт вода, тогда будешь искать.

Уоми сел на большой камень у входа и задумался.

Задумалась и Гунда. Она смотрела в ту сторону, куда показал Уоми, и на глазах её блеснули слёзы. Сердце её сжималось, тревога и страх охватили её. Для Гунды девушка, которая приснилась её сыну, была настоящей, живой девушкой, которая собирается отнять у неё любимого сына.

Утро в хижине Гунды

— Уоми, есть рыба!

Тэкту стоял у входа в хижину и ждал. Ещё ранним утром съездил он на тот берег, где в маленьком заливчике поставил свои сети. Рыбы он привёз много и теперь приглашал брата отведать его добычи.

Хижина, где жила семья Гунды, была немного меньше, чем у Мандру. В ней жил, кроме детей Гунды, ещё дед Аза — старик с длинной седой бородой.

Посередине дымил очаг — площадка, обложенная кругом серыми плитами известняка.

У очага стоял вкопанный в землю обрубок с грубо выточенной человечьей головой. Это был домашний идол, покровитель дома, в котором обитала душа давно умершей прабабушки Орру.

На голове божка можно было заметить две ямки, изображающие глаза, немного кривой нос, плотно стиснутые губы. Рук и ног ему не полагалось. Он просто был вколочен в землю, стоял прямо, глядел всегда серьёзно и даже сердито на обедающих.

Несколько готовых к обжигу горшков сохли под самым потолком, надетые на концы воткнутых в стену сучков.

Дрова на костре уже сгорели. На очаге оставалась груда тлеющего жара. Рядом, в плетёной корзине, шевелилась недавно принесённая живая рыба.

Обедающие выбирали то, что по вкусу, и кидали прямо на пылающие угли.

Рыба билась, подскакивала и снова падала в огненное пекло. Щуки, лещи, окуни и стерлядки, упавши на бок, быстро поджаривались с одной стороны, в то время как другая оставалась ещё сырой. Длинными палочками сидящие у костра переворачивали их на другой бок. Когда обе стороны рыбы вместе с кожей и чешуёй обугливались дочерна, её вынимали и ели, счистив обгорелые места.

— Садись, — сказал дед Аза, когда Уоми, согнувшись, вошёл в хижину.

Брови у старика нависали над самыми глазами, и потому, может быть, он казался более суровым, чем был на самом деле.

Есть Уоми не хотелось, но приглашения деда ослушаться было нельзя. Он сбросил меховую безрукавку и сел обедать.

— Ная, — сказал Аза, — сбегай к слепцу Ходже, отнеси ему осетра. У нас сегодня много, а у него нет.

Ная схватила из корзины тяжёлую рыбу и вихрем помчалась к Ходже.

Все кончили есть, стали расходиться.

Дед завалился спать тут же, недалеко от костра, а Тэкту и Уоми, накинув одежду, вышли из дома, с наслаждением вдыхая свежий озёрный воздух.

Челнок

Карась сидел на дубовой колодке и долбил её долотом. Карасём его звали за то, что спина его выгибалась горбом, и этот горб с каждым годом становился всё круче.

Несмотря на горб и на свои годы, Карась был замечательно крепок и упорен в работе. Особенной силой отличались его руки. Ремесло оружейника и постоянные упражнения сделали их такими.

С детства Карась был искусным отбивальщиком камня. Никто во всём посёлке не умел придать такой гладкой, правильной и красивой формы своим изделиям, как Карась.

В мастерской его всё было налажено так, чтобы работать было удобно. Посередине лежал большой гладкий валун, который служил ему сиденьем. Перед ним помещался другой валун, немного поменьше, служивший наковальней.

На нём Карась разбивал кремнёвые желваки и обтёсывал камни других пород. Справа находился огромный точильный камень, на котором мастер обтачивал и полировал кремни. Тут же было несколько точильных брусков из крепкого песчаника и два — из слюдистого гнейса, для обтачивания и полировки самых острых наконечников. Слева был вкопан в землю большой глиняный горшок, украшенный рядами точек.

Горшок имел не плоское, а круглое дно и потому мог стоять только в вырытой для него ямке. В нём всегда была вода. Она нужна была и для смачивания точильного камня и для утоления жажды мастеров, проливавших немало пота на этой тяжёлой работе. Тут же, у горшка, были насыпаны две кучки песка: в одной — более крупный песок для грубой полировки, в другой — песок самый тонкий. Он был нужен для окончательного наведения глянца на каменное изделие.

— Хо-хо, Уоми! — крикнул Карась, увидев Уоми, задумчиво шагавшего мимо него к берегу. — Иди помогать старому Карасю.

— Что делаешь? — спросил Уоми.

— У тебя есть глаза? Пусть они тебе скажут.

— Ого! Лодка уже совсем готова?

— Нет.

— Уоми будет помогать! Уоми умеет долбить дерево.

Карась дал ему каменное долото и деревянный молот, и оба они дружно принялись за работу. Они ставили наискось кремнёвое долото и отрывистым ударом отбивали крошечный кусочек дерева.

— Давно стал делать? — спросил Уоми.

— С той луны, как Мандру спихнул тебя в воду.

И между ударами камня, в минуты отдыха, не спеша, старый Карась передал ему удивительную историю новой лодки.

То самое половодье, которое четыре года назад унесло из посёлка челнок Уоми, сделало посёлку Ку-Пио-Су ценный подарок. Вода принесла к островку большой дуб. Он обрушился где-то в реку вместе с подмытой глыбой берега.

Карась пришёл к старикам и сказал:

— Отдайте дуб Карасю.

— Почему? — сердито спросил Пижму.

— Пижму знает: когда старики пустили по реке Уоми, они приготовили для него лучшую лодку. Они взяли её у Карася. Теперь у него остался только плохой челнок. На нём нельзя выходить в озеро в ветер. Отдайте Карасю дуб. Он сделает из него челнок.

— Пусть возьмёт, — сказал Мандру, и старики присудили дуб Карасю.

С той поры Карась вместе с сыновьями начал мастерить долблёнку. Это была трудная работа. Дуб — крепкое дерево, и долбить его нелегко.

Прежде всего нужно было отделить для чёлна прямую и толстую часть ствола.

Как сделать это без металлического топора или пилы?

Люди Ку-Пио-Су умели взяться за дело. Они облупили со ствола ещё сырую кору, отмерили длину в двенадцать шагов. Карась задумал сделать ладью длиннее всех самых больших челноков посёлка.

У самых корней в начале ствола под лежащим деревом разложили костёр из сухих веток. Тут будет корма лодки.

Другой костёр разложили под тем местом, где будет её передний конец.

Огонь развели умеренный, чтобы не сжечь всё дерево. Он понемногу делал своё дело. Ствол постепенно обугливался и начинал медленно тлеть. Искусство состояло в том, чтобы дерево тлело только в указанных местах. Когда огонь слишком разгорался, дерево обливали водой, чтобы пламя не могло охватить его целиком. Залив

огонь, оббивали мотыгами обугленные части и на следующий день принимались снова за ту же работу. Нужна была большая опытность, чтобы пережечь дерево поперёк и не спалить его.

Карась хорошо знал своё ремесло.

Не торопясь, но и не теряя времени даром, он принялся делать каменные бойла. Это были тяжёлые и прочные орудия, похожие по форме на кирку.

Бойло выбивалось из крепкого и длинного камня. Оно было широкое посередине и заострённое по концам. В средней, толстой части нужно было высверлить отверстие для рукоятки.

Кроме бойл, в мастерской Карася оттачивались прочные каменные долота и тяжёлые топоры — словом, всё, что было нужно для постройки долблёнки.

Прошло всё лето и первая половина осени, пока дубовый ствол был наконец окончательно пережжён в двух местах и громадная колода отделилась от корней и верхней части дерева.

Остаток сухого осеннего времени был потрачен на то, чтобы откатить колоду подальше от воды.

Тут начались холодные осенние дожди. Их сменили ранние морозы. Снега завалили колоду, и зимой Карась сделал для лодки только вёсла.

Весной опять началась упорная работа. Сначала нужно было корявой и толстой колоде придать форму стройного человека. На это ушло всё лето и тёплое время осени. На третий год началось самое долбление лодки. Каждый день после рыбной ловли приходили Карась и его сыновья выколупывать по крошкам каменным долотом и киркой древесину колоды. В третье лето она стала похожа на неуклюжее корыто. Борты были ещё очень толсты. Это всё ещё была не лодка, а долблёная тяжёлая колода. Её нужно было сделать лёгкой и ёмкой. В четвёртое лето началась окончательная отделка. Шаг за шагом стенки становились тоньше. Снимался один слой дерева за другим.

— Работай со мной, — сказал Карась Уоми. — Рука Уоми — рука Дабу! Помогай Карасю. Понадобится Уоми большая лодка, Уоми возьмёт и поедет куда захочет.

Так был заключён договор между самым искусным лодочником Ку-Пио-Су и молодым Уоми, сыном Гунды и Великого Дабу.

Пижму и Мандру

Посёлок Ку-Пио-Су зажил обычной жизнью.

Всех деловитее были женщины и дети. С раннего утра они спешили к озеру и набирали воду в глиняные горшки или берестяную посуду. Другие перебирались по мосткам на лесной берег, чтобы наломать и взвалить на спину вязанки сучьев.

На всех очагах старшие матери раздували огонь, и из дымовых дыр над крышами поднимались серые струйки дыма.

Мужчины разъехались на челноках, забрав с собой сети, рыболовные крючки, гарпуны и другие снасти. Перед каждым домом можно было видеть стариков, греющихся на солнце.

Некоторые из них работали: вязали сети, мастерили разные поделки из берёсты и лыка. Иные просто сидели так, задумавшись, сгибая сутулые спины. И как им было не думать!

Вернулся Уоми, тот самый, которого четыре года назад на общем совете они присудили к изгнанию из родного посёлка. Вернулся в расцвете сил, крепкий, счастливый и красивый. У него за пазухой волшебное перо филина, подарок самого Дабу. У него волшебный кинжал, который делает его непобедимым.

Что, если он не забыл зло, которое ему причинили? Что, если он замышляет жестокую месть и она вдруг обрушится на седые головы стариков, виновных в его изгнании?

Мрачные мысли приходили старому Пижму. Ведь это он тогда на совете требовал смерти Уоми. Как защитить себя от будущей мести? Как бороться с человеком, которому помогает сама Река и душа Священного Дуба?

Пижму сердито посматривал в ту сторону, откуда доносилось постукиванье кремней. Там Уоми

и Карась долбили дубовую колоду.

— У-у, горбатый! Погоди, покажет он тебе… — ворчал Пижму.

Ему не нравилось, что Карась сдружился с молодым Уоми. Пижму видел, как Уоми поманил кого-то рукой, и к лодке подошёл его брат Тэкту с тремя старшими сыновьями толстой Дамму.

Скоро вся четвёрка молодых людей присоединилась к работающим, и дружное постукиванье кремней стало перемежаться с громкими возгласами и взрывами весёлого смеха.

Пижму сердито отвернулся. Наконец он не выдержал и, кряхтя, поплёлся узнать, что думает об этом Мандру.

В просторной хижине было сумрачно и тихо.

Постоянные жители её, особенно молодёжь, старались вообще поменьше попадаться на глаза старику. Его всё раздражало. Он не выносил громких разговоров. Игры и возня ребят возбуждали его гнев. После встречи с Уоми старик почти не разговаривал. Утром манил старшую дочь, седую Онду, и произносил только одно слово:

— Пить!..

Есть Мандру почти перестал.

Каждую ночь старухи просыпались от глухого и жалобного крика, который раздавался в хижине.

При тусклом свете тлеющих углей было видно, как старик с усилием поднимается и спускает ноги с меховой подстилки, растирает рукою шею и голую грудь и дышит тяжело и часто. Онда подавала ему воды. Старик делал глоток и шептал:

— Душит! Совсем хочет задушить…

Он показывал пальцем на голову, а старуха, зачерпнув ладонью из глиняного горшка, мочила шапку его седых волос.

Когда Пижму, покряхтывая, вошёл в хижину, Мандру сидел, поджав ноги, на постели. Пижму тихо уселся у очага и уставился глазами в пол.

Проходили минуты за минутами в полном безмолвии. Наконец старуха отошла и сказала:

— Не ест ничего! Спит плохо. Всё стонет. — Потом прибавила, махнув рукой на старика: — Боится Уоми.

Пижму взглянул на сгорбившегося старика.

— Душит меня. Каждую ночь душит. Берёт вот так, — Мандру показал на горло, — и душит…

— Приходит к тебе? — с тревогой спросил Пижму.

— Каждую ночь! И раньше приходил. Когда далеко был — и то приходил. Только редко. А теперь — каждую ночь.

Пижму молчал.

— Убить хочет! Зол на меня. И глаза как у волка.

— Что же делать с ним?

Мандру только махнул рукой. И долго сидели они, придавленные бременем лет и жуткой темнотой рождённых больными снами суеверий. Наконец Пижму поднялся, сел на оленью подстилку к Мандру и, загородив сбоку губы ладонью, зашептал в самое ухо:

— Убить надо…

Мандру сморщился, как от зубной боли:

— Нельзя убить: нож у него заговорённый.

Пижму опять хрипло зашептал на ухо:

— Сонного! Сонный не услышит.

— А перо? Услышит… Дабу всё слышит…

Старики опять замолчали. Тихо потрескивали дрова в очаге. Догорали на нём последние сучья. Серым пеплом покрывались угасшие угли.

— Погубит он нас! — тяжело вздохнул Мандру.

Пижму вздрогнул, и лицо его стало багровым.

— Сжечь его! — глухо заворчал он. — Живым сжечь! Чтобы и тени не осталось!..

Мандру опять махнул рукой и вдруг неожиданно громко закричал своим надтреснутым голосом:

— Стариков всех погубит! Половину народа изведёт в Ку-Пио-Су!

Это были последние слова, которые сказал Мандру. На другое утро его нашли мёртвым, лежащим у самого очага с прижатыми к сердцу руками.

* * *

Смерть Мандру была страшным потрясением для всего племени Ку-Пио-Су.

Это была смерть старого вождя всех охотников.

В посёлке Ку-Пио-Су мужчины имели своего старшину, которого они смолоду привыкали слушаться. Привычка эта сплачивала и поддерживала дисциплину. А дисциплина была им необходима, чтобы отстаивать жизнь среди тысячи опасностей от всяких врагов, и четвероногих, и двуногих.

Смерть старейшины колебала привычный порядок, и место прежнего вождя скорее должен был заступить новый старейшина. Нужно было только, чтобы старшинство его было признано всеми стариками посёлка.

Дело, однако, не было таким простым, как кажется с первого взгляда. Большинство стариков плохо считали свои года или попросту их не знали. У них была слабость преувеличивать свой возраст. Ведь почёт и уважение к человеку росли

вместе с годами.

Дело решала иногда степень седины, и люди, которые долго сохраняли большое число тёмных кудрей, считались как бы более молодыми в сравнении с совершенно седыми, белыми как лунь стариками. Много значило также умение держать себя важно, по-стариковски.

Иной глубокий старик по слабости, болезни или прирождённой робости сам добровольно отмахивался от старшинства, принадлежащего ему по праву. Поэтому в действительности решительный и властный характер часто имел большее значение для признания старшинства, чем число лет.

Кто был убийцей Мандру

Был ещё и другой вопрос, пожалуй, не менее важный.

— Старики, — сказал Пижму, — думайте: кто убил Мандру?

Мандру умер в своей семье, в хижине, полной близких ему людей. Из них ни один не заметил ни с чьей стороны какого-либо насилия. Мандру был уже глубокий старец, на много лет пережил он всех своих сородичей. В последнее время он

был уже очень слаб, с трудом ходил и жаловался на сердце и вечные удушья.

Что может быть естественнее смерти такого дряхлого старика?

Но жители посёлка Ку-Пио-Су думали иначе. Для них не было естественной смерти. Человек умирает потому, что кто-то отнимает у него жизнь. Можно отнять её силой. Охотнику и рыболову такая смерть всего понятнее. Но ведь и охотник добивается своего не только силой, но и хитростью. Смерть можно «наслать» наговорами и разными хитрыми магическими приёмами. Болезни не сами приходят, их кто-то посылает. Это делают или враги, или тени умерших, или невидимые таинственные существа, которыми первобытная фантазия населила поля, леса, водоёмы, омуты и речные русла — одним словом, всю окружающую природу.

Мандру присудил Уоми к изгнанию. Только чудом спасся Уоми от неминуемой смерти. Стало быть, у него достаточно было причин, чтобы ненавидеть Мандру и желать ему смерти. Никто не видел, как Мандру умер. Но близкие и старый Пижму слышали своими ушами, что Мандру незадолго до смерти говорил: Уоми приходит к нему во сне и душит его каждую ночь.

Пижму стоял на своём: Мандру умер от мстителя. Этим мстителем мог быть только Уоми!

Пижму говорил сердито и повторял слова Мандру: Уоми погубит стариков Ку-Пио-Су.

Старики сидели, уставив глаза в огонь, гладили бороды и качали седыми головами…

Поздно вечером в хижине Гунды ярко горел костёр. Ждали старого Азу, а он всё не возвращался. Вдруг колыхнулась входная занавеска, и из-за неё выглянула голова с шестью тонкими косичками, светлыми, как сухая солома.

— Не спите? — спросил девичий голос.

В хижину вползла девушка лет семнадцати. Это была внучка Пижму — Кунья. Глаза у неё были голубые, а щёки румяные, как шиповник.

— Ная, — тихо позвала она, — выйди сюда!

Ная быстро накинула платье и выбежала из хижины.

Через несколько минут наружу вышел Уоми и застал обеих девушек в слезах и тревоге.

Кунья рассказала, как потихоньку пробралась она на тайный совет старцев и подслушала, о чём они говорят. Старики признали Пижму старшиной охотников, а Пижму — враг Уоми. Он твердит, что Уоми задушил Мандру во сне и хочет будто бы погубить всех стариков племени. Ему верят.

Только Ходжа, да Карась-лодочник, да Аза не соглашаются. Пижму подговаривает сжечь Уоми на погребальном костре. Старики только боятся. А если бы не боялись, пожалуй, послушались бы Пижму. Они боятся заговорённого ножа и гнева самого Дабу. До сих пор всё ещё спорят…

Ная с плачем прижалась к груди брата. Кунья стояла в сторонке и кулаком утирала слёзы.

Уоми нахмурился. Потом решительно тряхнул головой и стал утешать плачущих девушек:

— Не бойтесь! Старики мне не страшны. Они ещё не знают, что может сделать Уоми.

Он приказал им молчать и не говорить никому ни слова.

На другой день, когда люди начали просыпаться, они заметили, что Уоми исчез. Вместе с ним исчезли его лук, стрелы и другое оружие. Оказалось также, что и Гунды нигде не видно.

Ная и Тэкту проследили отпечатки их ног до лодочной пристани. Тут, на мокром песке, натоптаны были следы мужчины, женщины и собаки.

— Они увезли с собой лайку, — сказала Ная.

— Далеко захотели ехать, — прибавил Тэкту.

Он указал борозду на рыхлом песке от недавно сдвинутой лодки. Было ясно: мать и сын уехали ночью вместе. Но куда направили они путь? На

этот вопрос никто не мог ничего ответить.

Похороны

С утра мужчины Ку-Пио-Су начали рыть яму. Копали среди других, более старых могил, на вершине небольшого холма, шагах в двухстах от посёлка. Рыли каменными кирками, дубовыми кольями, отгребали песок ладонями рук и кусками твёрдой коры. Рыхлый песок легко поддавался усилиям землекопов.

К полудню неглубокая яма уже была готова. Дно её усыпали толстым слоем свежей травы, чтобы мягче было лежать.

Тело Мандру перенесли из хижины и опустили на дно могилы.

Мандру положили на правый бок. Руки, согнутые в локтях, уложены были так, как бы это сделал человек, засыпая на своей постели. Сверху тело было посыпано красной охрой. Красный цвет — цвет крови. Красная охра — символ тепла, жизни, возрождения.

Это сделали для того, чтобы покойник проснулся молодым, сильным и здоровым в том новом мире, куда он переселился.

В этом, собственно, и заключался обряд похо-

рон. Оставалось только как следует снарядить покойника.

«Полной смерти нет, — думали люди посёлка Ку-Пио-Су, — покойник только перешёл в мир снов. Там есть всё, что и в этом мире. Такие же реки, озёра и леса. Там плавает рыба, летают птицы, бегают дикие звери. Мандру и там будет вести такую же жизнь, как и здесь.

Там уже ждут его умершие предки, а также сыновья, внуки и правнуки, которые умерли раньше. С ними вместе он построит себе новый дом, сделает новую лодку, будет ловить рыбу и бить лесных зверей».

В могилу опустили то оружие, которое когда-то сделал себе покойник: лук и стрелы, короткое копьё, пращу, каменную кирку, долото, костяную иглу и кремнёвый скребок. Тело закрыли медвежьим мехом, чтобы покойнику было теплее.

Внуки Мандру притащили старое весло, с которым когда-то плавал по озеру сам старик, а также трут и огниво, завёрнутые в сухую берёсту.

Женщины поставили два горшка — один с водой, другой с мёдом диких пчёл. Карась принёс на могилу другое, новое весло.

— Возьми, Мандру! — сказал Карась и опустил весло в могилу. — Пусть вспоминает Мандру ста-

рого Карася, когда будет ловить рыбу на тёплых подземных водах.

В это время неистовый вой огласил озёрную гладь. Два сына Пижму тащили к могиле привязанную ремённой петлёй собаку. Собака рвалась, каталась по траве, рычала, лаяла и жалобно выла, упираясь изо всех сил.

Это была собака самого Мандру, которая, словно предчувствуя что-то недоброе, ни за что не хотела подойти к могиле хозяина.

Собаку притащили на край могилы. Тут ей на шею накинули вторую петлю, и два внука Пижму стали тянуть концы их в разные стороны. Собака захрипела, высунула язык, и глаза её остановились.

Пижму поднял задушенную собаку и сказал:

— Мандру, возьми с собой свою лайку. Она не захотела остаться здесь без тебя.

С этими словами он бросил собаку к ногам покойника.

В это время к могиле подошла старшая дочь Мандру — вдова Онда. Глаза её были заплаканны. Седые космы висели по плечам.

Онда подошла к яме и села на землю.

— Мандру, — сказала она, — кто тебя там напоит, накормит? Кто голову расчешет? Кто ночью

подаст воды напиться? Без меня некому. Возьми и меня, как взял свою собаку… Старики, хочу пойти на ту сторону. Куда он, туда и я. Пижму, ты теперь самый старший, проводи меня туда…

Она встала, поклонилась Пижму в ноги и осталась лежать, вытянувшись и прижавшись лбом к сырому песку.

Пижму поднялся, огромный, сутулый и неповоротливый, как медведь.

— Надо проводить! — сказал он и поманил к себе рукой младшего сына, Курбу.

Курбу был ростом с отца, но ещё шире и костистей. На широких плечах и короткой шее сидела круглая голова, обросшая ворохом рыжих волос. Из-под низкого лба и густых бровей невесело глядели маленькие бесцветные глазки.

Пижму наклонился и что-то сказал сыну на ухо. Курбу медленно повернулся и, раскачиваясь, отправился в дом.

Пижму подошёл к старухе и погладил её по голове:

— Лежи, Онда, и не бойся. Ничего не бойся! Задумала ты хорошо. Надо заботиться о старом Мандру. Привык он к тебе. Скучно будет ему без тебя.

Курбу вернулся с оленьей шкурой и длинным

белым ремнём из лосиной кожи.

Пижму, тихо приговаривая, накрыл Онду шкурой.

— Не бойся, Онда, хорошо будет! Ничего не бойся.

Курбу сделал посреди ремня петлю и подал отцу.

Пижму, не торопясь, наклонился, приподнял шубу, надел петлю на шею старухи и опять прикрыл её мехом. Один конец ремня отдал Курбу, другой — старшему сыну, такому же увальню, как и младший.

Сыновья стали по обеим сторонам старухи и ждали.

— Ну! — сказал Пижму, и оба силача изо всех сил стали тянуть концы.

Старуха забилась и задёргала ногами.

Пижму подошёл с каменной палицей в руках и нащупал голову Онды.

Мужчины, старики, женщины и дети следили за ним затаив дыхание. Некоторые опустили головы и зажмурились. Пижму поднял своё страшное орудие. Тяжёлый булыжник с размаху ударил Онду по темени.

Тризна

Огромный костёр перед могилой пылал знойными снопами огня. Жители Ку-Пио-Су справляли прощальную тризну. Она продолжалась уже третий день. Всё население островка окружало могилу.

То и дело кучки людей отправлялись по мосткам за новыми вязанками дров. Они тащили их на спине или волокли на длинных и коротких полозьях, загнутых впереди, как лыжи, и скреплённых между собой наподобие саней.

Мужчины по временам садились на свои челноки, чтобы закинуть сети и наловить рыбы.

Только что пойманную рыбу тут же пекли на горячих углях, а когда ели, половину бросали обратно в огонь или в сторону могилы:

— Возьми, Мандру! Ешь на здоровье. Ешь и ты,

Онда. Вам далеко идти. Надо набраться сил.

Иногда съедали всю рыбу, а в огонь кидали голову и говорили:

— Ты был у нас голова. Возьми себе голову, Мандру! Ешь, она сладкая. — Потом бросали хвост и приговаривали: — Ты была его хвостом, Онда. Куда голова, туда и хвост!

Могилу к этому времени уже прикрыли сучьями и засыпали сверху песком. Но один угол оставался неприкрытым. В это отверстие ставили пищу покойникам. Его оставили также для того, чтобы души умерших могли вылетать по ночам и вновь возвращаться в свой подземный дом. Ребята подползали к могиле и с любопытством заглядывали внутрь.

На третий день из отдушины стал выходить сладковатый и терпкий запах тления. Это означало, что души покойников окончательно отделились от тела.

Тогда дыру в могиле заткнули травой, переплетённой с колючими ветками шиповника. Дыхание покойника, пожалуй, может выходить из могилы. Но если попробует вылезти сам покойник, он наткнётся на колючки и не пойдёт. Незачем мертвецам шататься и пугать живых.

Каждый поминальный день начинался пением

Ходжи.

С восходом солнца раздавалось глухое бормотанье бубна. На подостланной шкуре против могилы слепец заводил свою монотонную музыку. Бубен звучал сначала громко, потом всё тише и тише и вдруг начинал греметь, как будто от нового прилива энергии. После третьего затихания раздавались размеренные звуки песни. Мелодия состояла всего из одной или двух музыкальных фраз. Они без конца повторялись одна после другой, хотя и с разными словами.

Мелодичной речью рассказывал певец про долгую жизнь, приключения и подвиги вождя охотников. Всё, что когда-нибудь рассказывалось в посёлке о славных подвигах Мандру, хранилось в удивительной памяти слепца. Незаметно для него самого живое воображение Ходжи вплетало сюда новые подробности. Действительные подвиги — борьба с диким вепрем, поединок с бурым медведем, которого Мандру запорол насмерть дубовой рогатиной, победа над бешеным лосем — переплетались с легендами о снах Мандру, которые он рассказывал близким. Их было много, и песен о них хватило на все трое суток погребального пиршества.

Когда усталому певцу приносили поесть и по-

пить, песня смолкала. После обеденного отдыха сказания о снах Мандру возобновлялись и продолжались до вечера. Звёзды загорались на небе, ночные тени выползали из-за кустов и деревьев, над водой поднимался туман. Певец поникал усталой головой и засыпал над своим бубном.

Так было на первый и на второй день пира.

Так продолжалось и на третий. Солнце уже было низко, а Ходжа всё ещё пел о подвигах Мандру.

Вдруг Тэкту закричал, показывая на озеро:

— Уоми едет! Уоми!..

Сидящие вокруг костра вскочили и стали вглядываться, куда показывал Тэкту.

Из-под высокого берега поворачивал к острову узкий челнок. На корме с жердью в руках виднелась стройная фигура Уоми…

Вместе с матерью

В тот вечер, когда Кунья и Ная принесли известие о коварных замыслах Пижму, Уоми улёгся позже всех в доме. Сон бежал от его глаз, веки не смыкались. Мысль, что ему снова грозит опасность, не давала покоя.

Он ворочался с боку на бок и задумчиво следил

за светлыми точками звёзд сквозь открытую дымовую дыру.

Вдруг чья-то мягкая рука тронула его лоб. Возле него стояла Гунда.

— Мать, — прошептал он, — почему не спишь?

— Уоми не спит, и Гунде сна нету, — ответила мать. Она тихо гладила его по голове. — Ная мне всё рассказала.

Уоми взял её маленькую руку.

— Уйдём, — сказала Гунда. — Уйдём далеко! Чтобы они не нашли нас.

Уоми спустил ноги на пол.

— Уйдём, — шептала Гунда. — Пойдём к самому Дабу. Он защитит. Он научит. От него узнаем, что делать.

— Пойдём! — сказал Уоми. — И пусть никто не знает куда.

Он ещё раз огляделся: все домашние спали крепко.

— Выходи, мать, наружу! Я за тобой…

Ощупью он собрал своё оружие и походные вещи и крадучись вышел из хижины. Мать взяла его за руку.

Край неба уже начинал светлеть. Уоми заметил, как сияли глаза матери.

— Скорее, скорее! — шептала Гунда.

И оба они торопливо двинулись к лодкам. Мостки, соединявшие островок с берегом, были разобраны, чтобы никто из чужих не мог проникнуть в посёлок.

Глаза и Гунды, и Уоми уже различали на прибрежном песке тёмные силуэты челноков. В это время что-то белое подкатилось под ноги. Это была лайка; она догнала их по следам.

— Молчи! — сказала Гунда и погрозила пальцем.

Уоми выбрал лёгкий челнок, усадил в него мать, сложил на дно оружие и другие пожитки.

Лайка, виляя хвостом, просилась взять её с собой.

— Возьмём и её, — сказала Гунда. — Завоет — перебудит всех.

Она позвала собаку, и та, свернувшись, улеглась у её ног.

Уоми спустил челнок в воду, взобрался на корму и оттолкнулся шестом от берега. Лодка беззвучно скользнула в мутный туман, окутавший остров Ку-Пио-Су.

Уоми переправился через пролив и пристал к высокому берегу. Он направил лодку в устье реки, сбегавшей к озеру по дну лесного оврага. Тут он отыскал удобное место и спрятал челнок

в густых кустах. Он сделал это так искусно, что заметить его было очень трудно.

Покончив с этим, он двинулся вверх по течению и повёл мать прямо по воде. Ведь в текучей воде следов не остаётся.

Пройдя несколько десятков шагов, они поднялись на высокий берег оврага и двинулись по знакомой тропинке.

Это была та самая тропа, которая вела к оврагу Дабу.

К вечеру они вышли из лесу в том месте, где была спрятана старая лодка Уоми. Цел ли его челнок? На месте ли багор и весло?

Он отыскал на берегу пепел и угольки костра, под защитой которого провёл памятную для него ночь.

Когда раздвигал кусты, сердце его забилось: а что, если он увидит ту самую Каплю, которая являлась ему во сне?

Челнок оказался на месте, а вместо девушки на нём сидела лягушка. Она испугалась и прыгнула в воду.

— Ага! — сказал он вслух. — Капля посылает её сторожить мой челнок.

Идти сейчас же к Священному Дубу Гунда не захотела: дорога утомила её. Она достала из

мешка небольшой запас печёной рыбы, чтобы поужинать.

Уоми высек кремнёвым огнивом искру на сухой трут, раздул его и развёл огонёк. Гунда стала жарить тетёрку, которую Уоми подстрелил по дороге. После ужина решили идти.

Уоми привязал лайку ремнём к лодке и взял с собой половину щуки, чтобы накормить Дабу. К Священному Дубу надо было попасть до темноты. Полночь — это время, когда летают ночные тени и Невидимые открывают людям свою волю.

Как только мать и сын вступили в овраг, они почувствовали, что лесная темень настигает их гораздо скорее, чем они ждали.

Здесь, под густым пологом раскинувшихся вверху дубовых вершин, быстро угасали последние отсветы вечерней зари. Гунда торопливо шептала слова древних заклинаний против злых лесовиков и ночных страхов.

Уоми почувствовал, как дрожали похолодевшие пальцы матери в его крепкой руке:

— Не бойся, мать! Дабу близко. Он защитит нас.

Сыну хотелось ободрить мать, но, против воли, её страх отчасти передавался и ему. С каждым шагом сгущались лесные сумерки. С каждой

минутой, казалось, оживают тени леса. Ветви кустов и деревьев тянулись к ним, словно руки, просящие пищи.

Гунда отламывала маленькие кусочки печёной рыбы, кидала их кустам и деревьям и приговаривала приветливые слова:

— Ешьте, милые! Ешьте! Защитите Гунду и Уоми.

Так добрались они до Священного Дуба. С бьющимся сердцем Гунда сделала несколько шагов по сумрачной поляне и остановилась.

Дабу стоял перед ней. Здесь, под его ветвями, Гунда чувствовала себя такой маленькой и слабой.

Уоми и Гунда опустились на землю и прижались лицами к корням Священного Дуба. А он стоял над ними, растопырив корявые руки-сучья и разинув чёрную пасть дупла. Наконец Уоми поднялся.

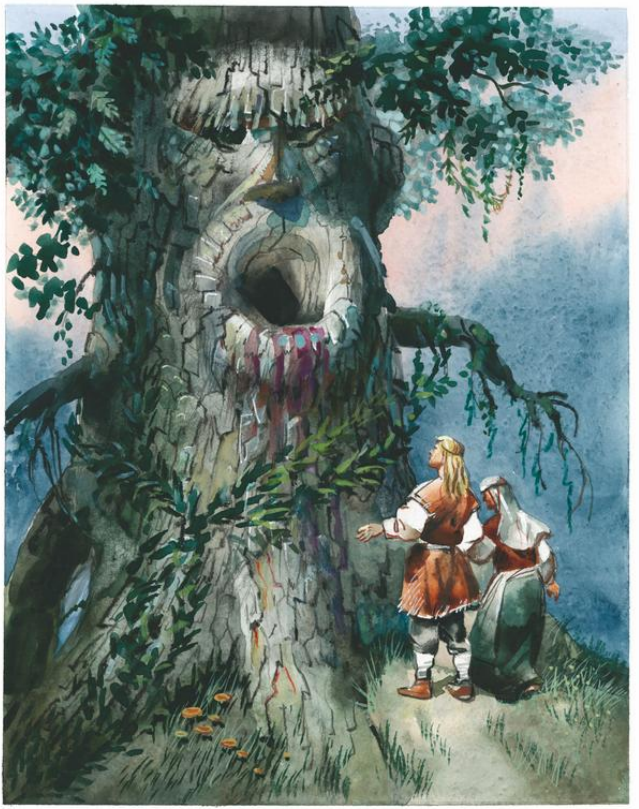
— Отец, — сказал он, — к тебе пришёл сын твой, Уоми! Защити его от врагов!

— Пижму хочет убить Уоми, — сказала Гунда. — Дабу! Ты дал Гунде Уоми. Сохрани его! Уоми — твоя кровь. Защити его…

Она кинула голову щуки и остаток мяса в зияющее над нею дупло.

Мать и сын стояли протянув руки и издали ответа. Пылкое воображение их работало помимо воли, а глаза, ясные, как у детей, были устремлены на предмет обожания.

Их слух и все чувства обострились до невероятной тонкости. Они слышали чуть заметное журчанье ручья, треск отломившейся ветки, шуршанье мыши в сухой листве.

Они старались истолковать по-своему значение этих звуков. Они искали в них ответа на свои просьбы.

Вдруг серая тень мелькнула между ветвями. Уоми показалось, что она вылетела из дупла и беззвучно исчезла между стволами. Через минуту громкое улюлюканье филина послышалось где-то рядом. Небо озарилось вспышкой далёкой зарницы, которая здесь, среди чёрных деревьев, казалась особенно яркой. Это был несомненный ответ. Дабу откликался на их просьбы. Но как нужно было его понять?

— Это его душа! — прошептал Уоми.

Гунда дрожала, прижавшись к сыну.

— Ты видела?

— Видела… — прошептала Гунда.

— Останемся здесь до утра. Узнаем, что скажет Дабу.

Заговорённый посох

Уснули они поздно. Гунда забылась первая, прижавшись к руке сына. Потом уснул и он.

Яркие сны вознаградили их за терпение. Гунде пригрезилось, будто она, ещё молодая, сидит одна в пустом доме. Перед ней ярко пылает огонь.

В хижину входит красивый и румяный старик с ласковыми глазами. Он садится у входа и вынимает из-за пазухи длинный нож. И она ясно видит: нож этот — тот самый, который привёз Уоми из далёкой страны.

«Отдай его Уоми, — говорит старик. — Скажи ему, пусть ничего не боится. У кого этот нож, тот всех сильнее».

Гунда знает: этот старик не кто иной, как сам Дабу.

«Пусть едет искать невесту! Придёт весна. Полетят журавли. Тогда пусть гребёт далеко! Скажи Уоми: Дабу ему поможет».

Гунда проснулась, и сердце её билось, как пойманная птичка. Ещё бы! Она говорила с самим Дабу. Он сам обещал помощь.

Уоми уже не спал. Он ждал, когда мать откроет глаза. Ему надо было рассказать свой сон.

С ним случилось то, что изредка бывает со всяким. Сон его был повторением того сновидения, которое его уже раз посетило. Опять поиски лодки, опять девушка — дочь Водяного. Опять ему грезилось, что девушка моет его ноги и зовёт искать её у Большой Воды.

Сон повторился, значит, это неспроста. Это вещее сновидение. Оно предсказывает будущее.

Гунда нарвала цветов и бросила их в дупло дуба. Вдруг порывом ветра всколыхнуло нижние ветки, и одно из жертвенных приношений сорвалось и упало к ногам Уоми. Это был посох, один из тех, которыми были увешаны нижние ветви дуба.

Уоми остановился в раздумье. Приношения неприкосновенны. Но ведь Дабу сам бросил его Уоми.

Уоми нерешительно прикоснулся к посоху.

— Что делаешь? — в испуге шептала Гунда. — Посох заговорённый. Повесил его сам Мандру. Ты был тогда ещё мал. Напала на Пижму Хонда. Палила его огнём. Трясла его, ломала. Пижму сам рассказывал. Никто её не видал, а он видел. По ночам кровь пила. Исхудал Пижму, как щепка. Лицо всё побелело. Мандру заговорил болезнь. Напоил Пижму полынной водой. Потом взял посох и заговорил его: «Хонда, Хонда, войди в посошок! Вяжу тебя лыком. Перевязываю ремнём сыромятным. Не выйти тебе, пока ремень не развяжется!..» Всем посёлком ходили смотреть. Как Дабу взял посох, так и пропала у Пижму болезнь.

— Что же, — сказал Уоми. — Дабу сам отдаёт мне этот посох. Теперь Пижму в моих руках. Что захочу, то с ним и сделаю.

Лосиха

Обратный путь сделали по реке. Уоми решил пригнать в Ку-Пио-Су челнок, с которым так много было связано в его прошлом.

Река шла широкими извилинами. То с той, то с другой стороны белели отмели. Водяные птицы плавали возле берегов и безбоязненно глядели на людей в лодке. Речные чайки проносились над головами. Серые цапли неподвижно стояли на отмелях, у самой воды. Высокий лесистый берег белел известковыми обрывами. То здесь, то там прорезывали его узкие щели лесных оврагов.

Ночь провели они на небольшом островке, поросшем ивовыми кустами. Ранним утром снова пустились в путь.

День был жаркий. Уоми сбросил всю одежду, кроме узкого передника из шкурки бобра. Железные мускулы его выпукло круглились под бронзовой кожей. Белая лайка дремала у его ног. Гунда, свернувшись комочком, с улыбкой следила за ним.

Неожиданная встреча задержала их почти у входа в Рыбное Озеро. Они уже собирались войти в узкий проток, соединявший его с рекой, как

вдруг Уоми насторожился.

У самого поворота от берега плыла огромная лосиха, а за нею полугодовалый, молодой лось. Они переплывали в этом месте реку и были застигнуты врасплох.

Лосиха фыркнула, и оба зверя повернули назад. Но было уже поздно. Несколькими сильными взмахами шеста Уоми разогнал лодку и ловко направил её на лосиху. Прежде чем она успела добраться до мелкого места, Уоми уже нагнал её и вдруг, выхватив бронзовый кинжал, прыгнул прямо на загривок перепуганному животному.

На мгновение оба они погрузились в воду, но лосиха справилась и снова выставила голову. Уоми крепко ухватился за её шею. Лосиха шумно фыркнула, ноздри её раздулись, а сердитые глаза налились кровью. В это время её задние ноги коснулись дна. Она тотчас же поднялась на дыбы и сделала прыжок, поднимая вокруг себя тучи брызг.

Положение становилось опасным. Уоми напрягал все силы своих рук, чтобы удержаться. Но тут река снова сделалась глубже, и лосиха принуждена была плыть. Уоми сжал рукоятку кинжала и крепко вогнал бронзовое лезвие между затылком животного и первым шейным позвонком. Лосиха

сделала судорожный скачок, снова взвилась на дыбы и всей тяжестью рухнула в воду.

Пришлось потратить немало времени, чтобы подтянуть убитого зверя к земле и кое-как, общими усилиями вытащить его тяжёлую тушу на берег.

Чтобы речные волны не унесли лосиху, Уоми крепко привязал её к стволу ивы и наскоро закидал стеблями тростника. После этого он искупался, чтобы смыть с себя пятна звериной крови, потом снова взобрался в лодку и погнал её через проток в озеро и дальше, к острову Ку-Пио-Су.

Между тем солнце уже село. Над водой забелела туманная дымка. Становилось холодно, и Уоми пришлось одеться, чтобы не озябнуть.

Жители Ку-Пио-Су заметили Уоми только тогда, когда он поравнялся с островком и повернул челнок, чтобы подойти прямо к причалу.

Пижму или Уоми?

Уоми не ждали.

Большинство думали, что Уоми скрылся совсем. То, о чём говорилось в хижине Пижму, не осталось тайной в посёлке.

Родные Уоми сурово поглядывали на Пижму.

Они были недовольны его старшинством. Исчезновение Гунды вместе с Уоми ещё больше их взволновало. Ная и Кунья разболтали причину ухода Уоми среди девушек посёлка. Старшие женщины узнали об этом от своих дочерей.

Все были уверены, что Уоми бежал. А раз бежал, значит, боится. Если боится, значит, Пижму сильнее Уоми и надо смотреть в глаза Пижму.

Но вот Уоми неожиданно вернулся. Его встретили в полном молчании. В этом молчании скрывалось прежде всего величайшее любопытство. Скорее, скорее узнать, как встретятся двое и кто из этих двоих возьмёт верх.

Как только Уоми ступил в круг людей, сидевших у костра, глаза молодых вспыхнули восхищением.

Уоми шёл как победитель. Он высоко нёс свою красивую голову. Походка его была легка, глаза сияли торжеством. Бронзовый клинок торчал у него за поясом. Мать Гунда еле поспевала за ним. Она сгибалась под тяжестью дорожного мешка, а в руках несла длинный лук, рыболовное копьё и другое оружие сына. Белая лайка, навострив уши, бежала сзади.

Уоми прошёл прямо к камню, на котором сидел Пижму, окружённый более молодыми охотни-

ками.

— Дед Пижму, — сказал он, улыбаясь. — Вот умер Мандру, и наши старики признали тебя старшим. Уоми думал всю ночь и захотел навестить отца. Уоми и Гунда ходили к самому Дабу. Они говорили с ним. Гунда, скажи, кого ты видела у Священного Дуба.

— Видела большую сову, — сказала Гунда. — Это была его душа. Она вышла изо рта самого Дабу и летала вокруг. Ночью Дабу спит, а душа его всё видит. Она видит всё, а глаза её как угли.

— Она летает близко и далеко, возвращается, и Дабу узнаёт всё, — сказал Уоми. — Дабу знает, что Пижму уговаривал стариков бросить Уоми в огонь.

Шёпот изумления пробежал в толпе. Лицо Пижму вытянулось, и он стал теребить свою седую бороду.

Уоми обвёл торжествующим взглядом смущённых стариков:

— Дабу знает тех, кто не соглашался с Пижму, и тех, кто смотрит ему в глаза. И Дабу открыл их Уоми. И ещё Дабу сказал: не бойся. У тебя волшебный нож. Он защитит тебя от всех нападений, а душа Дабу будет охранять тебя и днём, и после захода солнца.

В это время зычный и пронзительный крик донёсся с опушки леса. Это был хохот и улюлюканье ночной птицы.

— Слышите? — спросил Уоми и протянул руку туда, откуда слышался голос филина. — Слышите? Это душа Дабу. Она близко…

Все оцепенели от страха. Пижму побелел, как его собственная борода.

А Уоми продолжал:

— Чего бояться Уоми? Сам Дабу ему помогает. А этот волшебный нож — он горит, как огонь, и убивает, как гром. Убивал ли кто лося одним ножом? Пусть говорит Гунда!

— Уоми прыгнул на лося, как рысь, — сказала Гунда, — и воткнул ему нож в затылок.

Гунда положила мешок на землю и вынула оттуда отрезанное лосиное ухо. Уоми кинул его перед костром.

— Вот, — сказал Уоми. — Поезжайте, куда скажу. Привезёте мясо для всего Ку-Пио-Су.

Весёлый смех и крики одобрения были ему ответом.

Уоми повернулся к Пижму и пристально посмотрел ему в глаза.

— Не бойся, Пижму, наговорённого ножа, — сказал он. — Бойся другого!

Уоми обернулся к матери и взял из её рук посох с толстым набалдашником:

— Узнал ли Пижму этот посох? Сам Дабу отдал его Уоми. Теперь Пижму пусть остерегается делать Уоми зло. Уоми развяжет ремень, и огненная Хонда выйдет на волю.

Уоми взялся за конец ремня, показывая, что он сейчас же готов исполнить свою угрозу.

Пижму изменился в лице и с усилием поднялся с земли. Голова его шла кругом. Он поднял перед

собой обе руки, как бы защищаясь от страшного призрака. Сутулый и неуклюжий, как медведь, стоял он перед Уоми, шатаясь от страха. Губы его тряслись. Рот открывался и закрывался. Он не мог выговорить ни слова. Колени дрожали, и весь он трепетал, как в лихорадке.

Наконец он склонился до самой земли.

— Нет! — глухо простонал он. — Не выпускай Хонды! Пижму не скажет слова против Уоми.

Старый Пижму сдавался без борьбы и со стыдом молил о пощаде.

Часть вторая
Совет стариков

Ещё одни сутки продолжалась похоронная тризна после смерти Мандру. Когда привезли убитую лосиху, Уоми угощал ею весь Ку-Пио-Су, ласково потчуя стариков посёлка.

Он говорил, что скоро придёт к ним просить совета по важному делу. Прошло несколько дней. Жизнь, казалось, начинала входить в колею, но все чувствовали, что наступила перемена и теперь всё пойдёт по-новому, не так, как прежде.

Умер Мандру, а новый старшина рода не внушал уважения. А тут ещё Уоми затевает какое-то загадочное дело.

Стариков разбирало любопытство:

— Советоваться хочет… О чём?

Пробовали подсылать разведчиков.

Светловолосая Кунья, внучка Пижму, вползла в хижину. Долго стояла без улыбки, без слов.

— Кунья, садись сюда, — сказала Ная, отодвигаясь.

Девушка села на меховую постель подруги.

— Что слышно? — спросила Ная.

— Ничего не слыхать, — ответила Кунья, и ещё с минуту длилось молчание. Вдруг Кунья обхватила шею подруги и тихо сказала: — Дедушка приказал узнать, о чём хочет говорить со стариками Уоми.

Уоми мастерил кремнёвую пилу. Это была кропотливая работа. Между двумя половинами расщеплённого вдоль стволика молодой осинки нужно было защемить десятка полтора острых кремнёвых зубьев, заранее подобранные осколки одинаковой толщины уложить так, чтобы зубцы были все на одной линии. Но этого было мало: надо было каждый из них закрепить и проверить, чтобы он твёрдо сидел в своей лунке, проделанной каменным долотом.

Такой пилой нельзя было перепилить толстое дерево, но спилить сук, сделать кольцевой надрез вокруг молодой ёлки, чтобы легче потом сломать, было вполне возможно. Ею можно было также проделать глубокую борозду в каменной плитке сланца, чтобы потом резким ударом отбить нужный кусок как раз по борозде.

Кунья робко повторила вопрос и сейчас же спрятала раскрасневшееся лицо за спину Паи.

— Скажи деду: старики позовут — Уоми придёт

и всё скажет. Не захотят — пойдёт к самому Дабу.

Больше ничего не сказал Уоми. Кунья подождала ещё и тихонько вышла из хижины.

В тот же день старики собрались в доме Ходжи и послали за Уоми.

Когда посланный привёл Уоми, старики уже сидели вокруг пылающего очага.

Вошедший отвесил низкий поклон.

— Старики! — сказал он. — Приходила во сне к Уоми невеста, дочь хозяина Большой Воды. Три раза приходила, звала его. Будет ждать на берегу.

— А-а! Ждать будет? — послышались любопытные голоса.

— Будет. Взять хочет Уоми девушку-невесту.

— Хороша девушка?

— Как лебедь! Кланяюсь вам, старики. У вас разуму больше. Научите, где Большая Вода!

Старики переглянулись, не находя ответа.

Уоми опять поклонился:

— Наставьте, старики! У вас разуму больше.

Старики молчали.

Первый заговорил слепец Ходжа:

— Ходжа ростом мал, а разумом меньше всех. Ждал, что скажут большие. Никто рта не открывает. Прикажите говорить слепцу Ходже!

— Говори, — сказал Пижму.

— Скажу вам, старики, одну правду. Был Ходжа молодой, были у него глаза. Ходили тогда молодые добывать себе невест. И Ходжа с ними. Снарядили восемь челнов. Был и тогда слух про Большую Воду. Хотели дойти до Большой Воды.

— И дошли? — радостно крикнул Уоми.

Ходжа помолчал, пожевал губами и вдруг грустно покачал головой:

— Не дошли. Немного не дошли, назад вернулись. А были близко!

— Слыхали и мы про это, — сказал Карась.

— Вот, — сказал Уоми. — Ходжа не дошёл. Пойдёт Уоми. Кланяюсь вам, старики. Хочет Уоми набрать дружину для дальнего похода. Кто захочет идти, не мешайте. Трудно одному идти на край света.

— Нет! — раздался басистый голос Пижму. — Сам иди куда хочешь, а молодых не мути. Пусть дома остаются. Невесты и близко есть.

Пижму сидел потный, красный как рак, и видно было, что скрытая ненависть его к Уоми так и рвётся наружу.

Уоми повернулся к Пижму и внимательно взглянул на злобствующего старика.

— Пижму, — сказал он, — помни: посох твой в моих руках. Если забыл, Уоми тебе напомнит.

Пижму поднялся багровый. Злоба душила его. Глаза сверкнули. Он с сердцем махнул рукой и рявкнул, не глядя на Уоми:

— Пусть едут на край света! Пусть едут! Только пусть назад не возвращаются.

Он вышел и с досадой задёрнул за собой меховую занавеску.

Молодые и старые

На свою голову раскричался Пижму на совете старцев. Этот уход, похожий на бегство, сильно подорвал его авторитет в глазах обитателей Ку-Пио-Су. Теперь всем ясно: Пижму боится. Какой же он старший, если молодой берёт над ним верх?

За эти дни Уоми стал настоящим героем молодёжи.

Пожилые люди и особенно старики смотрели более осторожно. У иных тоже была причина побаиваться Уоми. После ухода Пижму они стали говорить:

— Что ж, пусть едут!

Некоторые, как и сам Пижму, были бы не прочь избавиться от этого слишком уж смелого сына Гунды. Отпускать же с ним свою молодёжь почти

никому не хотелось.

Но молодёжь думала иначе. Обычай добывать себе жён из отдалённых селений прочно вошёл в быт рыбноозерцев. Это считалось удальством. Чем дальше взята невеста, тем больше почёта жениху.

— Почему не пускать? — говорил Карась. — Нужно молодым добывать невест? Нужно. Так о чём тут спорить? Уоми — молодец. С ним не страшно. Да что молодёжь! Сам пойду с ними! Довольно Карасю дома сидеть. Может быть, и Карась себе невесту найдёт.

Весть о том, что и Карась хочет идти вместе с Уоми, разбила последние надежды Пижму. Теперь никто уже не слушал стариков. Молодые кричали:

— С нами тоже старики!

Вслед за Карасём к Уоми присоединился слепец Ходжа. Сказки рассказывать и песни петь — вот что обещал слепец.

И ещё одна седая голова вдруг оказалась на стороне молодёжи. Это был дед Аза.

Аза был только немного моложе Пижму. Болезни и старческая слабость приковывали его к нарам. Но Аза понимал молодёжь.

— Идите, идите! — бормотал он всякий раз, как укладывался спать. — Идите, не бойтесь! Сам, когда молодой был…

На этом Аза замолкал, и никто не слышал, какие славные подвиги его юности воскрешала стариковская память.

Сборы в поход

Начались сборы в поход. Прежде всего нужны были исправные лодки. Челноки были общей собственностью. Когда заходила речь о том, какие лодки можно отдать участникам похода, поднимались горячие споры.

В далёкий поход нужны были большие, хорошие и быстроходные челноки. С собой нужно было взять немало всяких вещей: одежду, оружие, сети и другие рыболовные снаряды. Опытные

люди советовали:

— Возьмите лыжи и полозья. Не везде пройдёте водой, придётся волоком перетаскивать лодки.

Нужно было иметь с собой солидный запас подарков, чтобы мирно уладить дело с родными девушек. Всё это составляло порядочный груз, и малый челнок не годился для такого похода. Но и те, кто оставался, вовсе не желали довольствоваться маленькими и худшими челноками. Ведь Рыбное Озеро в бурю и непогоду тоже шутить не любит! Да и отдавать на сторону лучшие произведения тяжёлого и долгого труда старикам и пожилым не хотелось. Ведь каждая лодка была делом их рук.

Молодёжи приходилось рассчитывать главным образом на лодки, которые ещё не были готовы. На островке с раннего утра раздавались теперь глухие удары. Это стучали кремнёвые тёсла, долота и топоры, отбивая кусок за куском древесину внутри наполовину уже выдолбленных дубовых или осиновых колод.

А сколько нужно было сделать вёсел и речных багров!

Другая, не менее важная забота — оружие. В далёкий и опасный путь надо было отправляться хорошо вооружёнными. В каждом доме был неко-

торый запас копий, луков и стрел. Но это оружие нужно было и тут, на месте.

Тэкту, Уоми, сыновья Карася и другая молодёжь усиленно трудились над обработкой каменных наконечников: маленьких — для стрел и больших — для копий.

Лето уже кончалось. Начиналась дождливая осень. С каждым днём становилось всё ясней и ясней, что до весны нечего было и думать пускаться в дорогу.

Пижму

С самого дня похорон Мандру спокойный сон покинул старого Пижму. Он боялся. В руках этого Уоми — убийцы Мандру — его заговорённый посох. Захочет — выпустит Хонду, и Огненная Девка снова придёт его терзать. Он вспомнил то время, когда хворал, и волосы зашевелились на его голове.

Лихорадка мучительна сама по себе. Но для Пижму главный ужас заключался в образе страшилища Хонды. Он хорошо помнил, как она приходила к нему, чтобы пить по ночам его кровь.

Почти каждую ночь будила его тревога. Он садился на нары и боязливо осматривался. Прислушивался к мирному дыханию спящих, следил, как медленно догорает огонь в очаге, как тлеют затухающие угли.

Иногда он подбрасывал в очаг несколько сучьев и снова ложился, чтобы мучиться до утренней зари. Но чаще выходил, сгорбившись, наружу, опираясь на толстый дубовый сук.

Мысль об Уоми сделалась у старика неотвязной. Если Уоми попадался ему навстречу перед сном, Пижму, случалось, не мог уснуть всю ночь напролёт.

После одной из таких бессонных ночей Пижму полдня провалялся на нарах и с трудом поднялся с постели. В хижине была одна Кунья. Она сидела у очага и грела воду. Она кидала в воду раскалённые камешки и с любопытством следила за тем, как от них, шипя, поднимались пузырьки.

— Кунья! — позвал Пижму хрипло и глухо. — Сядь сюда. — Он поманил её пальцем.

Кунья вскочила и села около старика.

— Ходишь к Нае? — спросил Пижму.

— Хожу, — ответила Кунья.

Пижму молчал долго. Кунья подумала, что разговор кончен, хотела встать и уйти. Вдруг дед

крепко ударил ладонью по её коленке, и голос его загудел:

— Уоми враг! Хочет меня погубить. Снял с дерева мой заговорённый посох. За это прежде кидали в огонь!

Кунья со страхом следила, какой злобой вдруг исказилось лицо старика.

— Спрятал посох, а в посохе моя болезнь. Развяжет, выпустит, и мне — смерть! — Старик сжал кулаки, и щёки его побагровели. — Найди, Кунья, посох! Узнай, где спрятан. Не найдёшь, живой не оставлю!

Он вдруг схватил её за горло и так крепко сжал пальцами, что Кунья стала задыхаться. Она хотела крикнуть и не могла.

Пижму отпустил её и взял себя обеими руками за голову. Кунья сидела ни жива ни мертва. Она начала плакать. Всхлипывала потихоньку, и слёзы струйкой стекали по её грязной от копоти щеке.

Пижму услыхал плач Куньи и поднял голову.

— Иди! Делай! — приказал он.

Кунья перестала хныкать, помолчала и сделала вид, что соглашается. Лучше не спорить!

Кунья по опыту знала: послушание на словах — лучшее средство сделать в конце концов по-

своему.

В этой борьбе, которую вёл Пижму против Уоми, сердце девушки было не на стороне деда.

Замысел Пижму

Хитрости Пижму не приводили ни к чему. Кунья чуть не каждый день бегала к Нае. Старалась заходить днём, когда мужчины были на работе.

Порой Кунья осторожно переводила разговор на братьев, но, когда возвращался Уоми, Кунья умолкала, щёки её заливались румянцем. Крепко схватив руку Наи, она сидела не шевелясь и неотступно следила за Уоми.

Однажды она призналась Нае, что дед подсылает её для того, чтобы высмотреть, куда прячет Уоми заговорённый посох.

— Только пусть Уоми не боится: Кунье Пижму — волк. Она не сделает, чего он хочет.

Ная вечером пересказала всё матери и брату. Уоми насторожился.

Через несколько дней неожиданно пожаловал сам Пижму. Он старательно высмотрел, когда Аза остался один, и пришёл с явным намерением застать старика врасплох.

Но Аза не спал. Он сидел на полу и кашлял.

Пришлось и Пижму сесть у очага в ожидании счастливой минуты.

С усилием выдавливал он из себя слова, но разговор не клеился.

В довершение всего, вдруг вернулась Гунда. Она уселась на нары, усмехнулась и пристально стала смотреть на непрошеного гостя.

Пижму замолчал, покраснел, бегал виноватыми глазами.

— Не думай! — вдруг сказала Гунда. — Нет тут твоего посоха. Ступай-ка лучше отдохни от больших трудов!

Пижму съёжился, втянул голову в плечи и, не прощаясь, пошёл домой.

Несколько дней после того он чувствовал себя как побитая собака.

Но в одно ясное утро Пижму поднялся, против обыкновения, совсем весёлый. Сон ли ему добрый приснился, или пришла новая счастливая мысль? Он бодро поднялся, плотно поел и стал собираться в дорогу. Подозвал старшего брата Куньи, Гарру, и приказал приготовить лодку.

Гарру сбегал на пристань, пригнал лодку поближе к дому, вернулся и сказал:

— Готово. Челнок плыть хочет!

Пижму стоял перед очагом и надевал дорож-

ную одежду:

— Далеко поедем. Захвати с собой побольше еды.

Дед и внук взяли оружие, рыболовные снасти и уселись в долблёнку. Гарру поместился на корме и сильно толкал лодку шестом. Пижму подгребал и правил челнок коротким веслом.

Солнце поднималось всё выше над озером. На заливных лугах блестели там и сям старицы, болота и лужи.

Урхату

В этот день солнце начало припекать уже с утра. Небо было безоблачно. Душное марево нависало над лесом. К полудню Гарру истомился вконец. Он взмолился об отдыхе. Пижму причалил к берегу.

Место выбрали удобное: на зелёной траве, под тенью густых берёз. Челнок вытащили на берег. Гарру, не теряя времени, кинулся в воду и долго окунался, мочил голову, фыркал и снова начинал окунаться. Дед тем временем высыпал на землю из горшка запас горячих углей, накидал сухих стебельков и раздул огонь.

После еды легли в тени на отдых. Пижму спал

спокойно, как будто забыл про свою тревогу.

После отдыха двинулись дальше. На западной стороне росли облака, похожие на снежные горы.

За одним из выступов берега вдруг открылась мрачная картина. Обгорелый лес с остроконечными копьями обугленных еловых стволов спускался здесь к самой воде. Множество деревьев, вывороченных ветром с корнями, лежало вершинами вниз по крутому скату берега.

— Поворачивай сюда, — сказал Пижму. — Причаливай к Щели!

Здесь к реке выходило устье глубокого оврага. У самого устья съехавшая вместе с глиняным оползнем огромная берёза низко наклонилась над рекой и купала в ней свои длинные ветви.

Гарру прикрыл ладонью от солнца глаза, и вдруг неподдельный испуг изобразился на его лице.

— Дед! — позвал он шёпотом. — Гляди: Лесовик!

На стволе поникшей берёзы сидел кто-то, кого едва ли можно было счесть за человека.

Лохматая копна бурых волос покрывала ему не только голову, но и шею и плечи. Волосатая грудь была закрыта широкой бородой, а рысья шкура, обёрнутая вокруг пояса, издали могла показаться его собственной шерстью.

Чудовище свесило к воде длинные кривые ноги и, казалось, вовсе не обращало внимания на плывущую долблёнку.

— Греби, греби! — грубо прикрикнул дед. — Какой Лесовик! Это Урхату!..

Гарру захлебнулся смехом. Об Урхату он слышал и раньше. Как это он сразу не догадался, к кому ехал дед?

Когда Пижму и Гарру подошли ближе к берегу, они поняли, почему Урхату не поднимает головы. Он пристально глядел в воду, а в правой руке держал свитую из жил длинную леску. Удильный крючок, вырезанный из белой кости, просвечивал сквозь толщу воды, а на поверхности плавал обломок тонкого сучка — поплавок.

— В гости приехал, — сказал Пижму.

— В дом пойдём, — ответил Урхату и спрыгнул с берёзы в воду.

Только тогда, когда Урхату подошёл вплотную, можно было вполне оценить, какое это несуразное, огромное существо.

Ростом был Урхату по крайней мере на голову выше Пижму. Его непомерно длинные волосатые руки и кривые ноги казались нечеловеческими. Длинные, с завитками брови нависали так низко, что глаза глядели из-под них, как из-под тёмных навесов.

— Налима привёз, — сказал Пижму и вынул со дна челнока большую рыбину.

— Хорош! — осклабился Урхату, взвешивая его на руке.

Порыв ветра вдруг зашумел в листьях деревьев. Сверкнула молния, и гулкий удар прокатился по небу.

Гарру наскоро выволок челнок на берег и бегом пустился догонять деда и Урхату, уже повернувших в устье оврага.

Овраг этот был мрачен, как его хозяин. Быстрый ручей пробил здесь себе узкое русло среди известковых скал.

Тропинка стала подниматься выше. Они взошли на просторную площадку, нависшую над обрывом.

Две собаки с яростным лаем бросились им навстречу. Урхату крикнул и замахнулся на них палкой. Собаки, поджав хвосты, отбежали к стене и стояли там, ощетинившись и злобно оскалив зубы.

Гарру с удивлением осматривался вокруг. Не было тут ничего похожего на жилище. Не было даже землянки. У каменной стены обрыва сидела средних лет женщина и потрошила рыбу. Урхату поставил перед ней корзину с новым уловом и сказал:

— Скорее! Гроза!

Не успел он закрыть рот, как в туче ярко сверкнуло, и почти в тот же миг оглушительно ударил гром.

— Идти надо, — сказал Урхату и повёл гостей за собой.

Через какие-нибудь два десятка шагов перед ними открылась большая ниша под выступом известковой кручи, а в глубине её — низкий вход в тёмное подземелье.

Урхату провёл гостей тесным коридором, и они очутились в большой и высокой пещере, освещённой внутри пылающим очагом. Вокруг него сидели несколько женщин и подростков.

Рефа

Подземельем назвать жилище Урхату можно было только отчасти. Одна половина находилась под каменным навесом и представляла действительно подобие пещеры, выбитой руками людей. Другая половина была просто глубокой и широкой ямой, прикрытой сверху слоем длинных жердей. Между краем каменного навеса и деревянной кровлей находилось узкое отверстие для выхода дыма. Оттуда падали капли дождя, и Урхату послал женщин прикрыть дыру шкурами. Но ещё долго после того срывались с деревянного потолка крупные капли пробиравшегося сквозь кровлю ливня.

Звук шлёпающейся на пол воды продолжал своеобразную музыку, к которой с робостью прислушивался Гарру. По временам это тихое лепетанье капель прерывалось оглушительными ударами и раскатами грома, от которых дрожали стены пещеры.

— Громовик воюет! — сказал Урхату, опасливо поглядывая на кровлю.

Урхату подбросил в очаг охапку сучьев, и высокое пламя ярко осветило подземелье.

Тут Гарру заметил, что лосиная шкура, висев-

шая на стене, вдруг шевельнулась. Край её стал оттопыриваться, и из-за неё вдруг выглянуло сморщенное старушечье лицо.

Маленькие зрачки по сторонам острого и горбатого, как совиный клюв, носа сверкнули из-под седых бровей и с любопытством уставились на сидящих у очага Гарру и Пижму.

— Входи, мать! Гости!

Занавеска откинулась, за ней открылся такой же узкий проход, как и тот, по которому они прошли в пещеру. В проходе стояла маленькая старуха, до такой степени сгорбленная, как будто её спина была переломлена пополам.

Старуха пожевала губами и затрясла головой.

— Что, Пижму? — заговорила она скрипучим голосом. — Знала, что придёшь. Беда у тебя? Помогать надо!..

Пижму прижал обе ладони к груди и низко наклонил голову.

— Поворожить приехал. Думал: Рефа стара, много дел знает. Чего сама не знает, скажут ей лесные духи.

Пока Пижму говорил, Рефа подошла к огню. Она не села, а только нагнулась, достала с углей печёную рыбку и молча пошла к своей занавеске.

— Рефа сейчас не будет говорить. Громовик

взбесился — покоя не даёт. Перестанет греметь, тогда буду ворожить.

Рефа отогнула занавеску и скрылась в глубине тёмного прохода.

Новый посёлок

Урхату родился в Ку-Пио-Су. В детстве его звали по-другому. Прозвище «Урхату» получил он за свой рост и несокрушимую силу.

На языке племени Ку-Пио-Су это имя означало «большой медведь». Ещё в молодости не поладил он с самим Мандру. Не нравилось ему слушать его приказы.

Взял лучшую лодку, посадил в неё жену, двоих ребят, собаку и младшего брата; взял мать, горбатую Рефу, оружие и весь домашний скарб. Ночью выехал из посёлка, и след его пропал надолго.

Никто не знал, куда он девался.

Только через несколько лет догадались, что он поселился в овраге Большая Щель.

Место это Урхату присмотрел себе ещё раньше и облюбовал его неспроста.

В давние времена, о которых самые старые старики слышали от своих дедов, в этом овраге был большой посёлок. Жило здесь племя «нуонки».

Они говорили на особом наречии и славились искусством добывать замечательно хорошие кремнёвые желваки в виде круглых камней величиной чуть не с детскую голову. Снаружи желваки были покрыты корой, а на расколе имели светло-серый тон.

Кремень, который они давали, был превосходен для ручной обработки. Желваки от удара кололись правильными кусками, отлично поддавались стёсыванию, «отжиму» и полировке, и дальние поселенцы приезжали к нуонкам выменять или выпросить хороших камней для собственных поделок.

Оказалось, что нуонки добывали кремень из толщи известковых пластов, делая глубокие шахты в известняке.

Шахта начиналась в виде очень широкой и круглой ямы. По краям выбивали ступеньки, и по ним можно было спускаться на самое дно шахты. На глубине в три-четыре человеческих роста добытчики кремня прекращали дальнейшее углубление ямы и начинали делать не очень длинные штольни, подземные галереи.

В известковом плитняке Щели оказалось целых три таких шахты. Они соединялись подземными ходами. Одна из них обвалилась, две другие со-

хранились хорошо.

Груды выброшенного известкового щебня вокруг каждой из шахт успели уже обрасти травой и кустами и отлично скрывали входные отверстия.

Вот в этих-то старых каменоломнях и поселился Урхату вместе со своим семейством.

Построить себе хижину всё-таки не так просто, как поселиться в готовой пещере, которую быстро можно приспособить под жильё.

Дикие звери, бродячие лесные люди иногда появлялись то здесь, то там в пустынных береговых лесах. От них хорошо было спасаться в тёмных каменоломнях.

Верхние отверстия шахт Урхату закрыл стволами молодых сосен, а на них навалил толстый слой торфа и земли.

Население нового выселка из Ку-Пио-Су начало быстро увеличиваться.

Рождались дети. К семьям двух братьев прибавился ещё один молодой поселенец с пожилой женой и кучей её ребят. Жена эта скоро умерла. Поселенец решил добыть новую и отправился сватать невесту в один рыбацкий посёлок. Сватовство было удачным: он привёз себе сразу двух жён. Оба брата тоже высватали себе по новой

невесте. Женские руки были нужны. Хлопот было много: устраивать новое жильё, шить одежду, лепить глиняную утварь, мочить крапиву, сучить нитки для рыболовных сетей.

Для большей безопасности Урхату приволок из лесу толстую сосновую жердь, сделал из неё идола и поставил на площадке перед входом.

Урхату и Пижму мирно беседовали между собой, ожидая, когда замолчит Громовик. Наконец ветер утих. Туча миновала. На прояснившемся небе загорелись звёзды, и из-за леса показался тонкий двурогий месяц.

Меховая занавеска откинулась ещё раз, и Рефа позвала Пижму в своё подземелье. Оно было невелико. Низкий потолок его был неровен и покрыт тонкими сосульками известковых натёков. Посередине горел костёр. Рефа сидела перед ним на камне. Рядом с ней стоял высокий горшок, до краёв наполненный водой.

Голова старухи тряслась. Крючковатый нос нависал над беззубым ртом, губы беззвучно шевелились.

Пижму сел на другой камень и положил перед старухой ожерелье из костяных бус.

— Поколдуй, как спастись от врага. Уоми унёс посох, а в нём все мои болезни. Грозит выпустить, погубить хочет.

— Знаю, знаю, — усмехнулась Рефа. — Всё знаю! — Голова её затряслась ещё сильнее. — Что было, узнаем, и что будет, тоже узнаем, — бормотала Рефа.

Она наклонилась над горшком, бросила в него три сухих листка берёзы, стала дуть в горшок, и

глаза её, острые, как иголки, следили за тем, как забегали по воде эти гадательные листочки.

Быстро зашептали тонкие губы непонятные слова. Звучно капнула с потолка большая капля. Пискнула летучая мышь. Волхвованье началось...

Зима

Пижму вернулся на третий день весёлый и довольный. Он успокоился. Посиживал возле дома, выходил поболтать со стариками и совсем не говорил об Уоми.

Старшина охотников, казалось, забыл о том, кто ещё так недавно не давал ему покоя. Он перестал спрашивать о нём Кунью, перестал по ночам подходить к дому Азы. И только иногда, когда Уоми проходил мимо него, Пижму бросал ему вслед пристальный, полный ненависти взгляд.

Между тем наступила и промелькнула осень, по утрам стали ударять морозы. Облетела последняя листва. Только на дубах ещё желтели высохшие листья, не сдаваясь перед порывами осеннего ветра.

Наконец захолодало совсем. Небо окутали зимние облака, и как-то утром посёлок Ку-Пио-Су

проснулся весь усыпанный пушистым снегом.

С первой порошей в леса двинулись партии охотников. Рыба ушла в омуты. Рыбаки теперь превращались в звероловов. За зиму нужно было добыть побольше тёплых мехов.

Уоми и Тэкту сколотили дружную охотничью партию.

Гунда чинила зимнюю одежду, нашивала к рукавам длинные надставки, чтобы было теплее пальцам и чтобы в сильные морозы можно было глубоко запрятать в них озябшие руки. Каждому из сыновей она сшила по две пары запасных мягких и длинных меховых чулок.

Охотники перетягивали заново луки, подтачивали наконечники стрел, пробовали, прочно ли сидят острия дротиков.

Когда всё было готово, каждый из охотников уложил свою поклажу в объёмистую кожаную сумку. Туда запихали запасы сушёной и мороженой рыбы, запасное оружие и инструменты, нужные для жизни в лесу. Дорожный мешок прочно привязали к полозьям, скреплённым между собой лыком и деревянными перекладинами. Вещи прикручивали к салазкам длинным ремнём. К передним концам загнутых кверху полозьев привязали по крепкой ремённой петле.

Каждый охотник сам тащил свои узенькие и длинные санки.

В поход выступили рано утром. Шли гуськом, ступая по следам передового пешехода. Впереди и сбоку бежали пушистые белые лайки, приученные к охоте.

Тридцать дней пропадали охотники. Дни и ночи шли лесами и лугами, покрытыми снегом. Убитую дичину, пока она тёплая, ели сырой и только вечером, перед сном, пекли мясо на горячих углях костра. Спали в старых землянках, а то и просто в сугробах, как медведи в берлогах.

За это время набили немало больших и малых зверей. Гоняли зайцев собаками, деревянными тупыми стрелами сшибали с деревьев простоватых белок. Жили то сытно, то голодно, и по всему длинному пути ставили на звериных тропах хитрые деревянные ловушки, клали приманки в растянутые на земле ремённые силки и петли. С удивительной памятливостью замечали охотники места, где были ловушки, и на обратном пути не только не сбивались с дороги, но не забывали осмотреть ни одной оставленной в лесу западни.

Домой вернулись худые, чёрные, но с богатым запасом разных мехов. Родные их ожидали, и долго потом матери и сёстры усердно скребли

шкуры кремнёвыми скребками, очищая их от жира и мяса.

За когтями медведя

Прошло несколько дней. Морозы становились всё крепче. Белым инеем украсились вершины берёз.

В хижине Гунды все были в сборе: кто сидел на нарах, кто на полу. Уоми лежал на лосиной шкуре, заменявшей ему постель.

Вдруг меховой полог, висевший перед входом, колыхнулся, и из-под него высунулась бурая медвежья морда.

Женщины и дети с визгом бросились на другой конец хижины. Тэкту сорвал со стены копьё, Уоми схватил тяжёлую боевую палицу.

Медведь отбросил полог в сторону, встал на дыбы и… громко расхохотался.

Медвежья голова была только колпаком. Из-под неё глядело круглое волосатое лицо, густые брови и огромный рот, обросший усами и бородой.

Перед глазами испуганных женщин стоял Урхату, донельзя довольный своей шуткой.

Заразительный смех Урхату заставил смеяться всех, кто был в хижине. Смеялись мужчины и

женщины, смеялся, кашляя и махая рукой, дед Аза. Даже маленькие дети, испугавшиеся было вначале, перестали плакать и присоединились к общему веселью.

Насмеявшись вдоволь, хозяева усадили гостя у очага и стали угощать его вяленой рыбой. Гость ел с аппетитом, а хозяйки добыли из каких-то тайных запасов горшочек мёда, чтобы принять гостя послаще.

Урхату был весел. Смеясь, отвечал на расспросы, передавал разные лесные новости, рассказывал о страшной буре, которая пронеслась в конце лета над Каменной Щелью и поломала в лесу много сосен.

Ни слова не сказал только Урхату, что это случилось как раз в то время, когда у него гостил Пижму.

На другой день Урхату завёл речь о медвежьей охоте. Он выследил в лесу в густом буреломе берлогу. Урхату звал молодёжь идти вместе поднимать зверя. Пусть молодёжь поучится у старых медвежатников.

— Уоми пойдёт, — сказал Уоми.

В его воображении уже мелькнуло новое ожерелье из медвежьих зубов.

Тэкту, как эхо, повторил то же самое.

— Нет, — сказал Уоми. — Уоми хочет сам добыть медвежьи когти и зубы.

Тэкту выслушал молча, наклонив голову, и вдруг заявил твёрдо и решительно:

— Сын Дабу будет добывать зубы медведя, а Тэкту, сын Гунды, будет беречь его от медвежьих когтей.

Гунда так ласково взглянула на своего первенца, как никогда на него не глядела.

Сговорились выступить в поход на другой

же день и начали готовиться к охоте. В складе оружия достали две дубовые рогатины с остро отточенными концами. Взяли также два тяжёлых копья. В мешок положили сушёную рыбу.

Урхату пошёл ночевать к Пижму, но чуть только забрезжил свет, как его медвежья голова уже показалась из-за меховой занавески в доме Гунды.

— Уоми, собирайся! — рявкнул гигант, отряхивая снег с шубы.

Братья вскочили и вылезли наружу, где уже лежало заготовленное с вечера оружие и поклажа. Все трое подвязали лыжи и двинулись гуськом прямо через озеро.

Надо спасать Уоми

Не прошло и двух часов после ухода охотников, как Ная, запыхавшись, вбежала в дом и вызвала Гунду наружу.

Там, позади хижины, стоял, робко оглядываясь, Гарру, которого за руку держала Кунья. Вид у Гарру был растерянный. Он, видимо, чего-то боялся и всё посматривал в ту сторону, где виднелась кровля хижины Пижму.

Как только подошла Гунда, Кунья дёрнула бра-

та за рукав:

— Вот, расскажи! Всё расскажи, что слышал!

Гарру, заикаясь, стал говорить. Речь его была отрывистая и путаная. Но суть её можно передать так.

Ещё летом, после похорон Мандру, он возил деда Пижму в гости к Урхату. Пижму рассказывал ему, что боится Уоми: Уоми его враг, он завладел посохом, в котором заговорена его старая болезнь. Пижму просил друга помочь и спасти от Уоми. Потом они заставили колдовать старуху Рефу.

Была страшная гроза и гром. Рефа увела Пижму в свою пещеру. Там ворожила ему над водой и сказала, что Уоми может погибнуть от когтей медведя, если только лишится своего наговорённого ножа. Урхату обещал Пижму найти берлогу самого большого медведя, который живёт в соседнем лесу. Всю осень ходил он по его следам и выследил, где залёг медведь.

У самой берлоги, на сухих еловых сучках, Урхату нашёл клочок выдранной медвежьей шерсти. Урхату взял эту шерсть и принёс её к своей матери. Рефа заворожила шерсть и сказала: медведь теперь заколдован. Встретит Уоми — тот узнает его когти.

Урхату положил заворожённую шерсть за па-

зуху и пошёл в Ку-Пио-Су звать Уоми на охоту. Урхату спал в хижине Азы и подложил под изголовье Уоми медвежью шерсть. И вот Уоми сам захотел идти к заколдованной берлоге. Накануне, во время сборов, Урхату изловчился и вытащил заветный кинжал из дорожного мешка Уоми.

Этой ночью Гарру проснулся и услышал: шепчутся старики. Он притворился, что спит, а сам всё слышал. Урхату рассказывал про медведя и про то, как ему удалось вытащить из мешка Уоми волшебный нож.

Гарру из-под закрытых век следил за стариками и видел, как Урхату передал деду кинжал. Пижму долго смеялся и спрятал нож под изголовье.

«Теперь не бойся, — сказал Урхату. — Медведь убьёт Уоми. А если нет, это сделает сам Урхату».

Старики уснули, а Гарру долго лежал и думал. Жалел Уоми и не знал, как спасти. Уснул поздно. Проснулся — в доме никого! Ушёл куда-то и Пижму.

Вернулась Кунья и стала вздувать огонь. Гарру рассказал сестре всё, что слышал. Кунья бросилась к постели деда и вытащила волшебный кинжал Уоми. Она схватила брата за руку, и они побежали к дому Гунды…

Гунда стояла ни жива ни мертва:

— Где нож?

Гарру молча подал ей бронзовый нож.

Гунда схватила нож и спрятала его у себя на груди. Потом она бросилась будить всех мужчин:

— Вставайте! Идём спасать Уоми!

Она сбегала также к Карасю и подняла на ноги молодёжь в доме его старой жены. Захватить оружие было делом одной минуты. Скоро вся ватага вооружённых людей уже бежала по лыжному следу в погоню за коварным Урхату.

У берлоги

Урхату привёл Уоми и Тэкту в лес, заваленный буреломом. Ураган повалил здесь множество старых деревьев. Они лежали ещё зелёные, с неосыпавшейся хвоей. В одном месте бурелом был особенно велик. Деревья лежали вершинами в одну сторону, громоздились друг на друга, как будто какой-то великан заготовил здесь целый склад леса.

Тропинка, по которой Урхату ходил уже не раз, привела братьев к груде деревьев, опрокинутых вершинами к северу. Стволы, вывороченные с корнями, подняли целые пласты лесной почвы, которые вставали там и тут огромными земля-

ными стенами.

Тропинка оканчивалась перед двумя ёлками, лежащими рядом. Корни их, залепленные глинистой почвой, образовали что-то вроде земляных ворот.

— Здесь! — шепнул Урхату и ткнул пальцем в проход между ёлками.

Там, на снежном сугробе, покрывавшем нижние ветки елей, виднелось круглое жёлтое от дыхания медведя пятно.

Тут же сбоку был лаз, сделанный медведем.

Урхату поставил братьев здесь и велел ждать, а сам пошёл к другому лазу, чтобы оттуда пугать медведя.

Уоми приготовил рогатину. Воткнул один конец в снег, а «рога» направил против лаза. Тэкту взял наперевес тяжёлое медвежье копьё и стал рядом с братом.

Прошло минуты две, показавшиеся Уоми вечностью. Вдруг рявкнул зверь. Урхату пугал медведя, стукая по корням тяжёлой рогатиной. Что-то глухо охнуло в глубине берлоги, и прямо против Уоми показалась медвежья голова.

Уоми готовился нанести удар рогатиной, но медведь попятился и скрылся в берлоге. И вдруг послышался отчаянный крик Урхату. Слышна

была какая-то возня, трещали сучья, рычал медведь, и дико голосил Урхату.

Уоми бросил рогатину, выхватил копьё у Тэкту и бросился на выручку. Урхату лежал опрокинутый навзничь, а на него навалился рассвирепевший хозяин леса. Окровавленная и переломленная рогатина валялась тут же на снегу.

Медведь яростно драл когтями опрокинутого наземь врага и, казалось, ничего не замечал, кроме поверженного Урхату. Уоми подбежал к зверю вплотную и с размаху всадил в него копьё. Удар был настолько силён, что дубовое копьё глубоко вошло в тело. Зверь рванулся с такой силой, что копьё переломилось. Медведь ухватился за обломленное древко обеими лапами, как бы стараясь вытащить его из раны.

Уоми отпрянул в сторону и сунул руку в сумку, чтобы вынуть кинжал.

Кинжала не было…

Уоми был беззащитен перед разъярённым и раненым зверем!

Но медведь не бросился на Уоми. Он нагнул голову и вдруг стал падать и навалился всей тушей на лежащего под ним Урхату. Кровь хлынула из его пасти и залила голову старика.

В это время подоспел Тэкту и ткнул медведя рогатиной. Этот удар был уже лишним: копьё

Уоми и без того пробило медведю сердце.

Ещё несколько судорог, и медведь высунул язык и затих.

— Пей кровь, Тэкту! Пей, пока горяча. Твой удар!

— Нет, — сказал Тэкту. — Твоё копьё убило. Твоё копьё — твоя кровь!

Уоми нагнулся, смочил кровью ладони и облизал языком.

В это время раненый стал громко стонать. Братья принялись тащить медведя, чтобы освободить лежащего под ним Урхату. Туша была тяжела. Охотникам пришлось напрячь все силы, чтобы сдвинуть в сторону грузного зверя.

Вид истерзанного Урхату заставил их содрог-

нуться. Медведь когтями содрал кожу с затылка и темени и надвинул этот кровавый скальп на лоб и глаза охотника до самой переносицы. Шуба на груди была также изорвана медвежьими когтями, и несколько глубоких царапин шли наискось через грудь.

Тэкту ладонями приподнял голову Урхату и передвинул кожу на место. Потом он стал утирать снегом залитое кровью лицо.

Жалобный стон вырвался из груди Урхату. Он был ещё жив, несмотря на страшные раны. Потеря крови лишала его сил. Пушистым снегом засыпал Уоми рваные раны на груди. Урхату умолк, тяжело дышал и морщился от боли.

— Языком! Языком надо! — прохрипел он.

Тэкту стал лизать рану.

— Пусти! — сказал Уоми, отстраняя брата. — Дай и мне!

Он опустился на колени и начал зализывать глубокие царапины, выправляя скомканную кожу ссадин. Он лизал человечью и звериную кровь, которые смешались. Силы зверя и могучего человека переходили в его нутро.

Оба живы

Сзади затрещали кусты. Сквозь тёмные стволы деревьев показалась толпа бегущих людей. Впереди всех был Карась, за ним бородатые дядья Уоми, а дальше вооружённая чем попало молодёжь.

— Жив, Уоми? — крикнул Карась, издали махая руками.

— Уоми жив! А вот Урхату…

Толпа, ахая и задыхаясь, окружила место недавней схватки. Все с ужасом глядели на залитые кровью тела мёртвого медведя и раненого Урхату.

— Кто убил? — спросил Карась.

— Уоми, — ответил Тэкту. — Урхату был под медведем.

— Ну ему-то поделом! — с сердцем сказал Карась.

И тут все наперерыв стали рассказывать всё, что знали о кознях Урхату и Пижму. История с кинжалом и колдовством Рефы была рассказана с особенным негодованием.

Тут было покушение на жизнь и подлое воровство, а воровство в общине Ку-Пио-Су было почти

неслыханным поступком.

Карась вынул из сумки бронзовый кинжал и гневно замахнулся им на Урхату.

— На, возьми, Уоми! — сказал он. — Сам убей его.

Уоми взял нож и молча поглядел на Урхату.

— Убей! — прохрипел Урхату.

Уоми посмотрел на Урхату почти с жалостью:

— Нет, Уоми не тронет Урхату! Уоми с ним породнился: он только что лизал его кровь. Теперь Уоми не станет её проливать. Дабу сам наказал Урхату. Не медведь повалил его, повалил Дабу.

Урхату глядел с изумлением на врага, который не хотел ему мстить.

— Кто научил тебя? — сурово спросил его Карась.

— Пижму, — глухо сказал Урхату.

Люди стояли кругом тесным кольцом. Урхату зажмурился, чтобы не видеть столько враждебных глаз, которые казнили его позором.

— Отнесём Урхату в Большую Щель, — сказал Карась, — пусть там умирает. От медвежьих когтей раны не заживают.

— Убей… — едва слышно прошептал Урхату, взглянув на Уоми, и опять закрыл веки; он слабел с каждой минутой.

Охотники тихо совещались, как лучше нести. Карась говорил: надо сначала идти к реке, а там уж он знает дорогу.

Молодёжь наскоро сделала носилки. С трудом положили на них тяжёлого Урхату, и печальное шествие молча тронулось в путь.

— Уоми, — сказал Тэкту, — возьмём у него когти!

Он показал на медведя. Тэкту вынул из сумки кремнёвый нож, Уоми свой бронзовый, и пока Тэкту только распорол кожу вокруг правой кисти медведя, Уоми уже отрезал всю пятерню с длинными кривыми когтями. Тэкту с восхищением глядел на отточенное лезвие, которое так легко справлялось со своим делом.

Уоми быстро отрезал обе ступни и начал резать

голову. Тэкту помогал ему снимать кожу и заворачивал её вниз на шею.

Покончив с головой, братья уложили отрезанные части в мешки и пустились догонять медленно двигающиеся носилки.

На своих лыжах они быстро скользили по протоптанной и заметно покатой тропе. Они уже почти настигли шествие, как вдруг женский вопль пронзил морозный воздух. Навстречу с поднятыми вверх руками бежала женщина. За ней виднелись ещё несколько мужчин и женщин. Женщины голосили.

— Уоми! Уоми! — кричали они.

— Мать! — крикнул Тэкту и пустился обгонять шествие.

Уоми побежал за ним.

Это действительно была Гунда. Ей невмоготу было дожидаться жутких известий, и она решила идти сама по следу охотников.

Вместе с ней побежали Ная и ещё несколько женщин. Белая лайка, как всегда, увязалась за Наей. Скоро к ним присоединились трое подростков-мальчиков, которые захватили из дома луки и подвязали охотничьи лыжи. Когда Гунда проходила мимо дома Пижму, подошли Кунья и Гарру и также решили идти вместе с Гундой.

Женщины шли скоро. Тропа, уплотнённая ногами и лыжами стольких людей, была достаточно твёрдой. Когда толпа свернула от берега в лес, она наткнулась на медленно двигающиеся носилки.

— Уоми несут! — крикнули мальчики, и тотчас раздался тот потрясающий вопль, который заставил шествие остановиться.

Вопли разом умолкли, когда женщины увидели обоих братьев, бегущих навстречу.

— Жив! Жив! — кричали кругом, и Гунда, радостная, но ещё с мокрыми от слёз щеками, бросилась в объятия Уоми.

Тэкту молча стоял рядом и ждал. Ему так хотелось, чтобы мать взглянула и на него.

Гунда вдруг выпустила Уоми и испуганно оглянулась:

— А Тэкту? Где Тэкту?

— Вот он, — тихо сказал Тэкту, ловя её руки.

— Оба живы! Оба живы! — всхлипывала она, не зная, на кого из них глядеть.

Медленно подошли остальные. Носилки опустили на землю. Начались расспросы и длинные рассказы о том, как всё случилось.

Урхату лежал как мёртвый с закрытыми глазами. Он ещё дышал, но был в забытьи.

Здесь толпа разделилась. Женщины вместе с близнецами и подростками повернули назад, в Ку-Пио-Су, остальные понесли Урхату в Каменную Щель.

Впереди шли Гарру и Карась. Они показывали

дорогу.

Кто защитит?

Пижму трепетал.

Уоми вернулся цел и невредим. Союзник и друг, Урхату, — при смерти. Все замыслы заговорщиков разоблачены. Все заклинания и злое колдовство старухи, которой боялись ближние и дальние соседи, сокрушены и развеяны явным покровительством самого Дабу. Едва ли не самым страшным представлялось Пижму таинственное исчезновение волшебного кинжала, который он сам запрятал под свою постель.

Гарру молчал, а Гунда обещала Кунье не открывать никому её секрет.

Весь Ку-Пио-Су гудел от страшного негодования против Пижму. Его заговор против Уоми и воровство кинжала оттолкнули от него даже тех, кто до сих пор был на его стороне.

В первый же день после возвращения сыновей Гунды до ушей Пижму донеслись песни Ходжи, сложенные в честь Уоми. Люди ходили толпой за близнецами и требовали ещё и ещё раз рассказать о победе над свирепым жителем берлоги и о тайных кознях врагов.

Пижму сидел дома, мрачный и подавленный. О том, как всё произошло, он узнал ещё накануне: Кунья под свежим впечатлением рассказала домашним о славной победе Уоми и позоре Урхату.

Спросил только:

— А где Гарру?

— Понёс с мужчинами Урхату в Щель. Помирает Урхату.

Пижму весь съёжился, замолчал. До ночи он сидел один. Семья ушла слушать Ходжу и бесконечные рассказы Тэкту и Наи.

Вернулся Гарру на другой день. Он даже не взглянул на деда и сейчас же куда-то ушёл.

К вечеру старик вышел было на улицу. Он прошёл на край посёлка поглядеть в ту сторону, куда так недавно уходил Урхату вместе с близнецами. Но тут он почувствовал ещё острее своё одиночество. Женщины отворачивались. Мужчины, завидев его издали, поворачивались спиной и уходили. Девушки подталкивали друг друга локтями и шептались.

Два старика, сидевшие у домов, низко опустили лица и старались на него не смотреть. Один даже зажмурился, а потом закрылся ладонью.

В стороне, позади хижин, заметил он близнецов и с ними вместе сыновей Карася. Они сдирали

шкуру с медведя и собирались его потрошить. Тут же стоял и его внук Гарру.

— И он с ними! — прошептал Пижму.

Сгорбившись, ушёл он домой и больше не показывался.

Вечером старики собрались у Азы. Они не сговаривались — вышло как-то само собой. Им не сиделось дома. Смутная тревога гнала их пойти к кому-нибудь в надежде, что станет, может быть, легче.

Неладно было в Ку-Пио-Су. Тот, кого признавали они старшим, потерял их уважение. Отменить старшинство нельзя, как нельзя было прибавить или убавить себе рост. Старшинство — это не должность. Пижму продолжал оставаться старшим, несмотря ни на что. Но в этом-то и была беда. Старший, потерявший уважение, превращался в ничто. Община теряла свою голову.

Перед костром Азы сидели старики на полу и молчали. Только изредка перекидывались они словами и умолкали опять.

О чём было говорить?

Словами испорченного дела не поправишь. Надо было действовать, но в том-то и дело, что никто не знал как.

Нет головы. Кто защитит Ку-Пио-Су, когда при-

дёт беда?

Аза тоже молчал. Он только иногда насмешливо посматривал на сокрушённых собеседников. Больше половины их чувствовали себя неладно, потому что недавно ещё дружили с Пижму.

Впрочем, Аза не только молчал. Его руки были заняты рукодельем. Перед ним на нарах лежало двадцать огромных когтей убитого медведя. Уоми просверлил их насквозь кремнёвым шилом. Азе оставалось только их подвязать. Он брал их по очереди и продевал в каждое по короткому сухожилию. Потом взял крепкий, но тонкий ремень, примерил на себе в виде широкого ошейника и начал привязывать к нему когти. Навязывал не как попало: самые крупные когти — в середину, самые мелкие — по краям ожерелья. Центр оставался свободным. Сюда предполагалось навязать четыре клыка, выдернутые из медвежьей пасти.

Когда ожерелье было закончено, Аза весело взглянул на свою работу, поднялся с постели, и глаза его сверкнули.

— Старики, — раздался его добрый голос, — вот медвежье ожерелье! Уоми добыл эти когти и эти зубы. Вот кто защитник Ку-Пио-Су! Уоми, сын Великого Дабу!..

Выгнал из дому

На другой день, несмотря на мороз, всё Ку-Пио-Су пировало. На большом костре, горевшем перед домом, женщины обжаривали надетые на палки куски медвежьего мяса. Слои толстого подкожного жира топились в глиняных горшках на выгребенных из-под костра углях.

Но вот мясо изжарилось, и женщины начали сзывать всех на пир. Они звонко кричали:

— Есть! Есть! Есть!..

Из всех домов стали вылезать и не спеша под-

ходить к костру люди. Каждый получал свою порцию. Двадцатипудовым медведем можно было досыта накормить весь посёлок.

Только Пижму никто не позвал. По обычаю, если старший не мог сам по болезни прийти на пир, лучший кусок всё-таки подносили ему. Обыкновенно для этого посылали молодых женщин, по одной от каждого дома.

На этот раз никто не соглашался отнести мясо.

Наконец позвали Кунью, и старшая сноха Пижму подала ей палку с нацепленным на неё куском жаркого.

— Отнеси деду! — приказала она.

Кунья вспыхнула, и протянутая было рука опустилась вновь.

— Не пойду! — сказала она.

Насилу её уговорили.

Кунья пошла неохотно, останавливалась в растерянности на дороге и наконец, собравшись с духом, вошла в дом:

— Дед, прислали тебе!

Она протянула ему обжаренный кусок.

Пижму не сразу понял.

— Кто прислал? — спросил он, нахмурив брови и беря мясо.

— Все. Празднуют они.

Пижму нахмурился ещё больше:

— Что же, кроме тебя, некого было прислать?

— Некого, — чуть слышно шепнула Кунья.

— Что празднуют? Откуда мясо?

— Медвежатина, — шепнула Кунья. — Уоми убил.

Тут только понял старик стыд своего положения. Весь посёлок празднует победу его врага, а ему, как последнему человеку, присылают подачку.

Пижму побелел от злобы и вдруг поднялся во весь свой огромный рост.

— Вон! — закричал он не своим голосом, и кусок мяса вместе с палкой полетел в голову девушки. — Убью! — рычал он, рассвирепев ещё больше оттого, что Кунья успела увернуться.

Он вскочил на нары и сорвал со стены висевшее там копьё.

Кунья бросилась в сени и опрометью выбежала вон.

Она слышала, как брякнуло в стену копьё и как яростно гремел сзади голос деда:

— Ступай к своему Уоми! Убью, если вернёшься!

Кунья в ужасе мчалась через весь посёлок. Ей казалось, что дед гонится за ней по пятам.

Только у хижины Азы она оглянулась. Деда не было видно.

Дрожа, как в лихорадке, вбежала она в дом и с рыданьем бросилась к Гунде.

— Убьёт! Убьёт! — кричала она. — Сейчас придёт сюда!

— Кто убьёт? Что ты? — спрашивала Гунда.

— Дед! Пижму! Убить хочет!

— За что убить?

— За медвежатину. Меня послали. Я принесла, а он копьём. Пролетело мимо…

Тут только стала понимать Гунда, что именно произошло.

— Не нужно было посылать, — сказала она. — Он думает — над ним смеются.

— Зверь он! Зверь! — всхлипывала девушка.

Гунда как могла успокаивала Кунью.

— Стой, я посмотрю, — сказала она, выглянула наружу и сейчас же крикнула ещё из сеней: — Нет его! Не выходил.

— Не придёт он сюда, — раздался голос Азы. — Побоится. Уоми не даст обидеть.

Кунья понемногу стала приходить в себя. Она глубоко вздохнула и благодарно взглянула на белого как лунь Азу. По сравнению со страшным

дедом он казался ей таким добрым, несмотря на свои свирепые брови.

Гости и хозяева сидели вперемешку. Ели молча, медленно откусывая мясо маленькими кусочками.

Кунья сидела в стороне и, как будто забывшись, молча глядела на Уоми.

— Кунья, что же ты не ешь? — спросили её.

Кунья вздрогнула и стала плакать.

Гунда рассказала, что дед её выгнал и бросил в неё копьём.

Кунья вдруг громко заголосила:

— Не пойду, не пойду к деду! Сказал — убью!

Все стали её утешать. Гунда убеждала её не бояться. Старик сегодня сердится, а завтра забудет. Кунья ничего не хотела слушать.

Суаминты

Выгнав из дому внучку, Пижму, шатаясь, вернулся к своему ложу. Дикая вспышка обессилила его. Бешенство сменилось унынием.

Тяжело дыша и хватаясь рукой за грудь, с усилием взобрался он на нары и тяжело упал на меховую постель.

В голове у него звенело, кровь колотилась,

шумело в ушах; чудилось, что лежит в болотной трясине и вязнет в ней с головой.

Тяжёлое забытьё охватило его.

Очнулся он утром. Сердце у него ныло. Но странно: он помнил, что случилось что-то плохое, но что именно — вспомнить не мог.

Только постепенно вернулась память. Он сидел на нарах угрюмый и мрачный.

Между тем жизнь в Ку-Пио-Су шла своим чередом. Мужчины добывали из-подо льда рыбу, ловили налимов, гарпунами, насаженными на длинные шесты, тыкали в глубокие омуты и выталкивали со дна уснувших на зиму сомов. Молодёжь ходила на охоту. Стреляли глухарей и рябцов, били тупыми стрелами белок, ставили западни на куниц.

Женщины сидели по домам и шили из меха зимние мужские и женские одежды.

Однажды мирное течение жизни было нарушено военной тревогой.

Молодёжь из дома Сойона прибежала из лесу с громкими криками:

— Суаминты! Суаминты!

Суамintами жители Ку-Пио-Су называли лесных бродячих людей. Это было прозвище загадочного племени, говорившего на чужом

языке. Когда племя рыболовов стало расселяться с юга на север, оно всюду встречало этих людей. Они питались только мясом птиц и зверей. Малолюдные орды этого народца вечно переходили с места на место в поисках обильной добычи.

Постоянных селений они не имели, у них были только временные становища в два-три небольших шалаша, сплетённых из древесных ветвей. Зимой они жили в землянках.

Как только в окрестностях звери начинали попадаться реже, орда бросала становище и переселялась в другую местность.

Рыболовы, напротив, жили гораздо более крупными посёлками, построенными на удобных для ловли местах: на речных островках или по берегам богатых рыбой озёр.

Рыболовы всюду оттесняли суаминтов от своих поселений. Вернее, те сами уходили в глубь лесов, куда рыболовы не заглядывали.

Суаминты редко подходили к берегам больших рек. В Ку-Пио-Су о них не было слышно по целым годам. Но иногда они вновь начинали бродить в окрестностях посёлка.

Об их появлении узнавали не только по случайным встречам. Суаминты охотно таскали попадавшуюся в ловушки добычу, а иногда воро-

вали, кстати, и звероловную снасть.

Были случаи, когда они похищали детей и женщин. Это делало их особенно ненавистными. Среди рыболовов ходили фантастические, но упорные слухи, будто они людоеды и поедают всякого, кто попадётся им в руки.

На этот раз нападению подвергся один из сыновей Арры, жены Сойона. С утра молодой Сойон ушёл проверять поставленные ловушки и не вернулся. На заре товарищи отправились на поиски. Места, где были поставлены ловушки, были хорошо известны. После долгих поисков молодого Сойона нашли у дальних ловушек. Окровавленное тело его было истыкано в нескольких местах.

Убили охотника, чтобы ограбить. Унесено было всё: меховое платье, обувь, охотничья сумка и всё оружие.

Братья Сойона внимательно изучили следы, оставленные убийцами. Опытные следопыты определили, что здесь было не менее девяти человек. Ушли они в глубь леса, двигаясь прочь от реки. Шли гуськом, и следы их сливались в одной протоптанной тропе.

На снегу, возле трупа, валялся короткий сломанный лук и одна стрела. Форма лука и грубого

каменного наконечника разрешила все сомнения. Убить молодого Сойона могли только суаминты.

Преследовать убийц немедленно было рискованно. Их было, считая и убитого, всего пять человек. Оставалось только бежать домой, чтобы собрать народ.

Весь Ку-Пио-Су закопошился, как растревоженный муравейник. Все, кто был ещё способен носить оружие, вооружились копьями, пращами, дротиками и дубовыми палицами. Наскоро подвязывали лыжи и на ходу надевали тёплую одежду. Все поголовно собрались в погоню за суаминтами.

Человек двадцать, более бойких, уже двинулись вперёд.

— Стой! — раздался вдруг оклик Уоми, когда толпа поравнялась с хижиной Гунды. — Нельзя уходить всем: суаминты хитры. Нападут без нас — кто защитит детей с матерями?

Бойцы остановились:

— Кому же идти?

— Пойдут самые быстрые ноги.

— Слова Уоми, как мёд, — сказал Карась. — Иди отбирай, кому в поход.

Уоми подошёл и стал отводить в сторону тех,

кто посильней и помоложе.

— Старшие останутся в Ку-Пио-Су!

Странно, что никто не удивлялся: сам моложе чуть ли не всех, а его слушают, как деда.

— Ведь он Уоми!..

Незаметно авторитет переходил от седых к юному сыну Дабу. Власти старшего старика со времени позора Пижму больше не существовало.

Подходившие сзади бойцы спрашивали:

— Почему остановка?

Им отвечали:

— Уоми отбирает дружину.

— Бегуны пойдут. Кто постарше, будет стеречь Ку-Пио-Су, — сказал Уоми.

Все соглашались, что так лучше. Уоми рассудил, как седой. И каждый послушно отходил туда, куда указывал сын Дабу. Из молодых только одному Гарру велел Уоми остаться.

— Гарру бегает скоро! — обиженно заявил тот.

— Что же, — сказал Уоми. — Понадобятся и тут твои ноги. Нужно в Ку-Пио-Су быть хоть одному бегуну.

Старшему Сойону Уоми отвесил низкий поклон:

— Кланяемся тебе, Сойон, будь вожаком в

походе!.. Кто из отцов всех лучше знает леса? — обратился он к толпе.

— Сойон! — отозвалось несколько голосов.

— Кто будет больше всех торопить погоню?

— Сойон! Суаминты надругались над его сыном.

Сойон, сидевший молча на камне, поднялся, страшный, волосатый, с багровым от ветра лицом:

— Сойон будет гнаться, как волк!

Опытный охотник был польщён. В словах Уоми почувствовал он признание своих прав и как мстителя за убитого сына и как первого знатока лесных тропинок.

— Стойте ещё, — остановил Уоми. — Тэкту, тащи вяленой рыбы. Запастись надо не на один день.

Несколько человек бросились помогать Тэкту.

Позади каждого дома Ку-Пио-Су была зимняя кладовка. Она была похожа на большое гнездо орла. Помещалась она на врытом в землю столбе. Её набивали вяленой или мороженой рыбой. Ни волк, ни лисица, ни забежавшая в посёлок лесная мышь не могли добраться по столбу до запасов.

Тэкту прислонил сделанную из сучковатой сосны подставку и взобрался по ней, как по

лестнице. Там он раскрыл кладовку и стал выкидывать вниз охапками кипы сушёной рыбы. Все торопливо набивали ею свои охотничьи сумки.

Сойон с сыновьями Арры двинулся вперёд, и три десятка бойцов зашагали следом за ним. Всем не терпелось скорее попасть к тому месту, где в лесу, на окровавленном снегу, валялось окоченелое тело молодого Сойона.

Лесная война

Несколько суток об ушедших не было ни слуху ни духу.

В ночь на пятый день жители посёлка были разбужены лаем и воем собак. Псы заливались так яростно, что люди похватали оружие и выбежали из домов.

Ночь была тёмная. На небе, окутанном тяжёлыми облаками, не видно было ни одной звезды. Псы, столпившись у пристани, тявкали хором на лесистый берег. Там кто-то ходил: собаки чуяли чужих. Волки ли подходили к посёлку или лихие люди? Надо было дождаться света. Идти в темноте никто не решался.

Карась приказал разжечь костёр:

— Пусть знают, что мы не спим.

Интересно, что седые держались теперь совсем пассивно. С тех пор как старший в роде опозорил себя участием в воровстве, они совсем растерялись.

Самые деятельные только давали советы в кругу своих. Но выходить на первый план и командовать, как они делали раньше, никто из них не решался. Больше всех слушались Азу, но он был слаб ногами и почти не показывался вне дома.

Карась, как хороший оружейник и мастер, пользовался славой умелого человека.

Руководство в укреплённом посёлке как-то само собой перешло к нему.

После тревожной ночи Карась с двумя десятками мужчин отправился на разведку.

На льду озера, на снежной пелене, виднелись свежие человеческие следы. Было ясно, что люди подходили к островку довольно близко и потом повернули назад, когда поднялась тревога.

— Испугались! Бегом бежали, — усмехался Карась.

Обратные следы были расставлены гораздо дальше друг от друга.

Следов было много. Можно было подозревать, что на этот раз соединилось вместе несколько

мелких орд и суаминты в поисках лучших мест двигались группами гораздо более крупными, чем обычно.

Решили всё-таки пройти по пробитой тропе и проследить, куда она направляется. Но не успели они сделать и тысячи шагов, как вдруг шедшие впереди были осыпаны целой тучей стрел.

Люди отряда, который вёл Карась, двигались вереницей друг за другом, и потому передняя

часть оказалась в невыгодном положении. Она была охвачена силами неприятеля, которые нападали не только спереди, но и с боков. Стрелы у суаминтов были плохой отделки, но стреляли они метко, и несколько человек были ранены или серьёзно ушиблены в этой перестрелке. Пришлось быстро отступать. Суаминты криками и свистом преследовали рыболовов, которые бежали до самой опушки. Выбежав из леса, рыболовы почувствовали себя смелее. Суаминты привыкли сражаться в лесу, прячась за стволами, нападая из-за кустов и поваленных деревьев. На открытом месте они действовали неуверенно. Они не умели наступать строем, не знали никакой дисциплины и привыкли действовать, как кому взбредёт в голову.

Они были на этот раз многочисленнее своих врагов, но выступить из леса и лишиться своих прикрытий всё-таки не решались.

Завязалась перестрелка.

Суаминты держались за кустами и деревьями лесной опушки. Отряд Карася отошёл от неё на

расстояние полёта стрел суаминтов и, развернувшись широким строем, обстреливал, в свою очередь, врага.

Тем временем быстроногий Гарру уже мчался по льду в Ку-Пио-Су за подмогой, хотя воинов, способных сражаться, оставалось там немного.

Перестрелка продолжалась довольно долго. Карась уже начал опасаться, что суаминты тоже получат подкрепление. Они становились всё смелее, и один отряд их начал обходить рыбно-озерцев с фланга.

Положение становилось настолько трудным, что Карась хотел уже отступить к укреплённому островку Ку-Пио-Су, как вдруг вся картина боя резко изменилась.

Позади суаминтов раздался громкий рёв неожиданной атаки. На них бросился с тыла возвращавшийся отряд Уоми.

Захваченные врасплох, суаминты хотели бежать, но бежать было некуда. Спереди на них бросились бородатые бойцы отряда старших. Суаминты попали между двух огней. Успели спастись только бывшие на флангах. Остальные были почти все перебиты.

Бойцы ликовали, радуясь блестящей победе. Старшие восторженно обнимали так удачно

подоспевшую молодёжь, и все, не слушая друг друга, кричали и рассказывали о своих подвигах.

Когда прошёл первый пыл, стали искать Уоми. Но его нигде не было.

— Где же Уоми? — с тревогой спросил Карась.

— Жив он или убит?

— Жив, жив! — ответил за всех Сойон Старший. — Сзади идёт. Отстал там с двумя ранеными.

— Подойдёт скоро, — успокаивали другие.

Но сколько ни ждали, никто из лесу не показывался.

— Неладно! — сказал Карась. — Идти надо отыскивать.

И весь отряд молодых, с Сойоном и Карасём во главе, двинулся обратно в лес. С ними пошло несколько старших.

Только сильно ушибленные или раненые повернули в сторону Ку-Пио-Су, откуда им навстречу уже спешили остававшиеся там старики, а за ними — женщины и дети.

По следам суаминтов

Что же случилось с Уоми?

В первый день, когда отряд выступил в путь, су-

аминтов нагнать не удалось. Отряд быстро дошёл до той полянки, на которой был убит сын Сойона. Его тело по-прежнему валялось у опушки, но, когда к нему подошли ближе, крик ужаса вырвался из груди отца. Головы у трупа не было. Она была отрезана и, очевидно, унесена вернувшимися сюда суаминтами.

Некоторое время все стояли в каком-то оцепенении. Молчание вдруг разорвали вопли Сойона. Он кричал, потрясал копьём, грозил кулаком и клялся жестоко отомстить людям, отнявшим у него сына.

Потом он вдруг как-то разом затих и глухо сказал:

— Надо хоронить…

Весь отряд принял участие в похоронах. Общими усилиями была вырыта в снегу большая яма. Её засыпали снегом, из которого соорудили могильный холм. Сверху закидали валежником и стволами молодых сосен.

Старый Сойон обратился к духу поляны и пригласил охранять лежащий под холмом прах сына.

На этом церемония кончилась.

До самой ночи продолжались поиски врага. Было уже совсем темно, когда тропа подошла к

обрывистому берегу лесной речушки.

Тут след разделялся надвое. Один спускался прямо вниз, другой шёл по краю обрыва, пропадая между кустами.

Сойон и Уоми решили остановиться. Во мраке трудно было разбираться в следах. Нельзя поэтому было решить, по какой тропинке идти.

Пока люди устраивались, Сойон, Уоми и Тэкту решили пройти втроём по той и другой тропинке. Сперва спустились по береговому склону до самой реки. След повернул влево и пошёл по льду в ту же сторону, в какую шла и верхняя тропинка.

Разведчики вернулись обратно и пошли по береговой тропинке. Но едва сделали они двести-триста шагов, как Сойон поднял голову и сильно втянул носом воздух.

— Нюхай! — сказал он, толкая локтем Тэкту.

— Дым! — отозвались близнецы.

Сойон послюнил палец и поднял его над головой. Едва заметный ветерок слабо тянул как раз им в лицо.

Разведчики осторожно прошли ещё немного. Скоро приблизились они к краю берегового обрыва, и тут им в глаза ярко блеснул огонёк. У самого берега внизу горел костёр, и лёгкий дымок от него медленно плыл навстречу.

До стоянки оставалось пройти ещё тысячи две шагов. Тогда они вернулись и подняли на ноги уже успевших уснуть бойцов. Весь отряд осторожно стал подкрадываться к лагерю суаминтов.

Очутившись над обрывом, Сойон быстро нашёл место, по которому лучше было спускаться. Сверху можно было хорошо разглядеть стоянку.

Внизу горели костры. Чернели укутанные еловыми ветками шалаши. Были видны и снежные хижины, похожие на большие бугры снега. Суаминты ужинали. Пахло жареным мясом.

В ближайший к засаде костёр кинули охапку сухих ветвей. Затрещала хвоя, искры фонтаном взлетели вверх. Вспыхнувший огонь осветил всю стоянку, и можно было разглядеть, что на верхушке воткнутого в землю шеста чернела волосатая голова человека.

Сойон крикнул, и его отряд скатился вниз. Застигнутые врасплох суаминты заметались, разыскивая валявшееся на земле оружие. Женщины бросились бежать по льду к противоположному берегу.

Началась яростная схватка.

Более рослые и крепкие, рыболовы быстро сломили сопротивление суаминтов. Рассвирепевший Сойон крушил врагов дубовой палицей с

тяжёлым камнем на конце.

Суаминты рассеялись; каждый из них думал только о собственном спасении.

Возвращение

На другой день отряд поднялся поздно. Измученные ходьбой и яростной битвой, все крепко спали.

Уоми, напротив, не мог уснуть до утра от сильного возбуждения. Он обошёл лагерь кругом и убедился, что табор стоял тут уже давно. Снег кругом был крепко утоптан. Везде валялись отбросы. Во все стороны расходились тропинки.

«Если бы у них были собаки, — подумал он, — они бы не дали нам незаметно подкрасться».

Следующий день отряд провёл в том же лагере. У рыболовов не было убитых, но были раненые, и трое — довольно тяжело. Раненые, ослабев от потери крови, лежали в шалашах, прикрывшись мехами, которые они нашли тут же в изобилии.

Кроме того, утром обнаружили большую, уже ободранную тушу лося. Уставшие люди с удовольствием жарили и ели мясо и отдыхали возле костров.

Более выносливые вместе с Уоми и Сойоном

занимались разведками по всем дорожкам, идущим от табора.

Сойон, как только проснулся, наклонил шест и снял с него голову человека. Он узнал в ней черты сына и горько заплакал. Потом положил голову в сумку:

— Отнесу туда. Нехорошо телу без головы!

Разведки велись до самого вечера, но не привели ни к чему.

На четвёртые сутки один из тяжело раненных умер. Его зарыли и поставили над ним посох. Другие окрепли настолько, что уже могли идти. В путь выступили утром, но из-за больных отряду пришлось ещё раз переночевать в лесу.

Этот последний переход больным был особенно труден. Провианта в отряде было мало. Все торопились домой. Раненые скоро начали отставать. Сойон со своим отрядом ушёл вперёд, чтобы успеть похоронить голову сына в той же яме, где лежало и тело.

Чем более спешили передовые, тем сильнее растягивалась вереница людей. Позади всех двигались двое раненых. С ними вместе шагал Уоми. Рядом шёл молодой боец, внук Ходжи, высокий Аносу, не отходивший от Уоми.

Вдруг один из раненых заохал и уселся на по-

валенном стволе. Ему нужно было отдохнуть. Тут Уоми заметил, что весь отряд уже скрылся из глаз.

Уоми попробовал кричать, но ветер дул навстречу, и в отряде его не слыхали. Никто не откликнулся.

Тогда Уоми послал Аносу догнать отряд и сказать, чтобы он подождал отставших.

Посланный пустился бежать и скрылся за поворотом тропинки. Уоми остался ждать, когда отдохнут раненые. Он чувствовал сильную усталость. Веки его слипались, и он незаметно погрузился в то состояние полусна, которое наступает у сильно утомлённых людей.

Древко боевого копья было воткнуто в рыхлый снег по правую его руку.

Вдруг сильный удар дубиной по голове заставил Уоми вскрикнуть. Кто-то наскочил на него и опрокинул на землю. Уоми успел заметить, что какие-то серые фигуры накинулись на обоих раненых. Он рванулся и выскользнул из обхвативших его рук, но второй удар оглушил его, и он потерял сознание.

Пятеро подкравшихся быстро прикончили обоих раненых и были в восторге от неожиданной удачи. Когда через две минуты Уоми приоткрыл

глаза, он увидел пятерых победителей, плясавших военную пляску вокруг распростёртых на земле тел.

Один из суаминтов накинул на шею Уоми ремённую петлю и потащил его по снегу.

Лицо Уоми побагровело, потом стало синеть. Он чувствовал, что задыхается. В это время ремешок лопнул, и суаминт, потеряв равновесие, ткнулся носом в снежный сугроб.

Товарищи громко хохотали, глядя на то, как он поднимался с лицом, залепленным снегом.

Уоми лежал, как труп. Но сознание на этот раз не покинуло его. Он решил не шевелиться, чтобы не навлекать на себя новые удары. Он слышал, как суаминты тараторили над его ухом. Потом они отошли в сторону и резкими, гортанными голосами переговаривались между собой.

Ухо его уловило слово «майямо», которое они повторили несколько раз. Светлеющее сознание напомнило ему, что слово это — одно из немногих, которое ему было знакомо. Оно означало на языке суаминтов «хотим есть» или «мы голодны».

Внезапно разговор прекратился, и всё затихло. Уоми осторожно приоткрыл веки и, не меняя позы, старался присмотреться к тому, что про-

исходит. Он увидел прежде всего спину того самого суаминта, который чуть не задушил его. Он сидел на снегу согнувшись и что-то доставал из привязанной к поясу сумки. Остальные четверо скрылись в чаще. В это время суаминт оглянулся.

Уоми лежал неподвижно с полузакрытыми глазами.

Через несколько минут послышались глухие удары камня о камень. Уоми понял, что суаминт выбивает из кремня искры. Затаив дыхание он снова стал вглядываться в то, что происходит.

Два суаминта вдали тащили по охапке сухих сосновых ветвей, а добывающий огонь стоял на коленях и, согнувшись, высекал искры на собранные кучки хвои. Суаминты бросили ветки возле него и побежали опять за топливом.

Уоми почувствовал, как постепенно жизнь возвращается в его тело.

Ждать дольше было нельзя. Нужно было действовать.

В это время суаминту удалось добиться того, что хвоя начала тлеть. Он улёгся ничком, спиной к Уоми, и стал раздувать искры. Это был момент, который мог не повториться.

Беззвучно, но упруго, Уоми повернулся, поднял-

ся на четвереньки, выхватил из-за пазухи свой бронзовый нож и кинулся на суаминта. Ударом под левую лопатку он пригвоздил его к земле.

Одного взмаха было довольно. Суаминт только охнул и сразу затих…

Дорога домой была свободной, потому что суаминты отправились за топливом в другую сторону.

Уоми быстро нагнулся над убитым и одним взмахом отрубил ему правое ухо. Это была древняя примета. Если хочешь, чтобы охотничье счастье осталось за тобой, отрежь ухо у только что убитой жертвы.

Сунув ухо за пазуху, Уоми бросился бежать по дорожке.

Вдруг воющие голоса прорезали воздух. Уоми увидел, как слева от него двое выскочили из лесу и, бросив охапки наломанных веток, мчались ему наперерез.

Один из них бежал быстрее другого. В руках у него была только длинная палка.

Уоми приготовился к бою. Первый из нападавших выскочил на тропинку впереди него и остановился. Но он не рассчитал: прежде чем он опомнился, Уоми сшиб его с ног и поразил кинжалом.

В этот миг второй преследователь, вооружённый дротиком, тоже выскочил на тропинку. Но вместо того чтобы вступить в рукопашную схватку, в которой дротик имел явное преимущество перед ножом, он остановился и метнул копьё.

В Уоми проснулась вся его зоркость. Он быстро нагнулся, и копьё свистнуло над его головой.

В следующее мгновение суаминт уже лежал на земле, вцепившись пальцами в занесённую над ним руку Уоми.

Но Уоми был много сильнее. Он вырвал руку и вонзил нож в сердце суаминта.

С этим было покончено почти так же быстро, как с двумя первыми. Одним ударом Уоми отсёк у него ухо и выпрямился, чтобы оглянуться назад. Два суаминта бежали через поляну, но были ещё так далеко, что Уоми успел вернуться и отрубить ухо и у второго убитого.

Теперь он выпрямился, чтобы немного отдохнуть. Он заметил при этом, что преследователи направлялись не прямо к нему, а к тому месту, где они начали готовить костёр и где бросили своё оружие.

Дерзкая мысль мелькнула в его голове. Он смерил глазами расстояние и понял: от костра он находился ближе, чем суаминты. Кроме того,

ведь он на твёрдой тропинке, а они бежали по рыхлому снегу.

Решено! Он кинулся бежать так быстро, что ветер засвистел в ушах, и добежал до костра, когда суаминты были ещё не так близко.

Копьё Уоми по-прежнему торчало в снегу, и тут же валялся на земле тугой лук и стрелы убитого

товарища.

Суаминты опешили.

«Теперь я с оружием», — подумал Уоми.

Но суаминты колебались только один миг. Они вытащили из-за пояса пращи и стали закладывать в них метательные камни, доставая их из привешенной на поясе сумки.

Враги и не думали отступать. В опытных руках пращи — страшное оружие. Два раза камни прожужжали над его головой — Уоми два раза нагнулся.

«От пращей надо отстреливаться!»

Он воткнул в снег схваченное было копьё. Суаминты подступали и расходились в стороны. Они действовали, как пара волков: когда один нападает спереди, другой забегает с тыла.

Уоми не стал дожидаться.

Тетива загудела, как тугая струна, и один из суаминтов сел на снег с пронзённой насквозь шеей. Обеими руками он старался вырвать засевшую стрелу, но вдруг стал клониться к земле и свалился на бок. В это время сильный удар камня в локоть заставил Уоми опустить левую руку. Она онемела, и острые мурашки забегали по ней от пальцев до самого плеча.

Уоми бросил лук и вырвал из снега копьё.

Но когда последний суаминт увидел, что остался один против страшного противника, храбрость покинула его, и он опрометью бросился бежать.

Уоми погнался за ним, как лисица за зайцем.

Оба они бежали по тропинке. Уоми настигал. Суаминт понял, что на тропе ему не спастись, и кинулся в сторону.

Расчёт был верен. По рыхлому снегу Уоми без лыж не мог бы за ним угнаться. Но вдруг суаминт зацепился и шлёпнулся ничком. Он стал подниматься, но было поздно.

Отряд, вернувшийся в лес, нашёл Уоми только к вечеру.

Он сидел в стороне от тропы, под высокой ёлкой. Искавшие прошли бы мимо, если бы он их не окликнул. Он был в одной нижней одежде. Рядом с ним нашли трупы пяти убитых суаминтов.

Когда в Ку-Пио-Су узнали о том, как боролся Уоми один с пятью суаминтами, никто не мог усидеть на месте. Женщины всплёскивали руками, как будто своими глазами видели страшную

битву.

Вечером, в кругу стариков, Уоми должен был рассказать всё о своём походе.

— Вот, — сказал Уоми, — правду говорил седой: «Не бойся, Уоми. Носи этот нож. Нож с тобой — никто тебя не одолеет».

Уоми вынул из-за пазухи и кинул к ногам стариков пять отрезанных человечьих ушей.

— Сын Дабу! — сказал Ходжа. — Один против пяти. Кто в Ку-Пио-Су может сражаться так, как Уоми?

Хонда

Все эти события, потрясшие жизнь Ку-Пио-Су, проходили без всякого участия Пижму. Он почти нигде не показывался.

За последние дни он сильно осунулся и похудел. Он с трудом поднимался, чтобы присесть к очагу, когда все домашние собирались обедать.

Несколько дней он жил надеждой, что его враг не вернётся из опасного похода.

Но когда Уоми вернулся, и притом с блестящей победой, Пижму пришёл в полное уныние.

Что это за человек? Над ним бессильны все нашёптывания и наговоры. Неужели и в самом

деле Дабу ему помогает?

И он, Пижму, старший в Ку-Пио-Су, вождь охотников посёлка, в руках у этого мальчишки! Уоми может сделать с ним что хочет. Такого унижения Пижму не знал за всю свою жизнь.

Опять начались ночные кошмары и муки бессонницы. Опять старик вскакивал по ночам и бродил между хижинами.

В одно из таких ночных похождений бушевала снежная метель, и Пижму жестоко простудился. На другой день к нему вернулась лихорадка.

Первый же приступ болезни заставил его потерять последнее мужество.

— Вот оно! — шептал он, стуча от озноба зубами.

В бреду мерещилась ему Огненная Девка — Хонда. Она приходила к нему, чтобы напиться его крови. Его терзали призраки, и среди них самым страшным был сам Уоми с бронзовым кинжалом в руках.

Старому Пижму было совершенно ясно: болезнь «развязана» руками этого человека. Это сводило его с ума. Каждую минуту чувствовал он себя в таинственной власти Уоми.

Зима между тем приближалась к концу. Вернулась из леса охотничья артель, с которой

охотился Гарру. Гарру и его товарищи ставили ловушки около Каменной Щели и один раз зашли переночевать в подземелье Урхату.

Гарру рассказывал о нём диковинные вещи.

Урхату не только не умер от страшных медвежьих ран, но, кажется, стал ещё сильнее, чем прежде. Рефа отходила его. Она зашептала его кровь и заколдовала его раны. Она мазала их барсучьим жиром и закрывала кленовыми листочками.

Через две луны она подняла его на ноги. Прошла ещё одна луна, и вот он опять ходит на охоту и уже убил большого кабана на болоте.

Тут Гарру оглянулся назад. Пижму, который перед тем лежал неподвижно на спине, теперь сидел на своём ложе, и глаза его горели. Дикая радость освещала его лицо, и он ещё и ещё заставлял повторять внука о том, как Рефа вылечила Урхату от смертельных ран.

На другой же день он приказал сыновьям и внукам отвезти его в Щель.

Из двух длинных лыж смастерили подобие широких саней, усадили на них укутанного мехами деда и вшестером повезли по льду, по накатанной лыжной тропинке.

Едва отъехали от домов, как разыгралась ме-

тель. Ветер гнал перед собой белую позёмку. Из туч повалил густой снег. Он покрывал белым слоем головы и плечи людей. Сыновья предлагали Пижму вернуться, но старик упрямо отказывался.

Непременно сегодня же добраться до Щели! Ведь там колдунья Рефа. Только она одна может спасти его из-под власти Огненной Девки.

Ная и Кунья вышли посмотреть, куда повезли больного Пижму.

Они долго следили за тем, как всё больше и больше разгуливалась метель и как в облаках крутящихся снежинок исчезали из глаз закутанные в шкуры и меха сыновья и внуки Пижму.

Куррумба

Три дня бушевала эта последняя зимняя метель.

Ветер выл и свистел, врываясь в дымовые дыры домов. И как ни старались закрывать их шкурами и широкими полотнищами, сшитыми из кусков берёсты, вьюга сшибала их, и на очаг сыпалась сверху мелкая снежная пыль.

И вдруг всё разом переменилось. На небе засияло радостное солнце. Ласковым ветром потянуло с тёплой южной стороны. На концах еловых ветвей повисли ледяные сосульки, и вокруг каждого ствола стали протаивать воронкой накопившиеся за зиму сугробы.

К полудню солнце так припекало, что снег между хижинами Ку-Пио-Су начал быстро чернеть. Ещё через день кое-где появились и первые лужицы талой воды.

Дети и взрослые почти поголовно высыпали на улицу и весело повторяли магическое слово:

— Куррумба!..

«Куррумба» означало «весна», ранняя весна. Но

содержание этого слова было гораздо сложнее.

«Куррумба» означало также «лебедь». Первоначальный, узкий смысл этого слова был именно таков. Это было название большой белоснежной птицы, перелётные стаи которой появлялись на озере, как только вскроется лёд.

Пролетели лебеди, это значит — кончились морозы, пришла пора песен и птичьего гомона. Вместе с первыми птицами прилетает радость ко всему живому.

Но «Куррумба» означало также «старшая мать лебедей», мать — повелительница всех лебединых племён.

Лебединая мать, Куррумба, имеет таинственную силу. Она может оживлять всё, что уснуло или ослабело во время долгой зимы.

…В одну из тёплых весенних ночей Уоми проснулся, сбросил с себя меховое покрывало. Кругом было всё как обычно. Спали на привычных местах домашние. Чуть тлели угольки погасшего очага, и в просвете дымной дыры уже сияла заря.

Уоми улыбался.

С первой весенней порой снова и снова повторялся его прежний волнующий сон. Ему снилась девушка. Это была та самая, с ясными, как луна,

глазами и волосами цвета соломы, которая снилась ему столько раз с тех пор, как он вернулся на родину.

Сон начинался, как всегда, поисками лодки и встречей у ольховых кустов. И опять девушка звала его туда, к берегам Большой Воды, и говорила, что только там она откроет ему своё имя.

Уоми накинул одежду и осторожно вышел.

Улица между домами, ещё недавно блиставшая снеговой белизной, стала тёмной и покрылась лужами.

Тихие звуки заставили Уоми прислушаться. Это был странный шум, который прерывался отзвуками глухих ударов.

Вскрывалась река. Прибыла вода, ломала ледяную кору, дробила её на тысячи тяжёлых кусков.

«Река начала, скоро начнёт и озеро».

Уоми с восторгом вдыхал бодрящий воздух.

— Куррумба! Куррумба! — говорил он и прижимал обе ладони к сердцу.

И, как бы в ответ на его призыв, из-за леса показалась стая птиц. Это были первые лебеди весны.

И пылкому воображению Уоми казалось, что впереди них летит сама великолепная Куррумба, чудесная лебединая мать, подгоняемая тёплым ветром.

«Скорее, скорее! Полетит и Уоми в свадебный поход на край света. Куррумба уже прилетела…»

* * *

Когда прошёл лёд, Уоми и его дружина заторопились окончить последние сборы.

Молодёжь рвалась в путь. Карась и Ходжа настаивали на том, что надо ещё переждать. Старики мазали салом священные посохи невидимых духов-покровителей. Они жгли перед ними съедобные приношения. Они молили их защитить детей от опасностей.

Перед самым отъездом к дружине Уоми стало примыкать всё больше и больше народу.

В поход собралась вся молодёжь. К ним присоединились вдовые мужчины и даже некоторые из женатых, жёны которых состарились и поседели. Из старших собрался в поход также Сойон. Жена его бросилась в погребальный костёр, который зажгли, когда справляли тризну по убитому суаминтами Сойону Младшему. Она хотела сопровождать его в странствиях по рекам и озёрам страны теней.

Гунда крепилась изо всех сил. Её привязанность к сыновьям, особенно к Уоми, не ослабевала с годами.

Она гордилась его удалью. Она краснела от счастья, когда при ней говорили о подвигах её сына.

Уоми уходит, она больше не увидит его. Он уйдёт не только из Ку-Пио-Су. Он уйдёт к той, которая ему снится.

Если он и вернётся, то вернётся не к ней, не к Гунде. Он построит новый шалаш для девушки с Большой Воды.

Ледоход прошёл, и озеро очистилось ото льда. Гунда с тревогой выходила на берег и следила, не начала ли убывать вода.

Нет, нет! Она ещё прибывает. Сегодня она ещё выше затопила берег, чем накануне.

Гунда поднималась на холм и смотрела оттуда, как река и озеро сливались в одно огромное море. Весна соединяла то, что было в разлуке весь год. Заливные луга, затопленные половодьем, стали продолжением озера и реки и были местом их слияния. Больше не было Рыбного Озера и отдельной от него реки. Было одно широкое, безбрежное море Ку-Пио-Су. Над ним летали чайки, плавали стаи лебедей. Сама лебединая мать, Куррумба, умывала в воде свои белоснежные крылья.

Как-то вечером вернулся Уоми и весело крикнул:

— Ну вода стала сохнуть!

У Гунды упало сердце. Она встала и ушла, чтобы посмотреть, не ошибся ли Уоми.

Нет, он не ошибся. Вода отступала, и большой камень, который ещё утром был затоплен, теперь выглянул из воды и завтра выйдет совсем на берег.

В эту ночь щёки Гунды были мокры от слёз.

— Уоми уедет! Уоми уедет! — шептала она.

Кругом спят. Никто её не услышит.

Вдруг чья-то рука обвила её шею. Это была Кунья.

С тех пор как Пижму выгнал Кунью, дом Гунды стал для неё своим. Когда Пижму увезли в Каменную Щель, родные звали её назад. Старик остался в подземелье колдуньи. Он отослал сыновей, и вот уже больше месяца о нём не было ни слуху ни духу. Кунью уводили иногда братья и сёстры обедать, но вечером она всё-таки возвращалась и укладывалась спать рядом с Гундой. Гунда заменила ей мать.

Гунда ласково провела рукой по её лицу. Оно горело и было так же мокро, как её собственное.

Обе женщины обнялись и уснули. Им не нужно было ни о чём спрашивать друг друга. Они плакали об одном и том же.

Отъезд

На заре Гунда встала деятельная и бодрая, как всегда.

Во всех домах Ку-Пио-Су раздували огонь, и над кровлями уже поднимались серые струйки дыма. Женщины готовили прощальный обед.

Когда стали спускать лодки, весь посёлок вышел провожать отъезжающих. Девушки утирали

слёзы. Старики давали последние советы. Ребятишки суетились и бегали вокруг домов. Даже карапузы, насосавшись молока из материнских грудей, выползали из домов и смотрели на лодки круглыми глазами.

Наконец Карась скомандовал:

— Садись!

Он влез в свою огромную новую лодку и оттолкнулся шестом от берега.

Раздалось глухое бормотанье бубна, и Ходжа затянул песню.

Вслед за Карасём стали отчаливать и другие лодки. Уоми искал глазами мать, чтобы последний раз обнять её перед отъездом. Но Гунды нигде не было видно.

— Скорее! Скорее! — торопили его товарищи.

Уоми ещё раз огляделся во все стороны и только тут заметил лёгкий челнок, в котором сидели мать, Кунья и Ная.

— Мать! — радостно крикнул Уоми.

— Проводим немного. Переночуем с вами одну ночь...

Водяной караван растянулся. Речная струя помогала ему. С берега громко кричали. С передней лодки всё тише и тише доносился глухой рокот бубна и певучий говор певца Ходжи.

На другое утро население Каменной Щели было разбужено голосами, доносившимися с реки.

Из шалашей и подземельев вылезли женщины и дети и побежали к реке. Мужчины захватили луки и стрелы и тоже пошли за ними.

Длинная вереница долблёнок выходила из-за крутого выступа берега. Челны быстро шли по течению.

— Что за люди? — спрашивали друг друга жители Каменной Щели.

Пижму с Урхату не спеша спускались к реке.

Урхату прикрыл глаза широкой, как лопух, ладонью. Начал считать, загибая пальцы; четыре пясти загнул целиком и ещё один лишний палец.

Вот сколько было лодок!

Лодки шли мимо. Ни одна не завернула в гости.

Пижму жадно впился зоркими глазами в ту лодку, которая шла впереди.

Рефа помогла ему от лихорадки. Она поила его настоем полыни, и Огненная Девка на время оставила его в покое.

— Молодые плывут. Из Ку-Пио-Су! — сказал он глухо. — За невестами. На край света собрались. Где Большая Вода, туда поехали…

— Чего же погостить не заедут? — спросил Урхату.

— Пусть едут! Назад бы не возвращались…

Урхату спустился к самой воде.

— Дай-ка лук, — сказал он младшему сыну.

С лодок давно уже заметили людей. Видели, как Урхату натянул лук и стал целиться. Стрела свистнула в воздухе и упала в воду, не долетев нескольких шагов до лодок. Она не утонула, а поплыла по воде.

Уоми повернул к ней. Стрела была без каменного наконечника. Такими стрелами бьют белок, чтобы не дырявить им шкурок.

На заднем конце было привязано что-то белое. Это было длинное крепкое перо из лебединого крыла.

Лебединое перо! Знак весны, мира и дружбы. Приглашает помириться и забыть недоброе.

Уоми также взял в руки лук. Стрела, пущенная

Уоми, вонзилась в мокрый песок у самых ног Урхату. Стрела была с тяжёлым кремнём на конце, а на заднем крепко был прикручен жилами большой коготь медведя.

Часть третья
Вестник

Качнулись высокие метёлки тростников. Кто-то пробирался через густые заросли, закрывавшие озёрную гладь. Слышно было, как хлюпала вода и ломались шуршащие стебли.

Но вот чаща тростников раздвинулась, и на луговину выпрыгнул маленький человечек, мокрый с головы до ног. Целые потоки воды стекали с короткой безрукавки, облегавшей его тщедушную фигурку.

Выйдя на сушу, человечек пугливо оглянулся и, тяжело дыша, стал отряхиваться, словно собака. Отряхнувшись, он стал отжимать руками густые пряди волос, потом оглянулся ещё раз и, пригнувшись, зашагал вдоль тростников. Пушистые побуревшие метёлки рогоза высоко покачивались над его головой.

Из болотной низины поднялся он на суходол и вступил в весёлый берёзовый лес, по которому вилась тропинка. Местами она приближалась к опушке, и тогда сквозь стволы деревьев перед глазами путника развёртывалась необъятная

водная гладь.

Там, вдали, она упиралась прямо в небо.

Большая Вода!

Человек в рысьей шапке подкрался к кустам и принялся внимательно вглядываться в даль. Но не красота величественного озера занимала его. Он зорко высматривал, что делается там, на маленьком островке, откуда ему только что удалось бежать.

Там тихо дремал лагерь чужих людей. Они появились как будто из-под земли и неожиданно захватили его в плен вместе с братом.

Нет, там ещё никто не просыпался. Чужие мирно спали в своих челноках, вытащенных на плоский берег.

Никто не заметил его побега. Никаких признаков погони или хотя бы малейшей тревоги! Беглец спокойно мог продолжать свой путь.

К полудню он уже пересёк берёзовый лес, и тропа привела его на берег узкого залива, окружённого, как рамой, зелёными берегами.

Внизу, посреди залива, как будто из воды, поднимались остроконечные кровли, похожие на вигвамы индейцев. Над ними курились синеватые струйки дыма. Доносилось звонкое тявканье собак. Дома стояли не на земле, а на помосте,

положенном на сваи. Помост в виде большой подковы охватывал искусственную полукруглую гавань. В ней виднелись привязанные около домов лодки.

С другого берега к посёлку тянулся песчаный мысок. Его конец подходил близко к одной стороне подковы и соединялся с ней узенькими бревенчатыми мостками. По ним можно было перебраться в посёлок, но для этого пришлось бы обойти весь длинный конец залива.

Человечек в рысьей шапке сбежал прямо вниз и громко стал вызывать лодку.

Через несколько минут от посёлка отвалил небольшой челнок, на корме которого стоял человек с длинным веслом в руках. На нём была надета такая же короткая безрукавка, но длинные волосы, заплетённые в косы, позволяли догадаться, что это была женщина.

— Набу! Откуда? Где твоя лодка? — крикнула она, причаливая к берегу.

— Скорей! Скорей! — ответил Набу. — Вези! Беда! Чужие!..

На пригнанном перевозчицей челноке Набу переправился через пролив, и тотчас же во всём посёлке поднялась неописуемая тревога. Люди выскакивали из домов, с криком метались туда

и сюда или, сгрудившись вокруг прибывшего, без конца заставляли его повторять о том, что произошло. А произошло вот что.

Накануне два рыболова из Свайного посёлка ловили рыбу по берегам озера. Они перегородили сетью небольшую бухту и медленно тащили сеть к берегу, рассчитывая выловить всю зашедшую сюда рыбу.

И вот в устье бухты показалось несколько лодок с вооружёнными людьми.

Заметив рыбаков, лодки повернули к ним, и оба ловца превратились в пленников.

Чужестранцы говорили каким-то особенным говором, но понять их было можно. Они добивались от рыбаков одного: где находится их посёлок.

Каву, другой рыбак, испугался. Показал, куда надо плыть, и теперь лодки чужаков уже на Медвежьем островке. Там они сделали привал, развели костёр, пекли рыбу, поставили сторожевых, а пленников связали и положили на песок, под опрокинутую лодку.

Всю ночь Набу силился развязать руки. Под утро это ему удалось. Осколком кремня разрезал ремень, которым были спутаны ноги. Потом стал подкапывать песок у края чёлна. Сперва сделал

только дыру, чтобы оглядеться. Кругом все спали. Стал копать глубже. Высунул голову. Увидел, что сторожевые у костра уснули. Тогда вылез, дополз до воды и поплыл. Никто не заметил его бегства.

Добравшись до берега, Набу пролез тростниками до сухой земли, а затем, через берёзник, тропинкой, добежал домой.

— Что за люди? — спрашивали старики.

— Чужие! Все большие. Вот какие большие!

Набу поднял руку и показал, какого роста чужестранцы.

— Много ли?

— Лодок у них вот сколько!

Рассказчик два раза растопырил по десяти пальцев.

— Лодки короткие. Меньше наших. Лодки простые, безголовые…

— А-ах! — удивлялись слушатели.

Лодки Свайного посёлка все были снабжены носовым украшением в виде оленьей головы. Чёлн, по мнению рыбаков, существо живое. Как же ему быть без головы? Голова нужна, чтобы видеть. В голове живёт душа лодки. Лодке без головы не хватает ума. На безголовой лодке опасно ходить по Большой Воде.

Разные посёлки на озере различались по типу носовых украшений лодок: у одних были оленьи головы, у других — птичьи, у третьих — рыбьи.

Расспросив всё про лодки, стали спрашивать про оружие.

— Копья у них большие. Луки большие. Палицы — вот какие! Когда Каву пугали, махали на него палицами. Каву заплакал. Всё им рассказал.

Дрожал со страху.

Вопросам не было конца, и Набу едва успевал на них отвечать.

Старики начали совещаться.

Чужие

В посёлке, кроме женщин и детей, в это время оставалось всего восемь седых стариков и только четверо мужчин-бойцов. Остальные уехали на Мыс Идолов.

Как раз накануне прислал за ними дочерей сам Ойху, суровый хозяин Мыса. Прослышал, что поймали в яму медведя. Велел сказать: медвежатины давно не ел хозяин Ойху.

Повезли ему живого медведя, опутанного толстыми ремнями.

Медведя положили на самую большую лодку и крепко привязали к бортам.

Медведь ворочался и раскачивал лодку. Когда уже далеко отъехали от посёлка, всё ещё было слышно сердитое оханье связанного зверя.

Больше суток нужно грести, чтобы добраться до Мыса. Когда же вернутся защитники?

Набу говорил:

— Чужие очень страшные. Что против них

могут старики, женщины и дети?

Йолду, старик стариков, молча слушал стоны и хныканье женщин. Его желтоватое скуластое лицо в глубоких морщинах было неподвижно. Ни страха, ни заботы на нём не отражалось.

Вдруг он поднял над головой большой, изукрашенный резьбой жезл вождя рыбаков, и все замолчали.

— Мужчины и женщины, старики и подростки! Пусть все возьмут по копью, — сказал он. — Чужие придут, издали не разберут, много ли в посёлке бойцов.

В Свайном посёлке поднималось больше двадцати пяти кровель. Дома были меньше и не так вместительны, как в Ку-Пио-Су. Но народу в посёлке было больше, чем в Ку-Пио-Су.

Около шестидесяти человек обоего пола вооружились копьями, дубинами, луками и каменными топорами.

Издали в самом деле видно было, что весь посёлок ощетинился лесом копий. Глаза у Йолду повеселели.

— Съездить за мужчинами! — сказал он.

Несколько человек сразу вызвались ехать. Йолду махнул рукой:

— Сам выберу!

Старик обвёл толпу глазами.

Малорослые люди жили в хижинах Свайного посёлка. С давних пор породнились они с низкорослыми желтолицыми племенами в окрестностях Озера. Давно утратили они облик своих предков, переселившихся с берегов Великой Реки. И ростом, и особым складом скуластого лица, и разрезом глаз они стали сильно напоминать желтолицых. Только язык оставался родственным языку коренных жителей Великой Реки.

Сам Йолду, маленький, кривоногий и худой, казался невзрачным даже среди женщин и подростков посёлка. Но подслеповатые, узкие глаза его глядели хитро и остро, и вся родня привыкла слушаться старшего деда.

— Мужчин не пошлю, — сказал Йолду. — Мужчины тут нужны. Кто из жён бывал на Мысе Идолов?

Йолду выбрал из отозвавшихся двух пожилых и самых смышлёных женщин и велел собираться в дорогу.

Скоро челнок с двумя посланными уже отваливал от пристани. Весь посёлок следил за тем, как он вышел из залива и завернул за лесистые выступы берега.

Йолду всё ещё не покидал пристани. Что-то его

беспокоило.

Наконец он подозвал двух подростков-внуков и велел им собираться в дорогу. Он посылал их добраться до Мыса Идолов пешком по берегу. Опасался, что, может быть, посланные в лодке не смогут благополучно пройти, если их заметят чужие.

Мальчики, захватив по лёгкому копью, быстро перебежали мостки и пустились напрямик сухопутной тропинкой.

Йолду, проводив глазами юных гонцов, пробормотал на дорогу доброе заклинание, приказал разобрать мостки и, покачав головой, вернулся в хижину.

Свайный посёлок понемногу успокоился и затих.

Вдруг громкий крик спугнул тишину. Кричали девушки, указывая пальцами в сторону озера.

Тревога охватила весь посёлок. Устье залива было занято целой флотилией лодок. Это были лодки чужих.

Лодки вереницей входили в залив. Гребцы действовали не вёслами, а шестами. Лодки были действительно простые, без голов, и это сразу без ошибки позволило узнать, что приближаются чужие. Но среди них видна была одна лодка с лосиной головой.

Все в один голос решили, что посланные на Мыс Идолов попали в плен к чужестранцам.

В лодке с лосиной головой видны были две, вероятно, женские фигуры, которые сидели, подперев ладонями щёки. Гребцов не было. Лодку тащил за собой самый крупный челнок

чужестранцев, зацепив багром лосиную голову пленного челнока.

Чужие высадились против Свайного посёлка и вытащили на берег свои челноки.

Высадившиеся на берег люди развели четыре костра. Женщины уже суетились возле огня, мужчины стояли кучей в стороне от берега и о чём-то совещались.

Вдруг мужчины пришельцев подошли к краю берега. Все они стали лицом к посёлку и, как будто по команде, бросили оружие.

Потом опустились сначала на колени, а затем легли ничком, прижимаясь к земле щеками и лбом. Это был ясный знак мирных намерений чужестранцев.

Йолду стоял в кучке стариков и вглядывался в то, что делается на берегу.

— Легли! — прошептал он. — Мирно хотят прийти.

Старики засмеялись, показывая друг другу поредевшие зубы.

Йолду вышел вперёд и бросил копьё на землю. Все остальные жители посёлка также опустили оружие.

— Верните женщин! — громко кричал тонким голосом Набу.

Через некоторое время от берега отделились две лодки.

В одной сидели Уоми и Сойон Старший, в другой — женщины.

К общему удивлению, пленницами оказались не посланные на Мыс Идолов, а две дочери Ойху, которые накануне уехали из посёлка. На корме у них сидел за гребца красавец Тэкту, и обе женщины разглядывали его с любопытством.

— Не бойтесь! — сказал Сойон Старший, подъезжая к посёлку. — Невест хотим сватать. Присылайте стариков. Подарки им есть.

Знакомство

Мирное знакомство завязалось. Молодёжь Ку-Пио-Су угощала Йолду и других стариков мёдом. Карась дарил мужчинам оружие. Старым женщинам посёлка надели на шею ожерелья из перламутровых раковин.

Гости привезли с собой убитого лося, и жители посёлка получили по куску печёного мяса.

Хозяева не оставались в долгу. Они накормили гостей сёмгой, и гости хвалили нежный вкус красной рыбы:

— Никогда такой не пробовали!

После пира начались игры, и тут хозяевам пришёл свой черёд удивляться: такой рослой, сильной и красивой молодёжи они ещё не встречали.

Состязание в борьбе показало, что жители Свайного посёлка не в силах сравняться с чужестранцами. То же было и в других состязаниях: стрельбе из луков, бросании копий, метании камней пращами. Только на воде хозяева оказались первыми. В гребле пришельцы им уступали. Гости восхищались длинными челноками, украшенными на переднем конце лосиными го-

ловами. Таких длинных лодок и таких широких вёсел не умели делать в Ку-Пио-Су. Сам горбатый лодочник Карась должен был в этом признаться.

Снятые со своей жерди мостки снова были положены на место, и по восстановленному настилу почти всё население посёлка переправилось на противоположный берег, где расположился лагерь гостей.

Впереди, около большого огня, уселись старики посёлка с самим Йолду во главе.

С ними вместе — старшие из гостей: Карась, Сойон и Ходжа. Уоми и Тэкту стояли за костром с остальной молодёжью свадебной дружины.

Ходжа принёс с собой бубен, и до захода солнца из хижины Йолду раздавался звонкий голос певца.

Ходжа пел о далёком Рыбном Озере, о Великом Дабу, старике стариков над всеми дубами леса, о его душе, которая вылетает ночью из тёмного дупла филином-птицей и кружит над посёлком Ку-Пио-Су. Он рассказывал про таинственное рождение Уоми, про его необычайную судьбу, диковинные дела и подвиги. Про войну с суаминтами и про великий свадебный поход узнали жители Свайного посёлка из песен слепого певца.

Поздно вечером, когда стала гаснуть заря, хозяева посёлка по знаку Йолду неохотно удалились на свой островок. Гости стали укладываться в наскоро сделанных из зелёных веток шалашах, где скрывались их женщины, приехавшие с дружиной.

У большого костра оставили ночную стражу. По совету Сойона Уоми приказал дружинникам положить оружие у правой руки.

Ласковы были старики у большого огня, но пока сами дружинники ещё не посидели у очагов своих хозяев, первое знакомство оставалось только знакомством. Оно не было ещё закреплено обрядом дружбы.

Уоми не спалось.

Он вышел из своего шалаша и медленно зашагал к лодкам. На небе догорал закат, и багровая полоска отражалась в спокойной воде залива.

— Большая Вода! Большая Вода!..

Сколько раз шептали его губы эти слова.

Вот уже целый год, как он живёт одной мыслью.

Он дойдёт во что бы то ни стало до Большой Воды. Он одолеет всех, кто станет ему на пути. Он увидит сказочное озеро, за которым лежит таинственный «край света».

Он найдёт там то, что искал. Он увидит девушку своих сновидений.

Сбывались его мечты. Сны становились действительностью.

В Ку-Пио-Су ничего толком не знали о Большой Воде. Один только Ходжа-слепец говорил о ней понаслышке.

И вот она перед ним, эта Большая Вода! Он добрался сюда, пройдя несколько рек, протащив волоком лодки до верховьев последней лесной реки, которая привела наконец к желанной цели.

…Без малого три луны понадобилось свадебной дружине, чтобы от Ку-Пио-Су добраться до Свайного посёлка. Много дней странствовали они по озёрным берегам, посещая разные рыбацкие посёлки. Впрочем, таких посёлков встретилось немного. Робкие жители первого из них разбежались, завидев издали приближающуюся флотилию лодок. С большим трудом удалось вызвать людей из березняка, куда они попрятались в страхе перед чужими.

Только подаренный старшему деду посёлка костяной рыболовный крючок да маленький горшочек сладкого мёда заставили их оставить свои опасения. Старики ели мёд, облизывали пальцы и ласково улыбались. В этом посёлке дружина

сосватала нескольких невест. Несколько девушек добыто было и раньше на длинном речном пути.

Свайный посёлок, по рассказам, был самым крайним из больших поселений на берегу озера. Дальше были только пять домов около Мыса Идолов. Там живёт старый хозяин Мыса, колдун Ойху, его жёны и его родня. Ещё дальше на полночь пойдут только леса. Они шумят у пустынных берегов Большой Воды, и только желтолицые звероловы бродят в них маленькими артелями или в одиночку со своими остроухими охотничьими лайками.

За эти долгие дни странствования почти вся дружина Уоми сосватала себе девушек. В каждом рыбацком посёлке, которые встречались им на

пути, шли сватанье и выкуп невест. Познакомившись с хозяевами, дружина угощала стариков и матерей. Молодёжь затевала свадебные игры. На играх выбирали себе невест, которых и увозили с собой.

С каждой остановкой всё многолюднее становился странствующий отряд, всё больше мелькало в нём пёстрых нарядов, более звонко раздавался женский смех и теснее становилось в лодках. Число челноков тоже увеличилось: некоторые из невест получали их в подарок от родных.

К тому времени, когда караван лодок добрался до Большой Воды, только немногие не успели ещё добыть себе жён. Оставались холостыми из старших Карась, Сойон и, конечно, певец Ходжа, который и не помышлял о женитьбе. Из молодых всё ещё не обзавелись жёнами Гарру, два сына жены Сойона да близнецы Уоми и Тэкту.

Уоми никого не сватал: ни одна из невест не была похожа на ту, которую он видел во сне. Зачем ему эти невесты? Ведь дочь Водяного Хозяина ждёт его на берегу Большой Воды.

Когда дружина добралась до Свайного посёлка, Уоми насторожился.

«Вот! — думал он. — Где-нибудь здесь!»

Теперь или никогда суждено ему наконец отыскать девушку своих сновидений. Об этом думал Уоми, сидя на большом валуне на берегу тихо спящего залива.

Вдруг мягкая рука осторожно погладила его по голове.

Уоми очнулся. За его спиной стояла Гунда и ласково глядела на сына.

— Что, Уоми? — спросила она. — Нет невесты?

Уоми покачал головой.

— Что же ты? — улыбалась мать.

— Какие невесты! Они для Уоми как камни.

— Есть ещё девушки. Не всех видел Уоми.

Уоми только махнул рукой.

Гунда села рядом и взяла его за руку. Губы её шевелились, будто она хотела что-то сказать.

…Когда лодка Уоми отчалила от пристани Ку-Пио-Су, Гунда хотела проводить своих близнецов только на один переход. Проехать с ними до первой остановки, переночевать у походного костра, взглянуть на них последний раз и вернуться. Но на первой ночёвке она подумала: «Почему не поехать ещё дальше?» На второй повторилось то же самое. Решили ехать вместе ещё один перегон. На третьей ночёвке Гунда проснулась и стала смеяться. Никуда от сыновей она не поедет. Для

чего ей возвращаться в Ку-Пио-Су? Она вернётся туда, но только вместе с Уоми и Тэкту.

Ная и Кунья всплеснули руками. Они тоже поедут со свадебной дружиной. Они будут там, где Гунда.

С тех пор много дней Гунда, Ная и Кунья разделяли все невзгоды и труды похода. Переносить их было иной раз нелегко. Приходилось терпеть и холод, и проливные дожди. Случалось порой голодать. Полчища комаров, слепней и лесной мошкары не давали покоя ни днём, ни ночью. Но всё это Гунде казалось мелочью. Зато она могла видеть около себя сыновей и каждый день говорить с Уоми.

Ночью Гунда пробиралась к своим близнецам, спавшим сном богатырей. Утренняя заря не раз заставала её у изголовья Уоми.

Заключение дружбы

На другой день старшие дружинники с новыми подарками отправились в Свайный посёлок. На вёслах сидели Уоми и Тэкту.

Они вступили в него без оружия и спросили, как отыскать хижину Йолду.

Набу вызвался их проводить.

Осторожно шагали гости по еловым жердям настила, положенного на толстые сваи. Всё занимало их — люди и дома, но больше всего интересовали сваи, искусно вколоченные в мелкое дно залива.

Перед каждой хижиной торчал высокий ствол молодой ёлки, поставленной вверх корнями. Их прикорневое утолщение должно было изображать голову духа — покровителя дома, корни — копну волос, а желобок ниже утолщения — шею.

Войдя в хижину Йолду, гости опустились на устланный оленьими шкурами пол. Они коснулись пальцами каменной обкладки очага. Прикосновение к очагу означало, что вошедшие отдают себя на волю хозяина дома и просят его покровительства.

Йолду смотрел на гостей внимательными глазами. Ему было приятно, что чужестранцы, которые казались недавно такими страшными, теперь сами пришли и просят его дружбы.

Йолду присел на корточки перед огнём, выбрал небольшой уголёк и, перекидывая его с ладони на ладонь, подбросил так, что он полетел к Карасю. Карась поймал уголёк и кинул его Сойону, тот перебросил его Уоми, Уоми — Тэкту, а тот

обратно в очаг.

Так была заключена дружба между приехавшими гостями и людьми Свайного посёлка. С этих пор та и другая сторона отказывалась от всяких враждебных действий и обязывалась защищать друг друга от всяких опасностей и вражеских нападений.

По знаку Йолду подошла старуха и поставила перед гостями глиняное корытце с ракушками и печёной рыбой.

Гостям не очень хотелось есть, но обычай требовал отведать угощения. Это была не простая вежливость. Торжественное вкушение пищи перед очагом заключало в себе особый, таинственный смысл. Оно имело значение жертвы, посвящённой духу дома, обитавшему в священном посохе позади очага.

Мирная беседа Уоми с приезжими продолжалась довольно долго, как вдруг громкие крики женщин возвестили о каком-то чрезвычайном событии.

В хижине все насторожились. Слышен был топот бегущей по улице посёлка толпы детей и женщин и возгласы:

— Едут! Едут!

Йолду вместе с гостями вышел наружу. Жители

посёлка толпились на краю помоста и махали руками. Все смотрели в ту сторону, где залив сливался с озером. Там из-за лесистого мыса входила в залив длинная вереница лодок.

Это возвращались мужчины, вызванные с Мыса Идолов.

Лодки быстро приближались к островку. На каждой было от двух до четырёх гребцов, кроме кормчего, который сидел на корме и правил рулевым веслом.

Гребцы спешили. Все они постоянно оглядывались на берег, где был виден лагерь чужеземцев.

Йолду встретил их у пристани, где приехавшие уже знакомились со слов женщин с тем, что тут происходило.

Приехавшие готовились к жаркой схватке и были удивлены, когда увидели чужестранцев в самом посёлке в мирной беседе с Йолду.

Смотрины

Приехавшие с детским любопытством разглядывали чужестранцев. Они трогали их одежду, их оружие и украшения.

Особенно привлекало их ожерелье Уоми из медвежьих зубов и когтей.

На другой день назначены были смотрины.

После полудня были положены снятые на ночь мостки.

Из посёлка двинулась по ним толпа людей. Впереди медленно шли седые с маленьким Йолду во главе. Они шли, важно опираясь на палки. За ними шли мужчины. Некоторые были вооружены копьями; другие несли луки; третьи были безоружны. За ними густой толпой спешили женщины, ведя за руку маленьких детей. Матери несли на руках ребят, другие тащили детей на спине, посадив их в кожаные мешки или берестяные кошёлки.

За женщинами шли девушки, держа друг друга за руки.

С раннего утра начали они наряжаться. Некоторые ещё с вечера стали нашивать лоскутки беличьих шкурок на тёмные куньи шубы. Они накрасили красным суриком щёки, лбы натёрли жёлтой охрой. У некоторых глаза были обведены чёрными угольными кругами, и почти все для красоты начернили во рту передние зубы.

Молодые женщины и девушки уселись прямо на траву лицом к большому костру, зажжённому на лужайке.

По другую сторону расположились молодые

жёны дружинников, которые также надели на себя все свои наряды. Головы у них были покрыты в знак того, что они теперь замужние женщины.

Старики посёлка поместились на небольшом пригорке, откуда была хорошо видна вся поляна.

Девушки Свайного посёлка затянули заунывную песню, слова которой были почти непонятны жителям Ку-Пио-Су. Потом они запели другую песню, более живую и весёлую, которую пели, прихлопывая в такт руками. Через некоторое время стали подтягивать и замужние. Голоса хора раздавались всё громче и громче, а ритм делался более быстрым. Пение то стихало, то вдруг поднималось до такого надрывного крика, что лица поющих краснели от напряжения.

Наконец девушки поднялись, взялись за руки и двинулись вокруг костра мимо стариков, мимо кучки молодых мужчин своего посёлка и молодёжи приехавшей свадебной дружины. Двигались медленно, с каменными, неподвижными лицами, без малейших признаков какого-нибудь оживления или улыбки. Их песни и хоровод нисколько не были похожи на весёлые танцы в Ку-Пио-Су.

Пожилые женщины между тем хлопотали около костра, поджаривая привезённую мужчинами

добычу. Наконец пение прекратилось, и собравшиеся принялись за еду, поглощая рыбу и дичь, испечённые на углях.

Вечером после пира начались игры молодёжи. Опять гости показывали свою силу и искусство, а девушки плясали и пели песни гораздо более весёлые, чем днём.

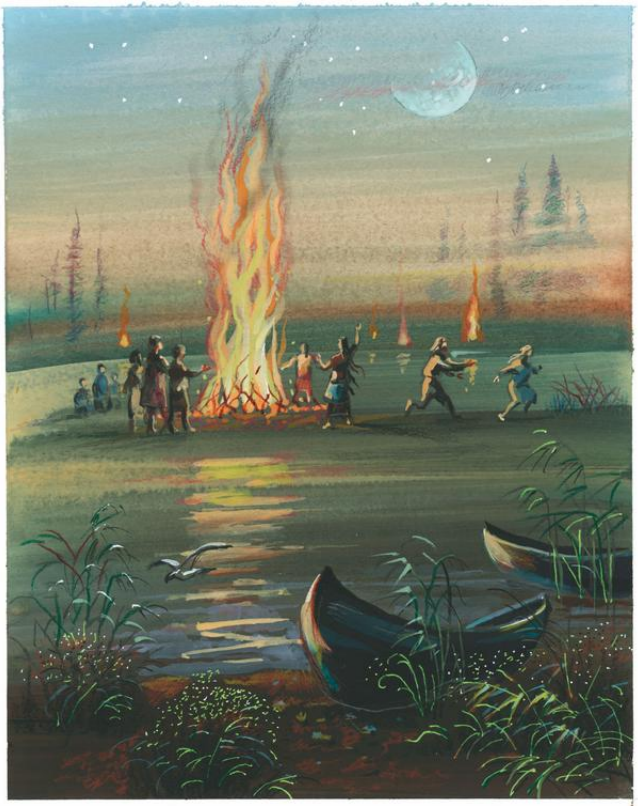
Девушки устроили беготню. Мужчины догоняли их и накидывали на голову ремённые петли.

Ни Ная, ни Кунья не принимали участия в этих свадебных играх: у них не было никакой охоты оставаться навсегда в Свайном посёлке. Ещё до конца пира они вместе с Гундой удалились в свой зелёный шалаш, сплетённый ими в кустах ивняка, недалеко от лодок. Здесь они могли хорошо наблюдать, что делалось на праздничном лугу. Ная то и дело делилась с матерью и Куньей тем, что она видела:

— Сойон, Сойон! Как молодой! Погнался за рыжей прямо через кусты. Ну и рыжая какая! Как лисица! Не даётся. Убежала от него в рощу.

— А где Уоми? — тихо спросила Кунья.

— Даже не смотрит ни на кого. Вон, сидит со стариками.

Гунда ласково посмотрела на Кунью и ничего не сказала.

На другой день Гарру, Сойону Старшему и двум его младшим сыновьям пришлось выкладывать выкуп за пойманных ими невест.

Только старый Карась, Уоми и Тэкту не привели никого к своим шалашам. Карась заявил, что он вообще раздумал жениться. Тэкту говорил, что не хочет жениться раньше брата. Уоми молчал, но все знали, что ни одна из девушек посёлка не пришлась ему по душе.

Ехать на Мыс Идолов

Прошло ещё три дня. Лагерь оставался на прежнем месте, но дружинники начинали спрашивать:

— Что же будет теперь?

Почти все, кто хотел добыть себе невесту, уже добились этого. Что же думает Уоми? Идти ли вперёд на самый край света или поворачивать обратно?

Уоми как будто не решался ни на то, ни на другое.

Закинув за спину лук, с коротким копьём в руках, с утра уходил он один, шагая вдоль озёрного

берега, и возвращался поздно, иногда с убитым гусем или уткой. Не сказав никому ни слова, скрывался он в свой шалаш и лежал один, отвернувшись лицом к стене.

Гунда приносила ему поесть. Уоми ел мало и неохотно. Гунда тревожно следила за ним, всё хотела спросить о чём-то и не решалась.

На третий день после свадебных игр Ходжа отозвал Карася в сторону. Оба они долго шептались, потом сели в лодку и поехали в Свайный посёлок. Там они не только провели весь день, но и заночевали в доме Йолду.

Только на другое утро вернулись в лагерь. Вернулись не одни. В лодке с ними сидел Набу, тот самый, который побывал в плену у рыбноозерцев.

Как только вытащили лодку, сейчас же стали искать Уоми. Они нашли его возле шалаша Гунды. Он лежал один на охапке травы у самого входа. Уоми не спал.

— Уоми… — сказал Карась и остановился: на него глядело осунувшееся, похудевшее лицо с горящими, как бы воспалёнными глазами. — Уоми, — повторил Карась, — что же будешь делать?

— Не знаю, — сказал Уоми.

— Ехал на край света. Искал невесту. Девушек сколько видел. Что же не сватаешь?

— Моя невеста не такая. Не похожа на этих.

— Бери какую-нибудь. Дальше посёлков больших нет.

Уоми молчал.

— В Свайном посёлке всякая за тебя пойдёт. Бери любую. Смотри лучше.

Уоми покачал головой:

— Всех видел. Не такие они…

Набу и Карась присели на корточки. Некоторое время все молчали.

— Есть тут посёлки ещё по лесным речкам. Дойти можно. Есть там и девушки. Только желтолицые и по-нашему не говорят. Его спроси, — сказал Карась, показывая пальцем на сидящего молча Набу.

Набу улыбнулся и закивал лохматой маленькой головой.

— Нет, — ответил Уоми. — Моя невеста не такая, не желтолицая. Уоми найдёт её у Большой Воды.

— Ну, — сказал Карась, — пусть Набу теперь всё скажет.

Набу опять закивал головой.

— Есть, — сказал он и крепко зажмурил узенькие глазки.

— Что есть? — насторожился Уоми.

— Есть такая невеста.

— Желтолицая?

— Нет, белая! Совсем белая.

— Где? — спросил Уоми.

— Есть такое место.

— Где? Где? — заторопил его Уоми и даже вскочил со свежей постели. — Может быть, далеко в лесу?

— Нет, у Большой Воды. Недалеко.

Уоми стиснул ему правое плечо:

— Говори!

— У Мыса Идолов. На лодке сутки надо грести…

— Ты был там?

— Бывал.

— И сам видел?

— Её никто не видит. Только Ойху. Никому её не показывает.

— Кто её отец?

— Ойху. Он хозяин Мыса. И всей воды хозяин. Страшный он. Мы его боимся.

— Воды хозяин? Как ты сказал? Хозяин Большой Воды?

— Всякой воды хозяин. Всякая вода его слушает. В озере, и в реке, и в туче вода. Что он скажет, то

она и будет делать.

Уоми потёр себе лоб. Сбывается сон. Вот где найдёт он дочь Водяного Хозяина! Вот где дожидается девушка его снов!

— Как её зовут? — спросил он, удерживая порывистое дыхание.

— Сольда, а Ойху зовёт по-другому. Не позволяет ей показываться людям. Любимая его дочь. Не хочет никому её отдавать.

— Как же её увидеть?

— Не знаю. Живёт в доме на высоких столбах. Ойху к ней никого не пускает.

— Но ведь ты Уоми, — раздался вдруг голос Ходжи. — Другие не могут — Уоми может всё! Ему помогает сам Дабу.

Это было сказано с таким твёрдым убеждением, что Карась, который молча сидел в стороне, кивнул головой в знак полного согласия с Ходжей.

Уоми в волнении зашагал взад и вперёд перед шалашом.

— Уоми поедет, — сказал он.

— Берегись, — сказал Набу. — Ойху страшный. Мы его боимся.

Уоми быстро подошёл к Набу и обеими руками стиснул его узкие плечи:

— Набу, покажи дорогу на Мыс Идолов! Уоми

поедет к своей невесте.

Набу замотал головой:

— Нет! Набу боится. Ойху узнает — велит убить. И тебя велит убить. Он страшный…

— Кому велит?

— Желтолицым. Они его слушают. Он страшный.

Неожиданный шорох заставил Уоми оглянуться. В шалаше, перед самым входом, полузакрытая сухими ветвями, стояла Кунья. Она была бледна. Глаза широко раскрыты, голые руки крепко прижаты к груди горностаевой безрукавки. Она почти высунулась из шалаша и с таким ужасом слушала Набу, как будто опасность грозила ей самой.

— Кунья! — невольно позвал её Уоми.

Но девушка мгновенно закрыла лицо руками и юркнула внутрь. Она сделала это так быстро, что Уоми не успел прибавить ни слова.

— Вот что, — сказал Карась. — Мы и без Набу найдём завтра дорогу. Старики и мужчины из посёлка опять поедут на Мыс Идолов.

— Зачем?

— Справлять праздник медведя.

— Они уже ездили, — сказал Набу, — да заторопились назад. Боялись, чужие будут разорять

дома. Медведя привезли, а убить не успели. Опять поедут справлять медвежью свадьбу.

— Может быть, не захотят с нами! — заголосил Ходжа. — Но мы ведь породнились теперь, невест у них взяли. Сваты, а не чужие!..

Ходжа кричал с необыкновенной горячностью, хотя никто с ним не спорил.

Насилу успокоили раскричавшегося слепца и пошли объявить об отъезде всей дружине:

— Готовиться к походу! Ехать на Мыс Идолов!

Уоми!

Вечером, проходя мимо шалаша Гунды, Уоми увидел мать. Она сидела на траве перед входом, а около неё ничком лежала Кунья. Лицо она уткнула в колени Гунды. Плечи её вздрагивали, и ему показалось, что она плачет. Гунда ласково и грустно гладила её по голове.

Из шалаша выглянула сестра Ная. Она тоже казалась встревоженной.

«Чего это они?» — подумал Уоми и остановился.

В это время кто-то громко позвал его. Это кричал Тэкту из шалаша, где они жили вместе с Карасём и Ходжей.

Тэкту только что вернулся с охоты. Вместе с товарищами они принесли богатую добычу. Тут был и жирный бобёр и молодой оленёнок, которого они подстерегли около водопоя.

…Ночью Уоми опять снилась его девушка. На этот раз не совсем так, как обычно.

Он увидел Каплю опять на берегу, но теперь будто бы это был берег Большой Воды. Она сидит на красном камне, и белые ноги её спущены в воду.

Прозрачные волны набегают и ласкают их. Она в белой меховой безрукавке. Голова покрыта бобровой шкуркой, а лица не видно. Уоми хочет заглянуть ей в глаза, но девушка закрывается ладонями и отворачивается.

«Когда откроешься?»

«Теперь скоро».

«Где ты живёшь?»

«Совсем близко».

Сильно забилось в груди сердце Уоми.

«Как же найти твой дом? Ты не сказала твоего имени. Ты не хочешь открыть лица».

«Вспомни. Ведь ты уже столько раз видел!»

Уоми с ужасом чувствует, что совсем позабыл её лицо. Ему нужно вспомнить. Он силится это сделать и не может. Тогда он быстро снимает с

головы её меховую накидку, но она обеими руками закрывает лицо, и он видит только, что она со всех сторон закрыта рассыпавшимися волосами, светло-жёлтыми, как солома, как светлые волосы Куньи.

«Вспомни, — слышит он, — тогда откроюсь».

Вдруг чья-то тёплая рука погладила его по лицу. Уоми проснулся.

Перед ним стоит мать и гладит его по голове.

— Вставай, Уоми, — говорит Гунда. — Надо сказать…

— Мать, что ты сделала! — с отчаянием вскрикнул Уоми. — Зачем разбудила?

— Пора вставать, Уоми. Дружина хочет видеть!

— Где же? Где же она? — с досадой спрашивал Уоми. Он дико осматривался кругом. — Ведь она вот тут была! Сидела на камне. Уоми только надо было узнать лицо. Зачем помешала?

— Кто она? — спросила Гунда.

— Та девушка. Ты знаешь.

— Опять снилась?

— Вот здесь была. Совсем рядом… Сказала: она тут, близко. Мне нужно было только вспомнить. Ты опять помешала!

Уоми с упрёком глядел на мать. Гунда вдруг крепко схватила его руку:

— Слушай, Уоми. Гунда пришла тебе сказать: не езди! Не езди туда! Они тебя погубят. Они всех погубят: меня, Наю, Кунью. Не езди, Уоми! Это обман. Они злые! Они убьют тебя…

Гунда почти кричала. Она была вне себя. Глаза её глядели куда-то поверх головы сына, как будто она видела что-то страшное там, за его спиной.

Уоми вскочил на ноги и резко выдернул руку.

— Мать, — сказал он, — зачем поехал Уоми? Он хочет найти девушку Большой Воды! И вот она тут, близко… Совсем близко! Уоми не вернётся, пока не найдёт свой сон… — Ему вдруг стало жалко мать, такую испуганную, такую истерзанную страхом. — Не бойся, мать, — сказал он ласково. — Не бойся! Помни: я — Уоми!..

Последние слова были сказаны с такой силой и верой в себя, что Гунда улыбнулась и глаза её гордо сверкнули.

А с берега слышались голоса:

— Уоми! Скорее, Уоми!..

Уоми тряхнул головой и быстро зашагал к лодкам.

Почему боялись Ойху?

Возле лодок шумела дружина. Слышался гул толпы, возбуждённые голоса и крики. Несколько больших лодок из посёлка качались тут же у берега.

Тэкту, вышедший навстречу брату, сказал, указывая на дружину:

— Не хотят ехать…

— Не поедем! Не поедем! — раздавались крики.

Смятение началось в лагере, когда рано утром к берегу подъехала лодка из Свайного посёлка. В ней сидели несколько седых, а на корме — Набу с рулевым веслом в руках.

Старики сказали дружинникам, что ехать на Мыс Идолов могут только мужчины.

Дружинники удивились. У них на медвежьем празднике бывали все. Старики переглянулись. Им как будто бы не хотелось всего говорить. Наконец они заговорили, и дружинники узнали удивительные вещи.

Дело не в медвежьем празднике. Дело в хозяине Большой Воды — Ойху.

На Мыс Идолов ни одна молодая женщина посёлка добровольно не поедет. Всякая девушка или

замужняя женщина, попавшаяся на глаза Ойху, рискует потерять не только свободу, но нередко и самую жизнь. Ойху любит молодых женщин. Стоит ему увидеть девушку, как он берёт её себе в жёны. Но это ещё не самая большая беда. Плохо, что некоторых жён он мучит и терзает безжалостно.

Ойху держит своих жён взаперти. Под страхом смерти запрещает смотреть на них мужчинам. Под страхом смерти запрещает выходить из дому. Потом по вечерам из его дома начинают слышаться стоны и женские крики. А через несколько дней исколотый и истерзанный труп несчастной, выброшенный в речку, выплывает на озёрный простор и носится по волнам, то уплывая в глубину озера, то возвращаясь обратно. В бурю сердитые волны выкидывают трупы на песчаный берег.

— Откуда же Ойху достаёт себе жён, если женщины туда не ездят? — спрашивали дружинники.

Из рассказов стариков можно было понять, что Ойху накладывает на соседние посёлки рыболовов и охотников своего рода ежегодную дань. Он требует себе невест то из одного, то из другого посёлка.

Дружинники изумлялись и спрашивали, почему же женщины едут, если они знают о грозящей им участи? Оказалось, что согласия их вовсе не спрашивают. Их выбирают по жребию. Два года назад Свайный посёлок послал ему молодую девушку. В этом году посёлок узкоглазого племени саамов, на Чёрной Речке, отвёз ему молоденькую женщину, жену лучшего охотника на медведей.

— Почему же все исполняют его приказания? — спрашивали дружинники.

Старики засмеялись:

— Как же можно не слушаться! Ойху не простой человек — он хозяин на Мысе Идолов. Солнце и тучи, буря и сама Большая Вода ему послушны. Захочет — и не даст ловцам ни одной рыбы. Смилуется — и пошлёт рыбы столько, что сети едва в силах вытянуть её на берег. Он может наслать всякую беду: болезнь, пожар, гибель челнока, зубы и когти медведя.

В лагере поднялся женский плач, как только жёны приезжих узнали, что Уоми хочет вести дружину на Мыс Идолов. Прежде всего заголосили невесты из Свайного посёлка. Они-то отлично знали, что значит ехать во владения Ойху. Другие женщины, приехавшие издалека, скоро присоединились к первым, как только узнали, в чём

дело.

Когда Уоми появился у пристани, вся дружина взволновалась, как Большая Вода под ударами бурного ветра. Первый раз со времени отплытия из Ку-Пио-Су дружина была недовольна планом своего предводителя.

Никто не хотел везти молодых жён в берлогу чудовища. Никому не хотелось оставлять их здесь беззащитными, если Уоми возьмёт с собой одних мужчин.

Тэкту, Карась, Сойон и Набу, перебивая друг друга, старались подробно рассказать Уоми, что значит поездка на Мыс Идолов.

— Что же, — сказал Уоми, — со мной поедет тот, кто захочет. Женатые останутся. Никто не захочет — Уоми поедет один.

Глубокая тишина сменила бушевавшую перед тем бурю. Никто не ожидал такого ясного и простого ответа. Те, кто возмущался больше всех, теперь чувствовали укоры совести.

Прежде всех заявили о своём желании ехать с Уоми, конечно, Тэкту, Ходжа и Карась. Немного подумав, решили ехать Сойон Старший и двое сыновей Карася, хотя они только что обзавелись жёнами, взятыми из Свайного посёлка. Один за другим стали присоединяться и остальные

дружинники.

Теперь приходилось уговаривать остаться женатых. Прежде всего Уоми настоял, чтобы остался Сойон. Нужно было, чтобы в лагере был кто-нибудь старший. Сойона все уважали. Молодёжь с ним считалась, и на него можно было положиться.

Ничего нельзя было поделать с Гарру и двумя сыновьями Карася. Они упрямо твердили одно:

— Ничего с жёнами не сделается. Пусть подождут несколько дней. Мы хотим быть там, где будет Уоми.

В это время к берегу подошли и другие лодки. Поход на Мыс Идолов уже начался. Гребцы торопились.

Из лагеря присоединились к походу две самые большие лодки: лодка Карася и лодка Уоми.

Вскочив в лодку, Уоми крикнул, чтобы кто-нибудь сходил сказать Гунде: пусть она вместе с Наей и Куньей дожидается их возвращения.

Передать эти слова вызвался Набу, который и на этот раз не решился отправиться к Ойху.

Уоми отпихнулся багром от берега, и обе лодки рыбноозерцев пустились догонять уже двинувшуюся флотилию. Во главе её на этот раз стоял сам Йолду.

На берегу всё ещё толпились дружинники. Долго стояли они и смотрели вслед тем, кто уехал. Когда лодки скрылись за поворотом, Набу вздохнул и зашагал к шалашу Гунды. Он спешил выполнить взятое на себя поручение.

На Мыс Идолов

К Мысу Идолов прибыли только на второй день.

По желанию Йолду, решено было сделать остановку с ночёвкой, не доезжая до Мыса: на небе показались дождевые тучи. Было тихо, а в такой вечер, по приметам рыбаков, обильно идёт рыба.

На полпути между Свайным посёлком и Мысом озеро вдавалось в берег. Тут был широкий заливчик. Заливчик этот, мелкий, с песчаным дном, славился рыбой.

С лодок закинули длинные сети. Каждые две лодки заводили одну сеть и тащили в глубину залива. Лодки медленно двигались к пологому берегу, где было удобно вытягивать и сушить сети.

Улов действительно оказался удачным. Особенное счастье выпало рыбноозерцам. Их искусно сплетённая сеть вытащила на берег целую груду самой разнообразной рыбы. Среди неё было

много лососей.

До ночи жгли костры, пекли рыбу и, накрывшись ольховыми ветвями, улеглись спать, чтобы на другой день снова тронуться в путь.

Чем дальше подвигались на север, тем берег становился выше.

С утра установилась тихая и ясная погода. Солнце, поднявшееся над хвойной стеной восточного берега, быстро набирало высоту. Около полудня впереди показался живописный выступ каменного Мыса Идолов.

Не доезжая до Мыса, флотилия повернула к берегу и стала заходить в открытое устье неширокой реки. Рыбаки Свайного посёлка называли её Чёрной Речкой.

Причалив, вышли на покрытый густой травой

луг. Тут заметили они разложенный у берега костёр и поднимающуюся над ним синеватую струйку дыма.

Каково же было удивление и беспокойство Уоми, когда около костра он увидел мать Гунду, Кунью, сестру Наю, скуластого маленького Набу и двух младших сыновей Сойона, которые сидели на траве и ели свежую рыбу.

Появление Тэкту и Уоми они встретили весёлым смехом и хвастались, что сумели их обогнать.

Братья засыпали их вопросами: как это они решились ехать? И как ухитрились попасть сюда раньше всех остальных?

Всё случилось очень просто. Все три женщины и не подозревали, что Уоми уже уехал. Они лежали на разостланных шкурах, и Гунда утешала обеих плачущих девушек. Она повторяла им слова, которые услыхала на прощанье от сына:

— Он — Уоми!

Этим было сказано всё. То, что не проходит даром другим, Уоми приносит новую славу. Сколько было опасностей, которые кончились для него счастливо!

Ная понемногу успокоилась и повеселела. Но Кунья оставалась безутешной:

— Нет! Уоми силён, но она его погубит!

— Кто? — спросила Ная.

— Та, что приходит к нему во сне. Она злая. Я знаю это. Она злая!..

Повеселевшее лицо Гунды вдруг испуганно вытянулось. Слова замерли у неё на устах. Она не знала, что сказать, потому что в глубине души боялась того же самого.

— Она его погубит! — повторила Кунья и снова залилась слезами.

Когда Набу вошёл в шалаш, он застал обеих девушек в слезах. Он рассказал, что Уоми вместе с Тэкту уже поехали на Мыс Идолов. Узнав об этом, Ная зарыдала по-детски, всхлипывая и захлёбываясь слезами. Кунья плакала тихо. Она сидела прислонившись спиной к стене, и глаза её, полные слёз, глядели неподвижно перед собой, как будто там, где-то вдали, она уже видела близкую гибель Уоми.

Набу в смущении смотрел то на ту, то на другую девушку и вдруг как-то странно захлопал веками и схватился рукой за шею.

Женских слёз он никогда не мог видеть спокойно, а слёзы двух таких красивых девушек лишали его рассудка.

Вдруг Гунда встала, подошла к Набу и низко

поклонилась:

— Помоги нам доехать до Мыса Идолов! Где Уоми, там будет и Гунда.

В этот миг она поняла, что не может оставаться вдали. Её место там. Новая беда, может быть, уже собирается над головой её близнецов.

Набу согласился. Он снарядил надёжную лодку и уговорил сыновей Сойона поехать гребцами. Ная и Кунья сразу заявили, что они тоже поедут с Гундой. Кунье как-то вдруг стало легче.

Мужчины быстро достали пищи и всё нужное для поездки.

Отплыли они позднее, чем Уоми, но гребли без устали целый день. Когда вся флотилия занималась ловлей в глубине залива и готовилась к ночёвке, они миновали его и поздно ночью благополучно высадились в устье Чёрной Речки. Посоветовавшись с Набу и кое с кем из стариков, Уоми решил, что женщины устроят себе шалаш на опушке березняка. Тут, не показываясь на голых камнях Мыса Идолов, женщины будут в отдалении ждать, пока кончится торжество и вся флотилия тронется в обратный путь.

Медвежий праздник должен был начаться на следующий день, поэтому спешить было некуда.

В это время Йолду со стариками отправился на

Мыс Идолов помазать салом губы деревянных божков. Оттуда пошли вверх по течению реки, чтобы поклониться хозяину Мыса Ойху и поднести ему приятные его сердцу подарки.

Свадьба медведя

Чтобы добраться до Ойху, нужно было пройти через сосновый лесок по тропе, которая выходила к долине извилистой Чёрной Речки. Здесь на небольшом расстоянии от озера, на самой опушке, стояло несколько хижин, покрытых коническими камышовыми кровлями.

Хижины были населены родственниками Ойху, его жёнами и их многочисленными детьми. Это были жёны, которые счастливо избежали печальной участи других.

В настоящее время они не пользовались особым вниманием Ойху и потому могли жить сравнительно спокойно и даже сытно. Кормились они от обильных приношений, которые близкие и дальние рыбацкие и охотничьи посёлки доставляли знаменитому гадальщику, знахарю, повелителю ветров, колдуну и заклинателю вод.

Одна большая хижина была занята семьями младших братьев, и совсем особняком, поодаль

от других, в роще молодых берёзок, стояла хижина, которую занимал сам Ойху. Хижина эта отличалась не только величиной — она стояла на высоком помосте, укреплённом на толстых столбах.

Йолду и старики с поклонами подходили к страшному дому. На помосте не было никого. На сходнях лежал посох. Это было знаком того, что Ойху дома, но не желает, чтобы его беспокоили. Вход в хижину был задёрнут меховым пологом.

Старики смущённо поглядывали друг да друга и первое время не знали, что делать. Йолду уселся на траву, за ним сели все остальные и долго дожидались, не покажется ли наконец хозяин.

Действительно ли он спал и не замечал пришедших к нему на поклон гостей или просто делал вид, что не замечает? Ойху любил поломаться, насладиться сознанием своей власти и растерянным видом просителей.

Солнце уже стало склоняться к горизонту, когда Йолду поднялся. По сделанному им знаку старики осторожно и молча удалились.

Свидание состоялось лишь на другой день, рано утром.

Ойху принял в подарок свежих лососей, принесённых стариками, и приказал, не откладывая,

начинать обряд медвежьей свадьбы.

Медведь сидел в большой бревенчатой клетке. Стены клетки состояли из крепко забитых в землю сосновых стволов, прочно переплетённых между собой толстыми ветвями. Потолок её был также сделан из тяжёлых стволов, увязанных ветвями так, чтобы медведь не мог их разобрать.

Одна сторона клетки состояла из горизонтальных брёвен; их можно было развязывать и выдвигать по необходимости.

Брёвна с этой стороны положены были с промежутками, с таким расчётом, чтобы медведь мог просовывать через них лапы, но не голову.

Когда торжественное свадебное шествие приблизилось, медведь встретил его рёвом, похожим на недовольное и громкое оханье. Сам Йолду подошёл к клетке с корзиной рыбы и стал совать медведю крупных щук и лососей.

Вслед за Йолду подходили и другие. И каждый, кто кормил пленника, не забывал приговаривать ему ласковые слова.

— Кушай! — говорили они. — Хорошо кушай! Скоро придёт твоя невеста.

Вдруг раздался оглушительный визг. Из-за кустов показалась толпа людей, большей частью молодых мужчин и парней, которые пели и

кричали все разом. Посреди этой шумной толпы выделялась стройная фигура девушки.

Она была одета в разукрашенный свадебный наряд невесты. Щёки её были ярко накрашены красной краской, а лоб — жёлтой, совершенно так, как украшали себя невесты Свайного посёлка.

Это выступала «невеста медведя», которая должна была забавлять его на празднике.

Длинные чёрные косы, стройный стан и гибкие движения плясуньи издали делали эту фигуру красивой. Но вблизи бросалось в глаза подслеповатое лицо, маленький, приплюснутый нос, слишком большие губы и массивные челюсти, которые производили отталкивающее впечатление.

Роль невесты играла Гуллинда, одна из младших дочерей Ойху, рождённая от желтолицей жены. Она плясала по приказанию самого Ойху, который любил смотреть на эти церемонии.

Едва только раздались взвизгиванья плясуньи, как послышались глухие удары бубнов и из тех же кустов показался сам гадальщик.

Уоми, стоявший в толпе приезжих, с интересом вглядывался в важно выступающего владыку Мыса.

С первого взгляда от него веяло какой-то странной жутью. Окружённый свитой своих малорослых жён и детей, Ойху казался среди них великаном. Но не высокий рост был причиной того трепета, который окружал гадальщика. Во всей его фигуре, в странной посадке его надменно закинутой головы, сидящей на длинной шее, в пронзительных серых глазах, как бы впивающихся в тех, на кого он смотрит, было какое-то неприятное, гордое и вместе с тем хищное выражение.

По мере того как приближался хозяин Мыса, смолкали болтовня и смех собравшихся. Все подбирались, выжидая его приближения, и наконец один за другим повалились ничком на землю.

Ойху прошёл мимо лежащих на животах гостей и уселся на большой валун напротив клетки.

— Ну! — глухо сказал Ойху, и голос его без всяких усилий зычно раздался в наступившей кругом тишине.

Он махнул рукой, и снова, под визги и вскрики своей свиты, плясунья закружилась и замахала руками.

Постепенно её пляска становилась оживлённее. Она ходила по кругу перед внимательно следящими за ней маленькими глазками медве-

дя. Подходила к самой клетке, отбегала в сторону, вертелась и выставляла вперёд то одно плечо, то другое. Хор голосов и удары бубнов делались всё более задорными, всё громче раздавалось притопыванье ног, и под этот дикий аккомпанемент «невеста» продолжала свой танец. Наконец она встала на одно колено, обвела вокруг головы кистями рук и упала навзничь.

Буря голосов поднялась в толпе.

— Твоя невеста! Твоя невеста! — кричали оттуда. — Бери, медведь, молодую жену.

— Пора вести, — сказал Ойху.

К клетке опять подошёл Йолду с корзиной и вместе с ним несколько рыбаков. Они несли длинные и широкие ремни из лосиной кожи.

Йолду показал медведю большого лосося, и как только тот протянул сквозь брёвна свои передние лапы, рыбаки ловко накинули на них затягивающиеся ремённые петли. Тотчас же по нескольку человек ухватились за свободные концы петель и начали растягивать лапы медведя в разные стороны. Медведь взревел и попробовал вырваться, но ничего не мог сделать. Он был ещё молодой и не очень крупный. За концы ремней схватывалось всё больше и больше сильных мужчин, и медведь вынужден был стоять с распростёртыми

передними лапами.

Зверь рычал, охал, стонал, дёргал ремни, но чем сильнее дёргал, тем туже затягивались петли.

Чтобы предохранить себя от опасности, на случай если бы какой-нибудь ремень не выдержал, на каждую лапу надели ещё по ремню.

Наконец зверь устал рваться. Он только тихонько охал и сопел, поглядывая бегающими глазами на своих мучителей.

Когда зверь затих, Ойху приказал выдернуть горизонтальные брёвна клетки, и медведя вывели вон. Снова загремели бубны, певцы запели песни, и под их оглушительные звуки медведя повели с растянутыми в обе стороны передними лапами.

Перед ним, махая руками, танцевала и кружилась «невеста». Сзади и по сторонам шли остальные зрители и участники церемонии. Сам Ойху, опираясь на палку, горделиво шёл впереди всех.

Шествие продолжалось недолго. Оно направлялось к тому месту, где невдалеке от идолов стояли две сосны с обуглившейся корой и осыпавшейся хвоей. Эти сосны служили как бы воротами, через которые надо было проходить, чтобы проникнуть в святилище. За ними виднелась гладкая гранитная поверхность Мыса.

Зверя поставили между соснами и старательно

привязали ремнями к стволам. Когда узлы были крепко завязаны, все отошли в сторону.

Медведь стоял с распростёртыми лапами посреди хоровода и кротко поглядывал на продолжавшую жеманничать перед ним невесту.

Ойху подошёл к медведю и сунул ему в нос рыбу, которую взял из корзинки Йолду.

Медведь только отвернулся, и рыба шлёпнулась наземь.

Ойху низко поклонился ему, стал на колени и прикоснулся лбом к примятой траве.

— Кланяемся тебе, лесной гость! — сказал он, поднявшись и глядя зверю в глаза. — Не гневайся, что мало угостили. Не гневайся, что плохую дали невесту. Лучше не было, — сказал он, придвигаясь ближе к морде медведя.

Медведь со страхом попятился, стараясь отвести глаза от этого пронизывающего взора.

— Ну, пойте теперь последний раз, — сказал Ойху, обернувшись к стоящему кругом хороводу.

Опять началась та же громкая песня, с визгом и хлопаньем в ладоши. «Невеста» опять стала кружиться, обходя вокруг медведя.

Сделав три круга, люди остановились. Теперь перед зверем плясала только «невеста», взвизгивая и махая руками.

— Кланяйся жениху, — сказал Ойху.

Девушка поклонилась.

— Ближе подойди! Чего боишься?

Ойху схватил её сзади за шею и так сильно толкнул, что она ткнулась лицом в мохнатую звериную грудь.

Медведь огрызнулся. Девушка отскочила и с плачем бросилась бежать.

Ойху громко хохотал.

— Ну, пора! — сказал он и поманил мальчика-сына, который держал в руках лук и стрелы.

Колдун стал против медведя, наложил стрелу и, почти не целясь, спустил тетиву.

Медведь зарычал и начал неистово рваться. Каменное остриё пробило ему кожу и застряло между рёбрами.

Ойху опять засмеялся. Потом обернулся к толпе:

— Ну, кто добьёт? Только разом! Кто сразу добьёт, тому дам глаза: увидит, чего никто не видал. Лесом пойдёт — не заблудится, кого будет искать — найдёт даже в тёмную ночь.

Рыбаки переминались с ноги на ногу и молчали.

— Что, боитесь? — хохотал Ойху.

— Уоми! Уоми! — раздалось несколько голосов

с той стороны, где стояла кучка рыбноозерцев.

Уоми вышел вперёд; в руках у него не было никакого оружия.

— Возьми! — сказал Ойху, протягивая Уоми свой лук со стрелами.

Уоми покачал головой и вынул из-за пазухи бронзовый кинжал. Нож был заново отточен, и лезвие ярко сверкало, отражая пламя костра.

Уоми обошёл привязанного на ремнях медведя и, выбрав место, вдруг вонзил свой длинный кинжал под левую лопатку зверя. Кинжал вошёл сразу по самую рукоятку, как будто проткнул кусок сала. Медведь охнул и бессильно повис на ремнях.

Уоми выдернул нож из раны и, не взглянув ни на кого, вышел из хороводного круга.

Сердце медведя

Три дня праздновали Ойху с гостями медвежью свадьбу.

Пока медведь ещё висел между сосен, Ойху нацедил глиняный горшок тёплой медвежьей крови. Отпив половину этого питья, он приказал привести Гуллинду.

Девушку привели, держа за обе руки, потому

что она ни за что не хотела идти добровольно.

Ойху велел ей выпить три глотка, потом обмакнул ладони в горшок, вымазал девушке щёки и лоб и приказал сидеть возле убитого «супруга».

Теперь она считалась женой медведя и не должна была отходить от него ни на шаг.

На другое утро её нашли еле живую от страха, забившуюся в кусты в нескольких шагах от медвежьего трупа. Всю ночь ей мерещились всякие страхи, слышались крики и голоса, но, несмотря на смертельный ужас, она не смела вернуться домой и отойти от места, где ей приказано было сидеть.

На другой день Ойху помазал кровью губы идолам, столпившимся на священном погосте.

Накормив идолов, Ойху отослал всех сопровождавших его, а сам прошёл на конец Мыса, куда никто не смел ходить без его разрешения.

— С самим будет говорить, — таинственно шепнул Йолду Карасю, Который шёл с ним рядом.

— С кем? — спросил Карась.

— С хозяином Большой Воды. С Водяным Стариком. Он с ним один разговаривает.

Женщины уже хлопотали около костра и вместе с подростками усердно тащили сухие сучья, которые набирали в лесу.

Костёр разгорелся, и уже пора было делить мясо. Никто, однако, не начинал этого делать. Ждали возвращения Ойху.

Наконец Ойху вернулся и велел начинать.

Прежде всего принялись отделять медвежью голову. Это делалось с особенной торжественностью. Медвежья супруга Гуллинда была положена рядом на землю и накрыта шкурой. Когда медведю срезали голову, Гуллинду подняли и поставили перед тушей. Она сейчас же начала голосить, оплакивая обезглавленного «супруга». Она называла его ласковыми именами и жаловалась на врагов, которые сделали её вдовой. Плач её продолжался всё время, пока потрошили зверя и делили его на части.

Раньше всего зажарили голову и поднесли её Ойху. Остальные гости почтительно сидели кругом, присутствуя при торжественной трапезе хозяина Мыса. Как только Ойху взял в руки зажаренную голову, плач вдовы прекратился, и Гуллинда отправилась в хоровод вместе с другими женщинами.

К костру подвели слепца Ходжу, и церемония закончилась прославлением Уоми и его волшебного ножа.

Ходжа, впрочем, не ограничился восхвалением

только этого молодецкого удара. Перед хозяином Мыса Идолов и толпой его гостей певец пропел все свои былины про бедствия и подвиги близнеца-героя. Он рассказал и про войну с бродячими лесными людьми, и про славный свадебный поход из далёкого Ку-Пио-Су к берегам Большой Воды. Он рассказал о том, как Уоми затеял этот поход, чтобы отыскать девушку своих сновидений. Но вот уже много дней скитается он по берегам Великого Озера. Вся его дружина нашла себе жён. Все вернутся домой женатыми. А сам Уоми до сих пор не встретил свою невесту. Девушка, которая ждёт его здесь, на берегу Большой Воды, ещё не открыла ему своё лицо…

Так рассказывал Ходжа свои былины возле костра.

— А где же Уоми? — спросил Ойху, когда Ходжа закончил свои песни.

Ему ответили: Уоми взял копьё и ушёл один по берегу Большой Воды. Он ищет ту, которая является ему во сне.

— Пусть придёт сюда. Без Ойху ему не найти, кого ищет. — Колдун вдруг осклабился и засмеялся глухим, неприятным смехом: — Пусть придёт! Ойху поворожит и скажет, где живёт невеста.

Только вечером привели Уоми к костру и уса-

дили на траву против Ойху.

— Ешь! — сказал Ойху и протянул ему большой кусок зажаренного мяса. — Ешь, Уоми! Это сердце. Кто съест сердце свадебного медведя, тот найдёт не одну невесту. Две найдёт или больше, сколько захочет.

Уоми вынул из-за пазухи бронзовый кинжал и разрезал сердце вдоль на две половинки.

Одну он положил около себя, другую протянул Ойху.

— Довольно, — сказал Уоми. — Уоми нужна одна невеста. Другой не надо.

Уоми сорвал пучок травы и старательно вытер запачканный кинжал. Ойху с восхищением глядел на сверкающий в руках гостя острый бронзовый клинок.

— Подари нож, Уоми! — сказал колдун, и глаза его хищно прищурились.

Уоми молча покачал головой.

— За этот нож возьми у меня что захочешь.

Уоми засмеялся.

— Нож не простой, — сказал он. — Заговорённый. Уоми с ним ходит днём и спит ночью.

Ойху пристально посмотрел на Уоми.

— Ойху всё знает, — сказал колдун. — Духи ему сказали, зачем приехал Уоми. Уоми ищет девуш-

ку, которая ему снится.

Уоми встрепенулся.

— Девушка здесь. Близко тут, у воды, живёт. Во сне летала к Уоми.

Ойху прищурился и замолчал. Уоми побледнел.

— Она близко, только без Ойху её не найти.

Уоми изумлённо глядел на колдуна. Он не знал, что Ходжа целый день распевал тут про него свои хвалебные песни, и прозорливость хозяина Мыса его взволновала.

— Давай нож. Ойху поможет Уоми.

Уоми вскочил. Первым его движением было сейчас же отдать кинжал. Но острый, отталкивающий взгляд колдуна, который он поймал на себе, заставил его удержаться.

— Помощь твоя — и нож твой, — сказал он. — Уоми возьмёт невесту, и тогда Ойху возьмёт нож.

Глаза гадальщика сверкнули. Злая искра пробежала в них, и лицо его передёрнулось судорогой досады. Но через миг он спохватился, и взор его принял приторно-приветливое выражение.

— Кушай, Уоми. Зачем встал? Ты ещё не съел жареного. Глаза ешь: ночью увидишь, чего никто не видал. Сердце съешь — невеста любить будет.

Уоми уселся и принялся за свою долю. С утра он ещё не ел ничего, а потому был голоден и ел с удовольствием.

Ойху внимательно следил за ним. Велел дать ему ещё кусок и, когда Уоми наконец утолил голод, наклонился и на ухо сказал ему:

— Взойдёт месяц, приходи опять сюда! Жди Ойху возле сосны. Ойху будет ворожить, Ойху всё скажет…

У идолов

Луна поднималась круглая и красная, как кровь. Едва она выглянула из-за леса, как пять тёмных фигур подошли к месту медвежьей свадьбы.

Вот тут горел костёр, тут сидели на траве пирующие; вот две сосны, между которыми был привязан медведь.

— Берегись, — говорил тихо Карась. — Обманет!

Уоми с досадой махнул рукой.

Когда вечером у костра Гунды Уоми рассказал о том, что колдун будет ему ворожить этой ночью, все страшно встревожились. Гунда стала умолять его не ходить. Ная всхлипывала и вторила тому,

что говорила мать. Кунья сидела в стороне и молчала.

Уоми нахмурился и пошёл к лодкам.

Тэкту, чтобы как-нибудь утешить мать, сказал, что он с Карасём и его сыновьями будет вместе с Уоми. Они позовут с собой также двух младших сыновей Сойона.

Через час семь вооружённых людей уже спускались по Чёрной Речке к озеру. Молодые Сойоны, два сына Карася и Тэкту сидели на вёслах. Карась на корме действовал рулевым веслом, Уоми сидел на носу. Он зорко вглядывался в тёмные очертания прибрежных кустов.

Когда лодки вышли в озеро, стало сильно качать. Ветер дул с запада. Большие волны бежали к берегу и плескались о гранитные отвесы. Когда причалили к бухте у Мыса Идолов, луна уже ярко светила.

Молодые Сойоны остались сторожить лодку, остальные отправились к месту свиданья.

Ждать пришлось недолго. Ойху появился внезапно. Он вышел из кустов совсем не с той стороны, с какой его ожидали.

На Ойху была надета пёстрая женская шубка. В руках его был большой бубен.

— Пойдём, — сказал гадальщик и поманил

Уоми пальцем. — Круглая луна! — сказал Ойху. — Хозяин Большой Воды в гости приходит.

— Хозяин Большой Воды? — переспросил Уоми.

Дух у него захватило. Он стоял перед Ойху, прижимая к груди обе ладони, словно старался остановить забившееся сердце.

Хозяин Большой Воды! Отец Капли! Она говорила о нём, когда первый раз являлась Уоми во сне. Значит, она тут, близко…

Такие мысли проносились в голове Уоми, но слов у него не было, чтобы сказать, что он думал.

— Шумит, — сказал Ойху, прислушиваясь к рёву волн.

Колдун пошёл вперёд. Уоми и его спутники шагали за ним. Когда подошли к стойбищу идолов, Ойху оглянулся и погрозил пальцем.

— Тише, — сказал колдун. — Они не любят тех, кто шумит.

И он многозначительно показал на идолов.

К святилищу подходили молчаливые и серьёзные, стараясь ступать неслышно. У Тэкту робко пригнулась голова и глаза потупились в землю. Штук сорок деревянных идолов стояли тесной кучкой вокруг большого гранитного валуна. Некоторые были просто прислонены к камню,

другие — вкопаны в землю, третьи — воткнуты в трещины оголённой подпочвы, выступавшей там и здесь наружу.

Перед камнем лежала целая груда костей и черепов, светлых или побуревших от времени. Больше всего было больших оленьих и лосиных голов. Лежало несколько крупных медвежьих с оскаленными зубами. Немало было также черепов собачьих, волчьих и лисьих. Позади камня, на высоком колу, висела голова северного оленя с длинной белой гривой волос. Перед черепом на земле чернело пятно пепла и углей, сохранившееся от недавнего жертвенного костра.

Одни идолы были похожи на простые колья, воткнутые в землю. Только вырезанный кольцом желобок, изображавший шею, отделял набалдашник — голову — от туловища. Другие были значительно толще и выше ростом. Они имели слабое подобие человеческой фигуры.

У некоторых можно было ясно различить голову, длинную шею, плечи и косые нарезки по бокам, изображавшие рёбра.

Старый Карась и близнецы с опаской поглядывали на хранящее сумрачное молчание стадо идолов. Они боялись даже громко вздохнуть, чтобы не рассердить раздражительных и вспыльчивых божков.

Молча смотрели они, как Ойху по порядку, начиная с самых больших, мазал медвежьим салом

губы идолов.

Когда кормление божков кончилось, колдун повёл своих спутников к глубокой трещине, пересекавшей гранитную спину Мыса.

Здесь он приказал остановиться товарищам Уоми, а его взял за руку и повёл за собой.

Ворожба

Ойху привёл Уоми на самый конец Мыса. Уоми робко разглядывал странное место, на котором они находились.

Мыс Идолов был частью твёрдого гранитного ложа ледника. Это был слабо покатый гранитный спуск, гладко отполированный тяжёлым утюгом ледника. Скала выпукло спускалась в воду, как лоб черепа спускается к глазницам. Озёрные воды, шипя, набегали на него косыми рядами и сердито брызгали на гранит клочьями белой пены.

Таких больших волн Уоми ещё не приходилось никогда видеть. На Рыбном Озере не бывало ничего подобного и в самый сильный ветер.

Ойху поставил Уоми так, что луна очутилась у него справа и немного сзади:

— Смотри! Смотри лучше!

Он ткнул пальцем вниз, на гладкую поверхность гранита. И тут только Уоми заметил то, на что раньше не обращал внимания.

Вся гладкая полировка скалы была покрыта странными изображениями, выбитыми в граните. Тени от косых лунных лучей создавали резкие контуры их с одной стороны, в то время как противоположная почти сливалась с освещённым красноватым фоном.

Среди них видны были фигуры каких-то птиц с длинными шеями.

Почти под самыми ногами Уоми можно было различить отпечатки огромных ступней, которые шли вереницей начиная от того места, где стоял Ойху, у самого края берега, залитого брызгами волн.

— Тут «Он» выходит из воды, — сказал Ойху.

Колдун повёл Уоми по каменным следам. Через несколько шагов они остановились перед огромной фигурой, выдолбленной в скале. У неё был вид голого человека, стоящего на одной ноге, притом так, что ступня её совпадала с последним, самым крупным следом.

— «Он» тут, — сказал колдун. — Здесь стоит. Это его тень.

Уоми со страхом разглядывал эту удивитель-

ную фигуру. Длина её намного превышала человеческий рост.

— Зажмурься! — приказал Ойху.

Едва только он это сделал, как лёгкое веяние пахнуло ему в лицо и пошевелило пряди его волос.

Раздался глухой длительный свистящий звук со стороны фигуры и стоящего рядом с ней колдуна.

Уоми вздрогнул и открыл глаза. Колдун стоял с поднятым над головой бубном.

Ойху опустил бубен и спросил шёпотом:

— Слышал?

— Слышал, — прошептал Уоми.

Колдун велел посмотреть вокруг. Теперь Уоми ясно различал вырезанные в камне изображения. Шагая вслед за Ойху, Уоми вглядывался в них с каким-то тревожным любопытством. Больше всего встречались тут птицы с лебедиными шеями.

— Куррумба, — сказал Ойху, — Лебеди. Тут они садятся весной.

Держа за руку Уоми, Ойху обвёл его по всей площадке, покрытой странными изображениями. Затем они вернулись опять к изображению духа, стоящего на одной ноге, от которого они начали обход.

Колдун поставил своего спутника рядом с изображением и опять велел зажмуриться. Едва только Уоми это сделал, как ясно почувствовал, что в щёку ему пахнуло холодом. Колдун забормотал потихоньку странные слова и стал ходить вокруг. По временам опять слышалось странное жужжанье, и лёгкое дуновение касалось лица Уоми.

Бормотанье раздавалось всё громче и громче. По временам оно прерывалось странным жужжаньем, а за ним следовало холодное дыхание. Уоми заметил, что дуло всегда с той стороны, где в этот момент находился Ойху. Наконец он не выдержал и незаметно приоткрыл веки. Сквозь полузакрытые ресницы он увидел, что жужжанье производит сам Ойху, крутя по коже бубна согнутым пальцем. Пожужжав, колдун махал бубном, и Уоми чувствовал то самое дуновение, которое до того было ему непонятно.

Уоми немного успокоился.

Между тем колдун вертелся всё быстрее и быстрее. Теперь он не только жужжал, но и постукивал по бубну, а бормотанье его делалось всё громче.

По временам колдун испускал какие-то глухие стоны и снова принимался бормотать. Уоми

удивляло, что в этом бормотанье ничего нельзя было разобрать.

Танец перешёл в какое-то безумное беснование. Ойху кричал, кривлялся, дико вращал глазами, размахивал бубном и вдруг подбежал к самой воде и кинул его назад через собственную голову. Бубен, прыгая, покатился по камням и упал набок возле какой-то фигуры. В то же время колдун

завопил страшным голосом и упал навзничь.

Уоми вскочил и в ужасе глядел на упавшего. Некоторое время Ойху лежал как мёртвый, с остановившимся, бессмысленным взглядом. Потом повернулся, приподнялся на локте и сел на землю. Несколько раз он глубоко вздохнул, набирая в лёгкие воздух.

Наконец он поднялся и вытер руками мокрое от пота лицо.

— Дай руку, — сказал Ойху.

Они двинулись вместе. Бубен нашли возле изображения мужчины, который догоняет женщину.

Ойху обошёл три раза вокруг бубна, поднял его с необыкновенной торжественностью.

— Смотри, — сказал он, указывая на вырезанные в граните фигуры. — Это тень Уоми поймала свою невесту. Завтра Уоми возьмёт девушку, которая ему снилась. — Он посмотрел строго на покрасневшего, как мак, Уоми. — Солнце взойдёт на небесную гору. В самый полдень Уоми придёт к этим соснам. Один, без людей. Тут будет ждать мальчик. Он покажет Уоми дорогу.

Колдун лукаво посмотрел на Уоми и вдруг прибавил самым обыкновенным тоном:

— Ну, давай нож! Ойху хорошо наворожил.

Уоми сунул руку за пазуху и уже нащупал руко-

ять, но в это время снова заметил такой жадный и хитрый взгляд колдуна, что невольно остановился. Он медленно вынул кинжал, лезвие которого блеснуло в лунном свете, и поглядел на Ойху.

— Уоми отдаст нож, — сказал он, — как только получит невесту.

Кунья

В эту ночь в шалаше Гунды спала только одна Ная.

Гунда ворочалась с боку на бок и по временам тяжело вздыхала. Её тело лежало здесь, а душа была там, куда ушёл Уоми.

Кунья сидела на охапке мягкой травы. Глаза её были открыты, и сна не было в них.

К утру Гунда забылась тяжёлым сном.

Как только над озером брызнули первые лучи рассвета, Кунья неслышно поднялась и вышла из шалаша.

Влажный утренний воздух охватил её. Мокрая трава омывала её босые ноги.

Медленно приблизилась она к реке. Ряды челноков мирно дремали на жёлтом речном песке.

Вернулся ли тот, на котором уехал вчера Уоми?

Она хорошо его знала. Это была новая лодка Карася.

Нет, её нигде не было видно.

Кунья прошла мимо шалашей, в которых спали люди Свайного посёлка. Никто ещё не вставал.

Вот это шалаш младших Сойонов. Если они вернулись, значит…

Медленно подошла она к шалашу и осторожно заглянула внутрь. На разостланной шкуре спал слепой Ходжа. Но ведь он не ездил с ними.

Больше никого не было.

Там, с краю, остался ещё один шалаш. Но туда она ни за что не пойдёт. Она только посмотрит издали.

Кунья стояла и смотрела, как во сне. Впрочем, ей только казалось, что она стоит, потому что её ноги сами собой двигались. Она никак не могла понять, как это произошло, что она очутилась у самого шалаша. Она чуть не вскрикнула, когда заметила, что стоит перед самым входом. Хотела убежать, но ноги её не слушались.

Нагнувшись, она заглянула в ничем не загороженный вход.

В шалаше было пусто. На полу валялось оружие. Стояли прислонённые к стене копья. На медвежьей шкуре лежал огромный дубовый лук и связанный ремешком пучок длинных стрел.

Это был лук Уоми.

Пошатываясь, отошла Кунья прочь. В душе её было так же пусто, как и в шалаше.

Теперь Кунья не знала, куда идти, но она всё-таки шла. Она шла в каком-то забытьи, не сознавая того, что делает.

Не сознавая, что делает, вернулась она опять к реке и пошла по тропинке, которая вела её против течения, вдоль заросшего осокой берега.

Голова у неё кружилась от солнечной ряби, сверкавшей миллионами огней. Сколько времени шла, она не знала и остановилась только тогда, когда тропинка кончилась. Дальше начинались кусты и густая опушка леса. Тропинка сворачивала прямо вниз и обрывалась у песчаной отмели. На песке были видны свежие следы человеческих ног.

Кунья внимательно в них вгляделась. Следы шли к воде, а на той стороне неширокой речки виднелся тоже песок и на нём продолжение тех

же следов.

Значит, тут брод. Тут переходят речку.

Кунья постояла ещё немного, потом скинула свою белую горностаевую безрукавку. Это была единственная одежда на ней.

Быстро скатав её валиком, она положила её себе на голову и вошла в воду.

В середине реки было довольно глубоко. Вода доходила почти до плеч, но Кунья всё-таки шла. Скоро сделалось мельче, и, перейдя мелководье, она выбралась на песок.

Здесь она оделась и робко огляделась кругом.

Куда она зашла? Что будет она тут делать? Куда пойдёт?

Кругом тесно надвигалась на отмель густая чаща ивняка. Выше громоздился ольшаник. Ещё выше — берёзы. За ними ничего не было видно. Только узенькая тропа пролегала в одном месте между кустами, и на влажной почве виднелись отпечатки ног.

Кунье стало страшно.

Нет, она вернётся. Она пойдёт к Гунде и будет ждать, пока те приедут. Может быть, всё кончится хорошо.

Она только согреется немного и пойдёт. Солнце уже стало заметно пригревать. Усевшись на

травяную кочку, она подпёрла подбородок рукой и задумалась.

Вдруг что-то зашуршало в кустах. Кунья вскочила и с испугом побежала к реке. Но было поздно: двое мужчин с копьями в руках бежали ей наперерез.

Она кинулась назад к тропинке, но и оттуда глядело на неё толстое человеческое лицо. Лицо это смеялось.

Девушка опрометью бросилась в третью сторону, прямо через кусты, но чьи-то сильные руки обхватили её и подняли на воздух.

Мужчина перекинул её через плечо, как мешок, и с громким хохотом зашагал к реке. Кунья с ужасом разглядела вокруг себя четырёх мужчин. Все они были коренастые, желтолицые, узкоглазые. Трое были в широких меховых одеждах, сшитых в виде мешков с дырой для головы. У двух в руках были копья, третий держал весло.

Откуда они взялись?

Все четверо говорили громко и непонятно. Говорили быстро, тараторили и так же торопливо смеялись коротким, жёстким смешком.

Один из мужчин вложил в рот два пальца и пронзительно свистнул.

Недалеко послышался ответный свист, и через минуту два узких, длинных челнока вынырнули из-за поворота реки.

Желтолицый, державший до сих пор Кунью, спустил её на землю.

— Хороша девушка! — сказал он вдруг знакомыми словами, с каким-то чудным произношением. — Девушка, будешь меня любить?

Вдруг самый толстый из мужчин, с двумя белыми лебяжьими перьями, воткнутыми в волосы,

громко, сердито закричал, затопал ногами, и все остальные сразу притихли. Кунья поняла, что это старший.

— Моя девушка! — сказал толстый и стал настойчиво толкать её в лодку.

Неожиданно Кунья рванулась и с криком прыгнула в воду. В несколько прыжков толстый нагнал её и схватил за волосы. В один миг желтолицые скрутили ей руки и бросили на дно лодки. Кунья билась и кричала, пока её не связали и не заткнули рот чем-то мягким.

Утром Ойху позвал Алдай, пятнадцатилетнего сына одной из своих многочисленных жён. Алдай примчался, как ветер. Он знал крутой нрав отца. На его зов надо было являться немедля. Ойху послал мальчика к Мысу Идолов, велел там дождаться Уоми и дал строгий наказ, что говорить и что делать. Отправив мальчика, он вернулся в хижину и прилёг вздремнуть. Проснулся он от какого-то назойливого стука. Кто-то хлопал палкой по брёвнам помоста.

Ойху недовольно выглянул из-за входной занавески:

— Кто там?

По краю помоста снова постучали.

Внизу, на земле, стояли трое желтолицых. Впе-

реди толстый, узкоглазый, скуластый, с двумя лебедиными перьями в волосах стучал древком копья по еловым брёвнам.

— Кто стучит?! — сердито крикнул Ойху.

— Узун, — коротко ответил косоглазый.

— Зачем пришёл?

— Дарить!

— Чего ещё там? — спросил Ойху, смягчаясь.

— Девушку поймал, — сказал Узун, скаля белые острые зубы. — Дарить хочет Узун девушку!

— Откуда взял?

— Узун не знает. У реки сидела. Хороша девушка! — Узун громко защёлкал языком.

— Веди, — сказал Ойху и вдруг залился тонким смешком.

— Приведу. Только так сделай, чтобы зверя было побольше. Плохо ловим совсем. Совсем мало зверья в лесу. Голодать будем.

— Это можно!

Узун крякнул и снова начал цокать, расхваливая свой «подарок».

— Ну, иди, иди! Сам увижу.

Ойху схватил высокую палку и стал спускаться по бревенчатому дрожащему скату.

Когда шаги его затихли, меховые занавески у входа в хижину колыхнулись и слегка раздвину-

лись. В образовавшейся щели мелькнуло белое лицо и сверкнули два чёрных, как уголь, глаза.

Пальцы маленькой руки придерживали обе полы занавески. Ни щёк, ни носа, ни губ нельзя было разглядеть. Внизу, из-под приподнятого края полога, высунулся кончик розовой женской ноги.

Тёмные зрачки внимательно глядели на удаляющегося по направлению к речке Ойху. Когда Ойху с желтолицыми скрылся за кустами, за занавеской раздался странный гортанный звук. Прозвенел заглушённый женский смех и как-то невесело и внезапно оборвался.

Занавеска закрылась, и в хижине наступила мёртвая тишина.

Прошло немного времени, и со стороны лесной опушки раздался протяжный свист.

Внутри хижины послышалось шлёпанье босых ног. Занавеска снова раздвинулась, так же осторожно, как и раньше.

Свист повторился. По лесной тропинке, идущей от опушки, показались два человека. Один был почти мальчик, и в нём нетрудно было узнать Алдай. За ним шагал высокий и стройный юноша с коротким копьём и кудрявыми русыми волосами.

Это был Уоми. Путники направлялись прямо к свайному жилью Ойху.

Занавеска почти сомкнулась, но босые ножки были видны из-под нижнего её края.

Путники подошли к дому и остановились. Мальчик свистнул третий раз.

Из дому никто не показывался.

— Нет его, — сказал Алдай. — Ушёл!

За занавеской послышался чуть слышный смех.

Уоми изменился в лице.

— Иди, Уоми, — сказал мальчик. — Ойху велел идти.

Уоми ступил на помост. Тотчас же за занавеской кто-то вскрикнул и послышалось шлёпанье убегающих ног.

Уоми остановился и провёл рукой по волосам. Его, который отважно ходил против медведя, его, который без страха сражался один с пятью суаминтами, теперь охватила странная робость, и он нерешительно смотрел на задвинутые занавески.

— Алдай пойдёт, — сказал мальчик. — А ты слушай, она крикнет.

Он повернулся и бегом пустился бежать к реке.

Уоми остался один, прислушиваясь к насту-

пившей тишине, которая казалась ему невыносимой.

В хижине опять послышались чьи-то шаги, и всё стихло, Уоми растерянно оглядывался по сторонам. Голова у него кружилась, как тогда, во сне, когда он ловил воздух.

Прошла томительная минута. И вдруг в глубине дома раздались удивительные звуки. Их можно было принять одинаково и за сдержанный смех, и за плач женщины.

Кровь бросилась в лицо Уоми. Он быстро взбежал по бревенчатому скату и откинул занавески, закрывавшие вход…

Внутри не было ни души.

Хижина Ойху показалась Уоми низкой, тёмной и тесной. Свет падал только через открытый вход. После яркого солнечного блеска Уоми с трудом различал находящиеся здесь предметы.

Всё тут было необычно и странно: черепа зверей, развешанные по стенам, огромные оленьи рога, стоящие по углам громадные глиняные сосуды. Но всего страннее была мысль, что он, Уоми, в логове страшного колдуна и что где-то тут близко скрывается та, ради которой он рвался сюда, на край света, — девушка его снов, таинственная невеста, посещавшая его столько раз в

ночных видениях!

Уоми стоял неподвижно, и в наступившей кругом тишине ему ясно послышалось чьё-то дыхание и шелест одежд за меховой перегородкой.

Молчание томило его. Он быстро шагнул вперёд и откинул занавеску.

Теперь он очутился в главном помещении хижины, освещённой светом из дымовой отдушины и огнём пылавшего очага. За очагом он увидел прижавшуюся в углу женщину. Она стояла, отвернувшись к стене. Голова её была закутана серой шкурой рыси, которую она придерживала голой, немного пухлой рукой. На женщине была надета длинная белая безрукавка.

Уоми шагнул к ней, прислонив к стене своё копьё, и протянул к ней обе руки.

— Капля! — сказал он. — Уоми пришёл к тебе на край света. Ты звала его во сне. Откройся, покажи лицо! Скажи твоё настоящее имя!

— Уйди! — раздался из-под рысьего меха какой-то крикливый металлический голос. — Уйди! Он убьёт… Он убьёт тебя и меня. Беги, он придёт скоро! — В гортанном говоре женщины слышался неподдельный ужас.

— Ойху не убьёт Уоми. Он возьмёт за тебя выкуп. Он сам велел мне прийти. Он отдаст тебя.

— Не верь Ойху! Он обманет. Возьмёт выкуп, а потом убьёт.

— Не бойся! Ойху этого не сделает. Открой только лицо, и тогда никто уж тебя не отнимет.

— Уходи, уходи! — раздался тот же молящий голос, и вдруг она повернулась и приподняла покрывало.

Уоми опустил руки.

На него глядело толстое, круглое лицо. Чёрные волосы, заплетённые в несколько косичек, падали с её головы.

Женщина смущённо улыбалась, но к этой улыбке примешивалось столько жалкого испуга, что она нисколько не украшала её жирное, маслянистое лицо.

Он уловил на себе её странный взгляд, взгляд рабыни, которая хочет украсть мёду, но смертельно боится хозяина. Ярко покрашенные щёки делали её похожей на большую куклу, и жутко было смотреть, что эта кукла шевелится и хочет улыбаться.

Уоми на мгновение застыл в каком-то оцепенении. Так вот какая она, эта девушка, ради которой ехал он сюда, на край света! Вот кого хотел назвать своей невестой! Неужели это её душа прилетала к нему в Ку-Пио-Су с этих пустынных

берегов?

Мысли вихрем кружились в его мозгу.

«Не та, не та!» — хотелось ему крикнуть, и тут с отчётливой ясностью вырисовался в его воображении образ той, настоящей, которая ему снилась.

Всё у той было не так: тонкое лицо, ласковые голубые глаза, маленький рот и волосы, светлые, как солома.

«Та, что снилась, была как Кунья, — молнией сверкнуло в мозгу. — Совсем как Кунья! А эта…»

— Уоми, — зашептала женщина, — приходи в полночь. Я впущу тебя. Ты убьёшь его сонного. И тогда Нинда — твоя невеста.

Она засмеялась таким смехом, от которого всё в нём содрогнулось. Уоми отшатнулся, когда Нинда протянула к нему свои пухлые руки. Отодвигаясь, он задел приставленный к стене дротик, который со стуком упал на пол.

Нинда схватилась за голову и зашептала испуганно:

— Ах, это он! Идёт, идёт! Беги, Уоми! Прячься!

И с побледневшим лицом Нинда кинулась в угол, где грудой лежали целые вороха брошенных мехов — обильные дары клиентов Ойху. Нинда судорожно стала зарываться в меха, словно

мышь, которая прячется в нору.

Неодолимое отвращение охватило Уоми. Он отпрянул назад и в несколько прыжков, позабыв даже поднять упавшее копьё, выбежал из дома.

В душе его бушевал целый ураган чувств и мыслей. Отчаяние, отвращение и гнев боролись между собой: отчаяние — когда он думал о разбитой надежде, которой он жил в течение этого года, и гнев — когда он думал об обманщике, насмеявшемся над его доверием.

Последнее чувство скоро овладело им целиком.

На миг он остановился на краю помоста, почти ослеплённый солнцем. Прикрыв ладонью глаза, он огляделся кругом и вдруг вдали, на тропинке, идущей от Чёрной Речки, увидел человека. Над зеленью ветвей была видна только одна голова, но зоркие глаза Уоми ясно различали знакомые черты.

Это был Ойху.

«Обманщик!» — захотелось крикнуть Уоми, и он, верно, крикнул бы, если бы до Ойху не было так далеко.

Уоми вытащил свой бронзовый нож, который накануне чуть было не отдал колдуну, и попробовал пальцем его лезвие. Он быстро сбежал по

сходням и двинулся навстречу Ойху. Кровь его кипела. Он боялся только одного — что колдун вовремя догадается и постарается скрыться.

Но притворяться и делать равнодушный вид Уоми не умел. Он судорожно сжимал в руке заговорённый кинжал и почти бежал по тропинке. На одном из её поворотов чаща ольховых деревьев загородила его. Дальше открывалась зелёная луговина с растущей посередине сосной. Луговину надо было пересечь, чтобы добраться до Ойху. В это время из-за прикрытия последних больших кустов он снова заметил колдуна.

Следом за ним показались другие люди. Это были желтолицые. Их было четверо. Приземистый рост скрывал их, в то время как голова Ойху выдавалась над кустами.

Все они вышли на луговину, и перед Уоми открылась неожиданная картина. У желтолицего, который шёл позади Ойху, был в руках конец ремённой петли, надетой на шею девушки.

Девушка упиралась, но желтолицый тащил её, как пойманную собаку, а двое других толкали её сзади. Руки девушки были скручены за спиной.

Уоми, к ужасу своему, увидел, что это была Кунья.

Как это могло случиться?

Размышлять было некогда. Надо было спасать её немедленно.

Но как это сделать? Он один! Сбегать за помощью? Но товарищи далеко. Они ждут его там, на берегу, возле лодки. Пока он будет бегать за ними, пройдёт слишком много времени. Что сделают без него с девушкой эти люди и куда её отведут? Да, кроме того, они уже заметили его.

Если Уоми побежит, они поймут, что он их боится. Может быть, их будет потом ещё больше. Бежать уже поздно. Надо действовать!

В руках Уоми был только кинжал. Но ведь это — заговорённое оружие. Пока оно у него в руках, чего ему бояться колдуна?

Уоми спрятал за спину кинжал и двинулся вперёд. Он вышел из кустов, но едва сделал несколько шагов, как раздался душераздирающий крик:

— Уоми! Уоми! Они убьют! Беги!

В этот миг его снова поразила мысль, что Кунья больше всех напоминает девушку, которая ему снилась. Он почувствовал, как силы его удесятерились, и твёрдыми шагами приблизился к колдуну.

Ойху насторожился. В хитрых глазах его мелькнул злой огонёк. Казалось, он угадывал намерение чужестранца.

— Колдун, ты обманул Уоми! Не твоя толстая Нинда его невеста. Моя невеста — вот она! Сними с неё петлю и отдай Уоми!

Колдун засмеялся:

— Разве Уоми видел мою Нинду?

— Видел! Она не похожа на девушку моих снов.

— А эта? — спросил колдун.

— Эта — она самая.

— Ай, плохо! Ай, как плохо торопиться! Ойху давно знал, кого тебе надо. Он велел поймать эту девушку. Это и есть дочь хозяина Большой Воды. Её связали потому, что она не хотела идти. Возьми её и отдай Ойху, что обещал.

Глаза Уоми вспыхнули от радости:

— Кунья! Я не знал, что ты дочь хозяина Большой Воды. Ты моя невеста. Это ты звала меня во сне?

Уоми видел, как щёки девушки занялись заревом яркого румянца.

— Вот где я узнал тебя! — продолжал Уоми. — Ойху, вели развязать её, сними петлю, — сказал Уоми, показывая на неё кинжалом.

— Узун, отпусти девушку, — сказал Ойху.

Желтолицые сняли с Куньи петлю и развязали руки.

— Возьми, — сказал колдун, — и знай: Ойху делает, что сказал. Пусть сделает то же Уоми. Он сказал: Уоми получит невесту — Уоми даст Ойху заговорённый нож.

Колдун протянул ладонь и ждал.

Уоми одной рукой обнял за плечи Кунью, а другой подал кинжал колдуну.

— Хороший нож, — сказал Ойху, любуясь кинжалом. — Блестит, как новый месяц. — Колдун, улыбаясь, подозвал желтолицых. — Гляди, Узун, какой нож! Он заговорённый.

Узун ахнул, хлопнул руками по бёдрам и радостно зацокал языком.

— Это хороший выкуп. За него можно отдать какую угодно невесту. У кого этот нож, тому нет страха. Теперь Ойху тоже никого не боится, — колдун громко расхохотался. — Теперь пришла очередь бояться Уоми. У него в руках невеста, но нечем её защищать. Теперь Ойху будет судить Уоми.

— За что? — спросил Уоми.

— Уоми вошёл самовольно в дом Ойху. Узун, что делает Ойху за это?

— Тук-тук! — сказал Узун и постукал кулаком по своей голове.

— Уоми смотрел на его Нинду. Узун, за это что

бывает?

— Тук-тук! Много тук-тук! — повторил Узун, опять стуча себе по темени кулаком.

— Уоми прятал за спиной нож. Уоми хотел убить Ойху. За это что сделать?

— Ай-ай-ай! — закричал Узун. — Ойху не будет прощать за это.

— Схватить его! — крикнул Ойху желтолицым.

Все четверо коренастых спутников Ойху, как волки, бросились на Уоми. Ударом кулака Уоми опрокинул толстого Узуна, но двое других крепко вцепились в его руки. Уоми пытался отбиваться, но Узун забежал сзади и обхватил обеими руками его шею. Общими силами они повалили его на землю.

— Уоми! Уоми! — пронзительно закричала Кунья.

Она кинулась к дерущимся и за волосы оттащила прочь толстого Узуна. Тот вырвался и так крепко ударил её в висок, что она взмахнула руками и без памяти упала наземь.

После этого все снова кинулись на Уоми. Они скрутили ему руки и ноги, заткнули пучком травы рот и по приказанию Ойху привязали к сосне.

В это время очнувшаяся Кунья вскочила и снова принялась кричать. Её тоже схватили и

привязали к белому стволу берёзы, в нескольких шагах от Уоми.

Вот когда настало высшее торжество колдуна! Сколько песен наслушался он про непобедимого героя Уоми! И вот теперь Уоми, связанный по рукам и ногам, в полной его власти! Вот когда может он насладиться своим могуществом и дать волю всем кровожадным страстям своей натуры…

Ойху расхаживал от одного дерева к другому, взмахивая кинжалом, и делал вид, что сейчас вонзит нож в тело той или другой жертвы. Колдун упивался бессилием своих пленников, которых он собирался терзать медленно и зверски.

Он нарочно не велел затыкать рот Кунье, чтобы её крики и плач дали ему возможность вдоволь насладиться бессильной яростью Уоми.

— Смотри! — кричал он, захлёбываясь отвратительным смехом. — Вот я проткну глаза твоей Кунье! Я отрежу ей одно ухо, потом другое, я проколю ей щёки…

Он замахивался кинжалом и всякий раз наблюдал за тем, как искажается судорогой гневное лицо сына Гунды.

Кунья плакала и кричала в беспамятстве, и звонкие крики её пронзали воздух.

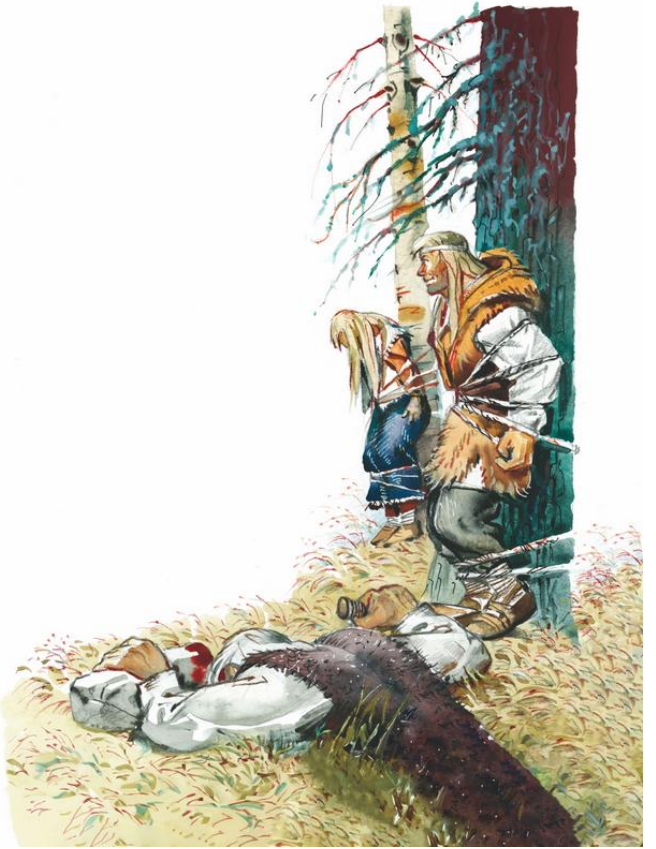
— Кричи, кричи! — хохотал Ойху. — Будешь кричать ещё громче!

Ойху медленно подошёл к ней, и лицо его сделалось похожим на морду рычащего волка. Одной рукой Ойху сдавил девушке горло, другой поднял блестевший на солнце кинжал и выбирал глазами место, куда его воткнуть.

— Гляди, гляди! Слушай, как будет кричать Кунья! — издевался колдун, оглядываясь на Уоми.

Но в этот момент произошло что-то непонятное. Как будто поражённый молнией, Ойху внезапно опрокинулся навзничь. Камень, ударивший ему в висок, с силой отскочил и покатился по тропинке.

Махая пращой, из кустов выскочил Тэкту, за ним Карась, два его сына и двое младших Сойонов с копьями наперевес.

Желтолицые бросились бежать, даже не успев подобрать брошенные в сторону дротики. С необыкновенным проворством они юркнули в кусты и скрылись в густых ивняках.

Нападавшие не собирались их преследовать. Они радовались тому, что послушались Карася, который с самого утра, вопреки запрету колдуна, советовал непременно идти за Уоми и не упускать его из виду.

Как только посланный мальчик увёл Уоми к дому Ойху, они все отправились за ним по пятам, стараясь ничем не выдавать своего присутствия.

Они видели, как Уоми выбежал назад из хижины от своей воображаемой невесты и как ринулся, размахивая кинжалом, к реке.

Вид его не предвещал ничего доброго, и встревоженные товарищи решили идти за ним.

Громкие вопли Куньи заставили их поторопиться и поспеть как раз вовремя на место разыгравшейся драмы.

Карась быстро отвязал узников, вырвал бронзовый кинжал из кулака мёртвого Ойху и подал его Уоми.

— Скорее к лодке! — закричал он. — Скорее! А то сбегутся здешние.

Уоми подхватил на руки обессилевшую Кунью

и бегом понёс её к озеру, где лежал их вытащенный на берег челнок.

Заключение

Свадебная дружина Уоми возвращалась домой.

В тот же день, когда Тэкту убил камнем колдуна, все челноки, приехавшие из Свайного посёлка, покинули устье Чёрной Речки.

Мать Гунда была бесконечно счастлива, что Уоми назвал Кунью своей невестой. Теперь она уже не боялась, что девушка, которая звала сына во сне, его погубит. Ведь девушкой этой была её любимая Кунья.

Она не очень удивлялась, что Кунья оказалась дочерью хозяина Большой Воды.

Что ж! Если Уоми — сын Дабу, отчего Кунье не быть дочерью другого Невидимого?

На другой день в лагере рыбноозерцев только и разговору было, что о последних событиях у Мыса Идолов.

Йолду и все жители посёлка упросили Уоми и его спутников погостить ещё хоть несколько дней. Они просили об этом не только потому, что не хотели сразу расстаться с отданными замуж дочерьми, — главной причиной этих особенно дружеских чувств было, как оказалось, освобождение их от власти жестокого Ойху.

Только после того как Ойху стал безопасен, развязались у всех языки, и рыбноозерцы услышали от местных людей, в каком страхе держал отвратительный старик все окружающие посёлки, сколько обид натерпелись от него и русые рыболовы, и черноволосые лесные охотники.

Ойху умел внушить такую веру в его непреодолимое могущество, что весть о его убийстве приехавшими издалека людьми казалась многим невероятной.

Из глубины лесов на лёгких челноках приезжали звероловы, чтобы проверить правильность дошедших до них слухов. И когда слухи эти подтверждались, они являлись в лагерь рыбноозерцев и просили показать им Тэкту, который оказался сильнее колдуна и не побоялся поднять

на него руку.

Имя Тэкту в эти дни почти затмило славу самого Уоми.

Наконец, после нескольких пиров и дружеских угощений, свадебная дружина рыбноозерцев погрузила в лодки свои пожитки и покинула заливчик Свайного посёлка.

В эти последние дни рыбаки Свайного посёлка просватали гостям самых лучших невест, которые у них оставались. С молодыми жёнами уехали все, кроме Тэкту и Ходжи, и даже Карась прихватил с собой молоденькую дочку Йолду.

Дружина счастливо добралась до устья реки, по которой месяца полтора перед тем рыбноозерцы прибыли к берегам Большой Воды.

Тут с ними расстались ладьи Свайного посёлка, которые их провожали, и рыбноозерцы двинулись знакомым речным путём обратно к югу.

В укреплённый городок Ку-Пио-Су добрались они не скоро — только весной следующего года.

Им пришлось потратить немало дней, чтобы протащить волоком, под холодными осенними дождями, свои лодки до мелководного притока бурного Белого Озера.

В Великую Реку спустились они уже поздней осенью, когда дни стали коротки, ночи темны и безлунны, когда небо закрылось холодными дождливыми тучами, а бурные северные ветры не раз грозились захлестнуть волнами низкие борты челноков.

В одном из дружеских рыбацких селений на берегу Великой Реки пришлось им зазимовать в наскоро построенных шалашах и землянках, потому что зима уже подошла, а плыть остава-

лось немало.

В этом селении и Тэкту нашёл себе красивую девушку. Он отдал за неё все ожерелья Гунды, которые ещё оставались в его дорожном мешке.

Только на следующую весну, когда по-новому грело и сияло весеннее солнце, добрались они наконец до родного Рыбного Озера.

Проезжая Каменную Щель, услыхали они о трёх стариках, переселившихся на подземные реки.

Умерли почти в один день колдунья Рефа и её сын Урхату, у которого после новой схватки с рассерженным кабаном вскрылись старые рубцы от страшных медвежьих когтей. В его кровь проникло смертельное пламя и сожгло его. Через несколько дней нашли на берегу реки мёртвым старого Пижму, которого некому было больше спасать от мучений злой Хонды.

В Ку-Пио-Су старшинство перешло к деду Азу, который всё ещё глядел на людей своими светлыми глазами.

Лодки повернули с главного речного потока в тихое Рыбное Озеро. В небе неслись весенние перелётные стаи: летели журавли, над озером кричали кулики и чайки, а на воде вереницы лебедей праздновали приход матери всех лебедей — радостной и белоснежной Куррумбы.

На лодочной пристани островка Ку-Пио-Су весело теснились сбежавшиеся мужчины и женщины. Дети первыми заметили вдали многочисленные ладьи и догадались, что это возвращается свадебная дружина Уоми.

Из домов выползли седые старики и старухи. Самого старшину посёлка — Азу под руки вывели на пристань посмотреть, каких жён добыли себе молодые, ходившие на Край Света, к берегам далёкой Большой Воды.

